

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 1(63)

2020

Москва 2020

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.В. Карпенко

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
П.Н. Лебедев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
**А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, В. Goldman, Н.Т. Ерегина,
В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, О.В. Павленко,
А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
Д. Фильцер, Л. Чех, П.П. Шкаренков**

Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вестник, 2020
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2020
© Издательство Ипполитова, 2020

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF
Pavel N. Lebedev

EDITORIAL BOARD
**A. Bezborodov, O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer,
W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov, O. Pavlenko,
P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2020
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2020
© Ippolitov Publishing House, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Поляков В.Е.* Партизаны и деньги: Финансирование и продовольственное снабжение партизанского движения в Крыму (1941 – 1944 годы).....6

Антибольшевистская Россия

- Димони Т.М.* Службная повседневность милиции «белой» Северной области (1918 – 1920 годы).....24
- Ипполитов С.С.* Инвалиды двух войн: Увечные русские воины в эмиграции (1917 – 1920-е годы).....45
- Маслова И.В.* Предпринимательская династия Стахеевых в эмигрантском Харбине.....60

Память культуры

- Миронов А.С.* О ценностном характере былинной темпоральности.....71

События и судьбы

- Милевский О.А.* «Хождение по мукам» Гавриила Глико: Из истории политической ссылки времен царствования Александра III.....90
- Грибовский М.В.* Николай Андреевич Гредескул: Профессор эпохи Русской революции.....116

CONTENTS

Russian Statehood

- Polyakov V.E.* Partisans and Money: Financing and Supplying Food to the Partisan Movement in the Crimea (1941 – 1944).....6

Anti-Bolshevik Russia

- Dimoni T.M.* The Daily Routine of the Militia of the Russian “White” Northern Region (1918 – 1920).....24
- Ippolitov S.S.* The Invalids of Two Wars: Disabled Russian Veterans in Emigration (1917 – 1920s).....45
- Maslova I.V.* The Stakheyevs’ Entrepreneurial Dynasty in Emigrant Harbin.....60

Cultural Memory

- Mironov A.S.* On the Time in Russian Bylinas and its Axiological Nature.....71

Landmarks in Human History

- Milevskiy O.A.* Gavriil Gliko’s “Road to Calvary”: From the History of Political Exile during the Reign of Alexander III.....90
- Gribovskiy M.V.* Nikolay Gredeskul: Professor of the Russian Revolutionary Epoch.....116

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

В.Е. Поляков

ПАРТИЗАНЫ И ДЕНЬГИ: ФИНАНСИРОВАНИЕ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КРЫМУ (1941 – 1944 годы)

V.E. Polyakov

Partisans and Money: Financing and Supplying Food to the Partisan Movement in the Crimea (1941 – 1944)

В последние годы наметился и быстро происходит рост интереса российских историков Великой Отечественной войны к тыловой повседневности – как советского тыла, так и тыла оккупантов. Естественно, в эту проблематику включается и повседневность партизанского движения¹. И это закономерно: повседневная жизнь населения на оккупированных территориях, повседневная жизнь и борьба партизан с врагом, как и их взаимоотношения с населением на почве служебной повседневности являлись факторами, решающим образом влиявшими на развитие партизанского движения, его размах и действенность.

В этом плане весьма показательно партизанское движение на территории Крымского полуострова.

В силу целого комплекса причин оно породило противоречивость как в научных оценках, так и в массовых представлениях о борьбе крымских партизан в фашистском тылу. Это явилось результатом, главным образом, острого недостатка научных знаний из-за того, что документы о событиях партизанской борьбы против оккупантов долгие десятилетия хранились под грифом «совершенно секретно». Если какие-то сведения и обнародовались, то строго дозировано и под бдительным контролем советской цензуры, что не позволяло воссоздать полную и достоверную картину происходившего на полуострове, оценить суть и динамику событий, составляющих героическую историю партизанской борьбы на территории Крыма.

Как результат возникла, в частности, противоречивость в оценке

взаимоотношений партизанских отрядов и местных жителей. Так, партизанские командиры и рядовые партизаны не раз приводили в своих документах и воспоминаниях факты вооруженного сопротивления жителей целого ряда населенных пунктов при попытках партизан получить у них продовольствие. А жители, со своей стороны, сохранили немало свидетельств о систематическом безвозмездном изъятии партизанами хлеба, домашнего скота и различных продуктов питания.

Могли ли крымские партизаны в условиях фашистской оккупации установить какие-то иные взаимоотношения с местным населением в вопросе продовольственного снабжения партизанских отрядов?

* * *

Для ответа на этот вопрос, как и на другие связанные с ним сложные вопросы – включая и вопрос о финансировании партизанского движения в Крыму, – необходимо, для лучшего понимания сути дела, рассмотреть, прежде всего, бедственное материальное положение крымских партизанских отрядов. Для понимания этого положения самыми важными моментами являются следующие: определение предполагаемой продолжительности оккупации, выбор мест дислокации отрядов, количественный и качественный состав отрядов и их финансовое обеспечение.

Через четыре месяца после начала Великой Отечественной войны, 23 октября 1941 г., Крымский обком ВКП(б) принял решение о назначении командующим партизанским движением Крыма А.В. Мокроусова. Его кандидатура – одного из немногих оставшихся в живых, переживших репрессии 1930-х гг. героев Гражданской войны, – первоначально всем казалась самой удачной. Действительно, за его плечами был опыт участия в Гражданской войне, в которой он командовал бригадой в составе 1-й Заднепровской дивизией, а затем, что самое главное, успешно командовал Крымской советской повстанческой армией в 1920 г., в период борьбы с армией генерала П.Н. Врангеля. После окончания Гражданской войны Мокроусов остался на полуострове, где руководил сельскохозяйственной коммуной, потом возглавлял Крымский государственный заповедник. В 1928 г. он, бывший анархист, вступил в партию большевиков.

Жизнь Мокроусова, безусловно, была незаурядной. Сохранились доносы ответственных партийных работников, «разоблачающих» его и как анархиста, и как «курьера по террористическим делам Троцкого»². От ареста его спасла командировка в охваченную гражданской войной Испанию, где он, под другим именем, служил советником командующего Арагонским фронтом. Вернулся он из Испании с орденом Ленина, а те, кто писали доносы на него, сами оказались репрессированными.

Встав во главе партизанского движения, которое еще предстояло организовать, в условиях острой нехватки времени, Мокроусов, по сути, оказался заложником событий, на которые уже не мог повлиять должным образом: до вступления войск врага в Симферополь оставалась всего одна неделя.

Отрицательную роль сыграло и то обстоятельство, что все партийно-советское руководство Крымской АССР, исходя из опыта Гражданской войны, значение которого тогда сильно преувеличивалось, было убеждено в том, что войска оккупантов все будут сосредоточены на фронте, а потому партизаны станут хозяевам в горных селах, в лесной части полуострова. Предположения, основанные на этом убеждении, не оправдались совершенно: с началом обороны Севастополя юго-западные леса Крыма превратились в линию фронта, а потому концентрация немецких и румынских войск была столь высокой, что их части находились буквально в каждом селе.

Ошибочным было и предположение о недолгом времени оккупации полуострова. Сам Мокроусов впоследствии писал: «Предусматривалось, что немцы дольше мая в Крыму не продержатся»³. Каждый партизанский отряд, запасаясь продовольствием, руководствовался в большей степени собственными соображениями, столь же оптимистическими. В большинстве своем командиры и комиссары отрядов были уверены, что речь идет о трех-четыре месяцах. Самые пессимистические прогнозы не шли далее года. Если бы тогда, в конце октября 1941 г., кто-нибудь сказал, что в действительности оккупация Крыма продлится дольше года, этого человека посчитали бы изменником. В действительности она продолжалась долгих 900 суток.

Предложенная Крымским обкомом ВКП(б) и НКВД Крымской АССР дислокация будущих партизанских отрядов условно делила весь горно-лесной массив от Севастополя до Судака на пять партизанских районов, что было установлено решением бюро обкома партии от 25 октября 1941 г. Были назначены пять командиров партизанских районов, в каждый из которых должно было входить шесть-семь отрядов. При этом каждый из отрядов должен был представлять какой-нибудь административный район Крыма. Поскольку продовольственные базы отрядов 5-го района закладывались в лесах вокруг Севастополя, можно сделать вывод о том, что оборона города явилась полной неожиданностью для партийного и чекистского руководства республики.

Как следствие, личный состав отрядов 5-го района (Балаклавского, Сакского, Севастопольского, Фрайдорфского) либо ушел в Севастополь, либо погиб, либо влился в другие отряды. Сам 5-й партизанский район, который фактически прекратил свое существование уже в ноябре 1941 г., формально был упразднен только 19 марта 1942 г.⁴

Ошибкой, опять же проистекающей из опыта Гражданской во-

йны и сильного преувеличения его значимости, стало и решение о размещении партизанских отрядов на Керченском полуострове. Местом их дислокации были назначены Аджимушкайские, Ак-Манайские, Кораловские и Старо-Константиновские каменоломни. Начальником всех «подземных отрядов» был назначен Г.С. Кутепов, командовавший красным партизанским отрядом, действовавшим в Керченских каменоломнях еще в 1920 г. Сам Кутепов был категорически против размещения отрядов в каменоломнях. Но Мокроусов ясно понимал, что старокрымские леса и так перегружены, поэтому разместить там еще четыре керченских отряда нет никакой возможности. Поскольку Кутепов твердо стоял на своем, пришлось прибегнуть к испытанному «кадровому» решению: объявили его больным и отправили в эвакуацию, а на его должность назначили более покладистого И.И. Пахомова.

Последствия этого решения оказались печальными: Ак-Манайский отряд распался в первый же день оккупации. Кораловский отряд 17 ноября вышел из катакомб и разошелся по домам. Аджимушкайский и Старо-Карантинский отряды полтора месяца скрывались под землей, и от гибели или плена их спасла успешная высадка Керченского десанта, осуществленная войсками Закавказского фронта 26 декабря 1941 г.

Крымским обкомом ВКП(б) было принято решение, чтобы каждый районный комитет партии сформировал свой отряд численностью в 100 человек⁵. Поскольку в Крымской автономной республике было 34 сельских района, а также внутригородские районы в Симферополе, Севастополе и Керчи, то ориентировочная численность партизан должна была составить порядка 4 тыс. Такая численность изначально была избыточной для небольшого лесного массива Крыма.

Для боевой работы в условиях жизни в лесу, прежде всего, предъявлялись высокие требования к состоянию здоровья, физическим данным, хорошо знающие местность. Однако партизанские отряды начали формироваться только в конце октября 1941 г. после того, как уже прошло две волны мобилизации. Ни о каких высоких требованиях к состоянию здоровья и физической подготовке уже не могло быть и речи. В результате комплектовались они исключительно представителями партийного, советского и комсомольского актива каждого района. Этим людям, преимущественно жителям степных сельских районов и горожанам, предстояло воевать в горно-лесистой местности⁶.

К тому же на формирование сильно влияли и особенности национального состава населения полуострова. Значительное количество горных сел были татарскими, при этом многие жители даже не владели русским языком. Помимо татарских, существовали села греческие, болгарские. Все это совершенно не учитывалось в первоначальных планах формирования партизанских отрядов⁷.

Осознав, что партийно-советский актив, даже под угрозой утраты своих высоких должностей, не очень стремится в лес, буквально в последний день было принято решение сделать партизанами бойцов истребительных батальонов. Вот как описал этот поворотный момент А.А. Сермуль, в ту пору боец истребительного батальона, прошедший потом всю партизанскую эпопею и ставший комиссаром одного из самых крупных партизанских отрядов: «Северский построил истребительный батальон и объявил, что с этого момента он становится 3-м Симферопольским партизанским отрядом. Кто желает остаться – шаг вперед. Больше ста человек не согласились идти в партизаны, сложили на землю оружие и ушли»⁸. Командир истребительного батальона Г.Л. Северский, бывший пограничник, стал затем начальником 3-го партизанского района.

До этого момента в еще формируемых партизанских отрядах уже было много мужчин пожилого возраста, у которых были различные физические недостатки, которые делали их небоеспособными, особенно в горной местности. Кроме того, в отряды были зачислены десятки женщин⁹. С приходом же бойцов истребительных батальонов, в которых было много старшекласников, состав партизанских отрядов значительно омолодился.

Ситуация еще более кардинально изменилась после того, как в лес пришли не сумевшие пробиться к Севастополю группы моряков, пехотинцев, кавалеристов и пограничников. Одни отряды принимали их к себе, другие разоружали и прогоняли.

Об этих событиях поведал один из непосредственных их участников, комиссар 48-й кавалерийской дивизии, а затем комиссар 2-го партизанского района, полковник Е.А. Попов: «После безуспешных попыток прорваться на Севастополь 5-6.11.41 некоторые, отходившие красноармейские части, вошли в лес с целью перейти на партизанские методы борьбы. Организовано в лес пришла только 48 к.д., остальные части прорвались в лес разрозненными группами. В лесу эти группы натолкнулись на враждебное отношение к ним со стороны партизанских руководителей. Оказывается, по линии партизанских отрядов было дано указание – пришедших в лес бойцов и командиров в отряды не принимать и разоружить их как дезертиров. Так погибло немало бойцов и командиров, которые не желали сдаваться в плен немцам и рассчитывали продолжить борьбу, находясь в лесах Крыма. Командир партизанского отряда 2-го района Губарев и военком Штепа разоружили группу бойцов в 25 человек и вытолкнули их из отряда. В одном километре от отряда эта группа разоруженных бойцов была расстреляна румынами. 28 мая [1942 г.] военный трибунал партизан, созданный по указанию военного совета фронта [Крымского фронта. – В.П.], судил эту пару и приговорил ее к расстрелу. Уже перед расстрелом Губарев и Штепа дали понять, что такое отношение к бойцам Красной Армии, приходящим в лес, было продиктовано им главным руководством»¹⁰. Надо понимать

так, что указание не принимать в отряды оказавшихся в окружении красноармейцев, краснофлотцев и пограничников было дано Крымским обкомом ВКП(б).

Тем не менее, в ноябре 1941 г. в партизанские отряды влилось 1 315 военнослужащих, причем 438 из них были командирами и политработниками. Некоторые командиры отрядов, из-за острой нехватки людей, принимали окруженцев. Но большинство командиров отказывались принимать их, причем делали они это, стремясь сбросить запасы продовольствия. Поскольку уходить уже было некуда, военнослужащие стихийно создавали свои, красноармейские, отряды, которые, изначально не имея никаких запасов продовольствия, должны были добывать его в горных и предгорных селениях. В итоге 13 ноября Мокроусов был вынужден «признать» шесть красноармейских партизанских отрядов, приняв на себя общее командование ими.

Организаторы и руководители партизанского движения были уверены, что заготовленных продуктов отрядам хватит как минимум на три-четыре месяца, а о дальнейшем никто не думал. Для заготовки продовольствия и прочего необходимого Мокроусову выдали в обкоме партии 2 млн. руб.¹¹ На деле за полученные продукты, а также все необходимое для будущей жизни в лесу командиры партизанских отрядов ничего не платили, применяя к жителям силу убеждения «человека с ружьем». Впрочем, в одном из районов в дело вмешался районный прокурор и «предотвратил разворовывание социалистической собственности»¹².

Как впоследствии отмечалось в отчете Крымского штаба партизанского движения, значительная часть продуктов была сосредоточена в селах, большинство продовольствия завезли в лес, но оставили на поверхности земли под открытым небом¹³. Один из немногих отрядов, который умело использовал подготовительный период – Зуйский. Это не было случайностью, так как воевать им предстояло в родных местах, да и сам секретарь Зуйского райкома партии Н.Д. Луговой, став комиссаром отряда, все делал «как для себя». В других районах было иначе: «первые лица», по примеру членов обкома партии, поспешили эвакуироваться с полуострова¹⁴.

1 ноября в 1941 г. немецко-румынские войска вошли в Симферополь. Организационно-подготовительный период партизанского движения составил всего семь суток.

В течение ноября все отряды жили и действовали автономно, так как связи с командующим партизанским движением в Крыму Мокроусовым у них либо не было, либо она была эпизодической.

Только через месяц, в начале декабря, начальнику 2-го партизанского района И.Г. Генову удалось установить связь с Мокроусовым. Возвратившиеся связные передали командиру отряда мешок с деньгами – 209 тыс. руб.¹⁵ Уже в конце декабря 1941 г. командир 2-го партизанского района Генов доложил, что все деньги были утрачены

во время проведенной оккупантами операции против партизан. Указал и точную сумму: 450 тыс. руб.¹⁶ Следовательно, если 209 тыс. он получил в начале декабря, то 241 тыс. у него уже была ранее или он получил ее позднее. Можно предположить, что Мокроусов успел распределить часть денег между партизанскими районами. Вероятно, что-то он оставил в созданном при нем центральном штабе.

Командир 2-го партизанского района Генев не стал, в свою очередь, распределять деньги между отрядами, что представляется вполне логичным. Во время декабрьского «прочеса» (так в Крыму называли крупномасштабные карательные акции против партизан) деньги уложили в мешок, который погрузили на осла. Спасаясь, партизаны, как гласит официальная версия, его потеряли, и он попал в руки врага¹⁷. Однако в отчете германского командования, в котором педантично перечислялись все захваченные в лесу трофеи, о советских рублях не было сказано ни слова¹⁸. Остается предположить, что «денежный осел» стал трофеем румынских солдат, которые не стали афишировать этот факт.

В 3-м партизанском районе, в аналогичных обстоятельствах, все имевшиеся наличные деньги надежно спрятали в районе урочища Суат, где они пролежали почти год. Только после того, как стала реальностью эвакуация значительного числа партизан с полуострова, начальник района Северский дал негласную команду разведчику Кособродову доставить ему спрятанные деньги.

Как писал в августе 1943 г. первому секретарю Крымского обкома ВКП(б) В.С. Булатову (обком был эвакуирован в Сочи, где и находился) его заместитель по контрразведке П.М. Фокин, по информации осведомителей, жена Северского, эвакуированная самолетом, вывезла с собой 25 тыс. руб. Остальные деньги Северский распределил следующим образом: бывший личный водитель С.В. Витомский, комендант района Паршин и адъютант П.К. Фомин получили 8-10 тыс. руб., разведчик К.Я. Кособродов и начальник штаба района И.П. Калугин – по 15 тыс., комиссар района В.И. Никаноров и командир отряда Х.К. Чусси – по 50 тыс. Сам же Северский вывез порядка 100 тыс., которые впоследствии тратил на свои личные нужды¹⁹. При этом Фокин высказал убежденность, что, вероятно, так же поступил с партизанскими деньгами и Мокроусов.

Но первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) Булатов, к тому времени он уже был назначен и начальником Крымского штаба партизанского движения, по-видимому, решил «не выносить сор из избы», так как очередной скандал не сулил ничего, кроме новых неприятностей. Инцидент с деньгами был предан забвению.

В оккупированном немцами и румынами Крыму советские деньги продолжали ходить, но в партизанском лесу, похоже, в них никто особенно не нуждался. Одна из причин, возможно, состояла в том, что подпольные организации в крымских городах либо еще не были созданы, либо бездействовали, а разведчики партизанских отрядов

из леса в города выходили крайне редко. Главной же причиной, по-видимому, было то, что продукты у населения не покупались, а изымались в ходе «продовольственных операций», которые были приравнены к боевым (за успешное участие в них партизаны награждались так же, как и за участие в боевых операциях)²⁰.

Первоначально командование партизан предполагало, что основным источником снабжения отрядов продовольствием станут собственные, предварительно созданные базы. Однако они были утрачены в результате декабрьского «прочеса». Сохранили свои продовольственные запасы только четыре отряда, которые их заранее надежно спрятали. В то же время шесть отрядов, полностью состоящие из военнослужащих Красной армии, изначально не имели никаких запасов продуктов питания, а потому были вынуждены добывать его у населения в ходе «продовольственных операций». С января 1942 г. к насильственному изъятию продуктов у населения перешли и все остальные отряды. Это привело к зарождению и росту враждебности населения, вне зависимости от его национальности, к партизанам, а затем и формированию в населенных пунктах отрядов самообороны, что получило поддержку оккупационных властей²¹.

Вот как описывал одну из «продовольственных операций» А.С. Ваднев, командир группы, а затем – 18-го отряда, проведенную в селе Ангара Симферопольского района (в настоящее время – Перевальное): «Мы втроем зашли к старосте стали просить его дать нам общественного хлеба, ячменя, кукурузы или пшеницы. Он согласился. Повел нас. Я отстал от группы, остался под забором. Вдруг откуда-то очередь из пулемета. Я сделал по пулемету несколько выстрелов, и он замолк. Слышу стон на том месте. Пулеметчик был ранен, я прикончил его. Пулемет был русский ДП. Взял пулемет. Вернулся в дом старосты. Кузнецов [Комиссар 6-го отряда, затем комиссар 2-го района. – В.П.] сказал бойцам – забирайте у старосты все, что есть в доме. Все группы бросились в дом. Я вывел корову и лошадь. Ко мне подошел Исаков и говорит: Ты кукурузы набрал? Я спросил – где? Там, в доме.

Я заскочил в дом, а там не поймешь, что творится. Винтовки, автоматы лязгают друг о друга. Партизаны лезут, набирают мешки, просто жуть. Я решил пока не набирать, пусть другие наберут.

Смотрю, стоят бойцы вокруг бочки и руками что-то достают и кушают. Оказалось, кушают капусту. Я пристал тоже и начал руками брать и есть. Минут через десять в бочке уже ничего не было. Хмелев тащит бутылку литров на шестнадцать. Вынесли мы ее из дома. Попробовали – это томат. Наливали и тут же кушали. Быстро не стало томата. Бутылку разбили. Хмелев говорит: пойдём ещё что-нибудь искать.

Зашли во второе отделение кладовой. Там мешок муки. Хмелев здоровый парень. Я говорю: давай разделим на две части. Я побежал к Старцеву. Говорю, что там мешок муки, помоги вынести. Вы-

несли, погрузили на лошадь. Я побежал набрать кукурузы. Там уже было мало бойцов, но и мало кукурузы. Я быстро нагреб в вещевой мешок, в который входит пуда два. Показалось сначала, что донесу.

Мы отошли от деревни километров на два. В Константиновке поднялась стрельба. Мы подумали, что староста убежал туда. Мы были недалеко от леса и не боялись, что нас догонят»²².

Проводились «продовольственные операции» и в степном Крыму. Тот же Ваднев докладывал начальству: «Никто не верил, что мы партизаны. Я показал свой комсомольский билет, да и у каждого из нас на шапках были звездочки. Наконец, поверили. Я написал расписку, что “От имени Родины партизаны Крыма в лице командира группы Ваднева реквизируют пять лошадей у колхоза “Красный пахарь”»²³. После освобождения Крыма с подобными расписками жители обращались в органы Советской власти, и им возвращали равноценный скот.

Судя по документам, партизанское командование Крыма совершенно не использовало деньги в своих отношениях с местным населением, не пыталось организовать закупку продуктов питания, а изначально встало на путь насильственного изъятия продуктов у жителей сел. Идеологически и политически это объяснялось и обосновывалось как необходимое возмездие за сотрудничество с оккупантами. При этом, как правило, в документах указывалось, что продукты и скот изымались у старосты, у родственников старосты, но фактически продовольствие изымалось у тех, у кого еще можно было что-то взять²⁴.

Весь 1942 г. источниками питания партизан были плоды леса, охотничьи трофеи и изъятые у населения продукты²⁵. Отношения между партизанами и жителями окрестных сел, как и в эпоху «военного коммунизма», строились по принципу продрозверстки, когда продукты изымались партизанами по законам Советской власти и по праву сильного. Хотя в 1920 г. Повстанческая армия Мокроусова расплачивались с крестьянами за продукты деньгами, реквизированными в одном из банков в Судаке. Потому и отношение крестьян к красным партизанам во времена власти генерала Врангеля было доброжелательным, партизанам охотно помогали.

До Керченско-Феодосийской десантной операции войск Закавказского фронта в конце декабря 1941 г. – начале января 1942 г. крымские партизаны были предоставлены сами себе. И после утраты продовольственных баз они фактически были обречены. Но после высадки десантов, освобождения от немецких и румынских войск Керченского полуострова и создания Крымского фронта в горно-лесистые районы Крыма проникли снабженные радиостанциями группы войсковой разведки. Так у крымских партизан появилась связь с «Большой землей».

Сообщив интересовавшие советское командование разведывательные сведения, партизаны с января 1942 г. стали буквально умо-

лять прислать им продукты. Наконец с марта 1942 г. продукты питания стали сбрасывать с самолетов на парашютах, но только для военных отрядов. Это неизбежно обострило противоречия между «военными» и «гражданскими» внутри партизанского движения. Все последующие месяцы партизанской борьбы продолжалась эта дискриминационная практика «целевых сбросов»: «военным», «спецгруппе НКВД», «разведгруппе Черноморского флота»²⁶.

В ответ на просьбы прислать продовольствие партизаны получали радиотелеграммы, подобны этой: «Трудно себе представить, что партизаны умирают с голоду в Крыму, где столько хлеба и мяса. Не время теперь надеяться на государственный паек. Все за счет противника и ничего от государства»²⁷. Видимо, командование Крымским фронтом рассчитывало на скорое освобождение всего Крыма. Однако уже в мае войска фронта, потерпев поражение, эвакуировались с Керченского полуострова.

В итоге продовольственное снабжение крымских партизан оставалось очень плохим. Один из руководителей партизанского движения И.Г. Старинов вспоминал о своей встрече в конце 1942 г. с членом Военного совета Закавказского фронта (второго формирования) Л.М. Кагановичем: «Я сумел попасть на прием к Кагановичу. Но как только речь зашла о крымских партизанах, он резко оборвал меня, заявил, что милостыню не подает, обругал и выставил из кабинета»²⁸.

Между тем после поражения войск Крымского фронта Мокроусов был сочтен одним из его виновников. Фронтальной штаб обвинял командующего крымских партизан в пассивности, в «попытке отсидеться», в расправах над партизанами из числа красноармейцев²⁹. 6 июля 1942 г. маршал С.М. Буденный, назначенный командующим Закавказским фронтом (второго формирования), отстранил Мокроусова от командования крымскими партизанами и отозвал его на «Большую землю».

Во главе крымских партизан был поставлен бывший начальник штаба 48-й кавалерийской дивизии, начальник штаба 4-го партизанского района полковник М.Т. Лобов, а комиссаром, в качестве компромисса с Крымским обкомом ВКП(б), – секретарь одного из райкомов ВКП(б), комиссар Зуйского отряда Луговой.

Крымский обком ВКП(б), со своей стороны, издал специальное постановление «Об ошибках, допущенных в оценке поведения крымских татар в отношениях партизан, и мерах ликвидации этих ошибок и усилении политической работы среди татарского населения». В нем была дана резко отрицательная оценка сложившихся взаимоотношений партизан с татарским населением, насильственное изъятие у татарского населения продовольствия было запрещено³⁰. Так конфликт партизан с населением полуострова, возникший на почве продовольственного снабжения (точнее – «самоснабжения») партизан партийное руководство подменило конфликтом

только с одной национальной группой – крымскими татарами.

Из Сочи в партизанские районы был направлен секретарь Крымского обкома ВКП(б) по сельскому хозяйству П.Р. Ямпольский, которого сбросили с парашютом 20 октября 1942 г. Он возглавил бюро Крымского подпольного обкома. Поскольку фронт откатился на восток, Крымский обком ВКП(б), договорившись с военным командованием, сосредоточил в своих руках управление партизанскими силами на полуострове, а следовательно – и их снабжение. Вдобавок Булатов добился поддержки Центрального штаба партизанского движения, и был назначен начальником Крымского штаба партизанского движения.

За этим последовали резкие перемены в организации и действиях партизанских сил в Крыму. С конца 1942 г. было проведено сокращение численности партизан на счет тех, кто уже не мог переносить тяготы и опасности партизанской борьбы. «Сокращенных» распустили по домам или эвакуировали на «Большую землю», и осталось только семь немногочисленных, но крепко сколоченных отрядов, которые рейдировали каждые сутки. Исчезло ставшее уже привычным понятие «партизанский лагерь», так как ночевать дважды в одном месте было равносильно самоубийству. Задачи и тактика отрядов теперь состояли в следующем: разведка, диверсии, внезапные атаки и отход. Категорически были запрещены «продовольственные операции».

Последнее вызвало непонимание и неприятие у командного состава партизан. Командир отряда, а затем командир 1-й бригады, Ф.И. Федоренко вспоминал: «Честно сказать, многие командиры, в том числе и я, сомневались тогда в справедливости приказа о соблюдении законности по отношению к тем жителям, которые не были прислужниками врага, но проявляли полное безразличие к судьбе партизан, не оказывали им помощи в критические для них моменты, и в то же время безропотно отдавали оккупантам все, что те ни требуют. По сути дела столь строгий приказ связал командирам руки и обрекал партизан на голод»³¹.

Все же с начала 1943 г., после десятикратного уменьшения численности партизан и организации более или менее регулярной помощи с «Большой земли», острота продовольственного вопроса несколько ослабла. При этом в заявках в Крымский штаб партизанского движения (по сути – в Крымский обком), который отвечал за обеспечение крымских партизан продовольствием, одеждой, медикаментами и боеприпасами, вопрос о деньгах даже не ставился³². Возможно, это объясняется тем, что население полуострова перестало пользоваться советскими деньгами.

Однако в источниках есть сведения, позволяющие предположить, что партизанские командиры какими-то денежными средствами располагали. Причем не только советскими рублями, но и германскими оккупационными рейхсмарками. Деньги стали использо-

ваться после того, как заработала дальняя разведка, а в городах были созданы и начали действовать подпольные организации. Так, разведчик одного из отрядов Нури Халилов вспоминал: «...Пришло мое время идти в Симферополь. Мне дали время постричься, побриться, смыть грязь. Выдали фуражку, чистую рубашку, синий костюм железнодорожника... Мне дали денег: 3 тысячи рублей и 2 тысячи марок»³³.

В документах крымских подпольных организаций конца 1943 – начала 1944 гг. тема денег в том или ином виде присутствовала почти всегда. Так, от руководителя одной из подпольных организаций в лес было доставлено сообщение: «Получено 5 000 руб. Присылайте побольше. Деньги нужны для работы... и для жизни. Уже продано все что можно, а зарплата 400 руб. Много денег уходит на ремонт обуви»³⁴. Фраза о том, что много денег уходит на ремонт обуви, красноречива: каждый «поход» связанных в лес заканчивался тем, что после хождения по горам, обувь приходила в негодность.

Вопрос о денежном довольствии командного состава и рядовых бойцов крымских партизанских отрядов встал лишь в октябре 1942 г., когда несколько сотен партизан были эвакуированы в Сочи.

Крымский обком ВКП(б) принял решение выплатить им денежное довольствие за весь период пребывания в лесу. В Крымском штабе партизанского движения была создана Финансовая часть, но в связи с тем, что работу выполняли работники Финансового отдела обкома партии, незнакомые со спецификой армейского финансирования, неизбежно возникли серьезные трудности. Лишь в августе 1943 г., после того как отдел возглавил эвакуированный из леса бывший начальник Финансовой части штаба 48-й кавалерийской дивизии И. Кириллов, который воевал рядовым партизаном, в этом деле был наведен должный порядок.

Если, например, к приходу в лес партизан имел звание лейтенанта, то с ним рассчитывались в соответствии с его довоенным жалованьем. Гражданским лицам решили платить в соответствии с размером заработка, которое они получали на последнем перед войной месте работы. Вот почему с конца 1942 г. в списках личного состава партизанских отрядов стали указывать и довоенный заработок, а это сразу поставило в неравноправное, с денежной точки зрения, положение колхозников, бывших школьников и домохозяек.

До октября 1942 г., в соответствии с инструкцией Финансового управления Наркомата обороны СССР № 00317-42 г., Наркоматом внутренних дел Крымской АССР выплачивались пособия семьям партизан путем перевода денег в отделы соцобеспечения по месту жительства семей. По форме № 1а с 1 апреля по 1 июля 1942 г. были высланы пособия 203 семьям, а с 1 июля по 1 октября 1942 г. – 160 семьям. С 1 мая 1942 г. по 1 мая 1943 г. были выписаны 74 денежных аттестата семьям офицерского состава.

Финансовое обслуживание было возложено на Южный штаб

партизанского движения, который удовлетворил денежным содержанием эвакуированных партизан: 209 из числа военнослужащих и 9 из числа рабочих и гражданских служащих.

Обеспечение семей партизан пособием в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 9 апреля 1942 г. не производилось.

Всего были произведены денежные расчеты с 1 066 партизанами. Если прибавить лиц, удовлетворенных финансовым содержанием через НКВД республики, Разведотдел штаба Черноморской группы Закавказского фронта и Южный штаб партизанского движения, то получается суммарная цифра – 1 499 человек.

При этом прибывшим из леса партизанам выплачивалось пособие: до 1 000 руб. – лицам командного состава, до 500 руб. – рядовым бойцам. Всего было выплачено пособий 154 партизанам и 8 семьям партизан на общую сумму 79 830 руб.³⁵

С 1943 г. партизаны Крыма были сведены в войсковую часть в/ч 0125, и им стали начислять жалование как военнослужащим, в соответствии с занимаемой должностью.

Н.И. Дементьев, один из немногих партизан, которые находились в лесу весь период оккупации, получил деньги уже после освобождения Крыма. Сохранились сведения о произведенном с ним денежном расчете: с 4 ноября 1941 г. по 1 ноября 1943 г. – по 125 руб. в месяц как командиру группы; с 1 ноября 1943 г. по 20 апреля 1944 г. – по 750 руб. как командиру отряда.

Командиры и комиссары отрядов были аттестованы как старшие лейтенанты с месячным окладом в 750 руб. Заместители и командиры групп – как лейтенанты или младшие лейтенанты, с окладом в 500 руб.

Старший командный состав весной 1944 г. получал денежное довольствие в следующих размерах: В.С. Булатов (командир в/ч 00125) – 2 200 руб., П.Р. Ямпольский (командир Северного соединения) – 1 800 руб., М.А. Македонский (командир Южного соединения) – 1 700 руб., В.С. Кузнецов (командир Восточного соединения) – 1 600 руб., Ф.И. Федоренко (командир 1-й бригады) – 1 400 руб., Т.Ф. Каплун (комиссар 2-й бригады) – 1 200 руб., Г.Ф. Свиридов (начальник штаба 5-й бригады) – 1 000 руб. (для сравнения: на фронте командир батальона получал 1 100 руб.). Такие оклады жалования были установлены для начсостава всех бригад³⁶.

Вопрос денежного довольствия приобрел особенно большое значение, когда партизанам удалось наладить связь со своими семьями, проживающими на «Большой земле». В Сочи, в Крымский обком ВКП(б), то есть в Крымский штаб партизанского движения, поступали письма подобного содержания: «Мой муж (сын) Петров Иван Иванович, 1918 года рождения, в 1941 [1942] году воевал в Крыму. Нет ли его среди крымских партизан?». Почти 90 % ответов сводились к стандартной формулировке: «В списках крымских партизан

не значится».

Но случалось и иначе: обратившейся родственнице сообщалось, что тот, кого она разыскивает, воюет в одном из партизанских отрядов Крыма, и ему сообщат адрес, по которому она проживает, а ей назначается денежное содержание, которое она можно получить по месту жительства. Далее указывалась сумма из расчета воинского жалования этого партизана. Как правило, на этом переписка не заканчивалась: в штаб поступало новое письмо – со словами радости и сердечной благодарности³⁷.

Иногда письма шли через Москву:

«ЦК ВКП (б) Маленкову.

Я не получаю ничего на мужа Каплуна Тимофея Григорьевича, хотя знаю, что он старший политрук и находится в Крыму в партизанах. Связи с ним не имею». На письме в углу сделана пометка: «Упоминается в письме № 2 Мокроусова как комиссар отряда Тимошука. Письмо переправлено в Крымский обком». Далее следовал ответ из Крымского штаба партизанского движения: «16.02.43. На ваше письмо сообщаю, что ваш муж Тимофей Григорьевич Каплун здоров и продолжает работу по выполнению партийного задания. По указанию ЦК ВКП(б) вы будете получать пособие с 1 августа 1942 в одном из парторганов по месту жительства. О вашем местожительстве сообщим т. Каплуну. Пишите по адресу: г. Сочи, Крымский обком ВКП(б). Секретарь обкома Б. Лещинер».³⁸

А нередко сообщалось, что разыскиваемый человек действительно был крымским партизаном, но погиб смертью героя. В этом случае семья погибшего получала право на пенсию.

* * *

Итак, с самого начала партизанского движения в Крыму из-за ряда организационных ошибок, просчетов и необоснованных предположений и надежд на краткосрочность оккупации остро встали денежный вопрос и неразрывно взаимосвязанный с ним продовольственный вопрос. От решения финансового и продовольственного вопросов зависело само существование партизанских отрядов.

По мере утраты и исчерпания небольших продовольственных запасов командование крымских партизан перешло к насильственному изъятию продуктов у населения. Именно такую форму «самоснабжения» продуктами питания, подобную продрозверстке и реквизициям времен Гражданской войны, предопределили два обстоятельства. Первое: острая нехватка денежных средств для закупки продовольствия. Второе: быстро распространившееся среди партизан отношение к насильственному изъятию продуктов питания как справедливой мере, как возмездие за сотрудничество с оккупантами.

Неизбежным следствием такой практики стал рост недовольства населения, рост враждебности к партизанам.

Примечания Notes

¹ *Реброва И.В.* «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // *Женщина в российском обществе.* 2008. № 2 (47). С. 25–33; *Козлов Н.Д.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны: Некоторые аспекты современной российской историографии // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2012. Т. 4. № 2. С. 93–110; *Красноженова Е.Е., Кулик С.В.* Сталинград в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – февраль 1943 г.) // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 4. С. 841–853; *Красноженова Е.Е., Карабущенко П.Л., Полякова М.В.* Военная повседневность в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941 – 1945 гг.) // *Вопросы истории.* 2019. № 12-3. С. 175–181; *Поляков В.Е.* Страшная правда о Великой Отечественной: Партизаны без грифа «Секретно». Москва, 2011.

² Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1599. Л. 137.

³ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 8. Л. 104.

⁴ Книга памяти Республики Крым. Т. 6. Симферополь, 1995. С. 259.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ *Поляков В.Е.* Партизанское движение в Крыму в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2016. № 2. С. 90.

⁷ *Поляков В.Е.* К вопросу о партизанском движении в Крыму в годы Великой Отечественной войны // *Пространство и Время.* 2014. № 2 (16). С. 293.

⁸ *Сермуль А.А.* 900 дней в горах Крыма: Воспоминания комиссара партизанского отряда А.А. Сермуля. Симферополь, 2004. С. 15.

⁹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 47. Л. 159.

¹⁰ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 17. Л. 9–20.

¹¹ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2068. Л. 75.

¹² ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 23. Л. 23.

¹³ Там же.

¹⁴ *Поляков В.Е.* Партизанское движение в Крыму в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2016. № 2. С. 97.

¹⁵ *Генов И.Г.* Дневник партизана. Симферополь, 1963. С. 63.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 35. Л. 27.

¹⁸ Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941 – 1942 гг. // *Москва – Крым: Историко-публицистический альманах.* Вып. 1. Москва, 2000. С. 281–295.

¹⁹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.

²⁰ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 213. Л. 152.

²¹ *Неменко А.В.* Крым, 1941 – 1944: Обратная сторона войны: Отдельные аспекты истории оккупации Крыма. Симферополь, 2018. С. 163.

²² ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 47. Л. 49–50.

²³ Там же. Л. 31.

²⁴ Там же. Л. 32.

²⁵ *Поляков В.Е.* Страшная правда о Великой Отечественной: Партизаны без грифа «Секретно» Москва, 2011. С. 159.

²⁶ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 47. Л. 33.

²⁷ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 23. Л. 94.

²⁸ *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. Москва, 1997. С. 346.

²⁹ ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

³⁰ Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов, 1941 – 1942. Симферополь, 2006. С. 289–293.

³¹ *Федоренко Ф.И.* Годы партизанские, 1941 – 1944. Симферополь, 1990. С. 123, 124

³² ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

³³ *Халилов Н.* Долгая дорога домой: Воспоминания крымского татарина об участии в Великой Отечественной войне. Москва, 2016. С. 184.

³⁴ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 104. Л. 32.

³⁵ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 29. Л. 154

³⁶ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.

³⁷ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 268. Л. 83.

³⁸ Там же. Л. 84.

Автор, аннотация, ключевые слова

Поляков Владимир Евгеньевич – докт. ист. наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (Симферополь)

turshu@inbox.ru

В статье рассмотрены два взаимосвязанных аспекта повседневности партизан Крыма в годы Великой Отечественной войны – финансовое положение и продовольственное обеспечение партизанских отрядов. Основным источником исследования послужили ранее неизвестные документы, которые хранятся в Государственном архиве Республики Крым.

Проанализированы экономические, политические, административные, военные и идеологические факторы, которые влияли на финансовое положение и продовольственное обеспечение партизанского движения. Основное внимание уделено «продовольственным операциям» партизанских отрядов, которые, по сути, являлись насильственными и бесплатными реквизициями продуктов у населения. Впервые в российской историографии рассмотрен вопрос выплаты денежного жалования партизанам как воен-

нослужащим Красной армии и денежного пособия их семьям.

Автор приходит к выводу, что с самого начала партизанского движения в Крыму из-за ряда организационных ошибок, просчетов и необоснованных надежд на краткосрочность оккупации денежный и продовольственный вопросы встали очень остро. От решения этих вопросов зависело само существование партизанских отрядов.

По мере утраты и исчерпания небольших продовольственных запасов, крымские партизаны перешли к насильственному изъятию продуктов у населения. Главными причинами этого стали острая нехватка денежных средств для закупки продовольствия и быстро распространившееся среди партизан отношение к насильственному изъятию продуктов питания как справедливой мере, как возмездие за сотрудничество с оккупантами. Неизбежным следствием такой практики стал рост недовольства населения, рост враждебности к партизанам.

Вторая мировая война, партия большевиков, партизанское движение, финансирование, продовольственное снабжение, реквизиция, крымские татары, Крым, повседневность.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kozlov, N.D. Povsednevnyaya zhizn naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Nekotoryye aspekty sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The Everyday Life of the Soviet People during the Great Patriotic War: Some Aspects of Modern Russian Historiography.]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2012, vol. 4, no. 2, pp. 93–110. (In Russian)

2. Krasnozhenova, E.E.; Karabushchenko, P.L.; Polyakova, M.V. Voenaya povsednevnost v resheniyakh Stalingradskogo gorodskogo komiteta oborony (1941 – 1945 gg.) [Everyday Military Life in the Decisions of the Stalingrad City Defense Committee (1941 – 1945).]. *Voprosy istorii*, 2019, no. 12-3, pp. 175–181. (In English. Title in Russian)

3. Krasnozhenova, E.E.; Kulik, S.V. Stalingrad v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii (iyul 1942 – fevral 1943 g.) [Stalingrad during the Nazi Occupation (July 1942 – February 1943).]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 841–853. (In Russian)

4. Polyakov, V.E. K voprosu o partizanskom dvizhenii v Krymu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Question of the Partisan Movement in the Crimea during the Great Patriotic War.]. *Prostranstvo i Vremya*, 2014, no. 2 (16), pp. 291–300. (In Russian)

5. Polyakov, V.E. Partizanskoye dvizheniye v Krymu v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny [The Partisan Movement in the Crimea during the Great Patriotic War.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2016, no. 2, pp. 88–100. (In Russian)

6. Rebrova, I.V. “Zhenskaya” povsednevnost v problemnom pole istorii Velikoy Otechestvennoy voyny [“Women’s” Everyday Life in the Problematic

Field of the History of the Great Patriotic War.]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2008, no. 2 (47), pp. 25–33. (In Russian)

(Monographs)

7. Nemenko, A.V. Krym, 1941 – 1944: Obratnaya storona voyny: Otdelnye aspekty istorii okkuatsii Kryma [Crimea, 1941 – 1944: The Other Side of War: Some Aspects of the History of the Occupation of Crimea.]. Simferopol, 2018, 420 p. (In Russian)

8. Polyakov, V.E. Strashnaya pravda o Velikoy Otechestvennoy: Partizany bez grifa “Sekretno” [A Terrible Truth about the Great Patriotic War: Partisans without the “Secret” Designation.]. Moscow, 2011, 448 p. (In Russian)

Author, Abstract, Key words

Vladimir E. Polyakov – Doctor of History, Professor, Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simpheropol, Republic of Crimea, Russia)

turshu@inbox.ru

The article examines the two interconnected aspects of the partisans’ everyday life in the Crimea during the Great Patriotic war: the financial situation and food supply of the partisan units. The main source of the research was archival documents from the State Archives of the Crimean republic which had not been previously studied. The author analyzes economic, political, administrative, military, and ideological factors which affected the financial state and food provision of the partisan movement. The focus is made on “food operations” carried out by the partisan units, which, in fact, meant forced food requisition from the population. For the first time in Russian historiography research is made on salary payments for the partisans as military personnel of the Red Army and allowances to their families.

The author concludes that the financial and food problems were very acute due to a number of organizational errors, miscalculations and misconceptions, taking place at the very beginning of the partisan movement in the Crimea, as to the briefness of the fascist occupation. The mere existence of partisan movement depended on how these problems were to be solved.

As the Crimean partisans were short of food supplies they resorted to forced food requisition from the population. That was caused by an acute money shortage for purchasing food, which combined with a quickly assumed attitude by the partisans that the food requisition operations were but a justified measure, a revenge on the population for collaborating with fascist invaders. Such practices, inevitably, resulted in the population’s growing resentment and hostility to the partisans.

World War II, Bolshevik party, partisan movement, financing, food supply, requisition, Crimean Tatars, Crimea, everyday life.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

Anti-Bolshevik Russia

Т.М. Димони

СЛУЖЕБНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МИЛИЦИИ «БЕЛОЙ» СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ (1918 – 1920 годы)*

T.M. Dimoni

The Daily Routine of the Militia of the Russian “White” Northern Region (1918 – 1920)

Государственность и внутренняя политика Белого движения активно исследуется в России уже четыре десятилетия, однако еще немало проблем нуждается в дальнейшем углубленном изучении. Среди них – повседневная деятельность различных государственных институтов, организованных на подвластных белым правительствам территориях, в частности милиции.

Отечественные и зарубежные историки Белого движения в России в своих монографических исследованиях, в той или иной мере изучая «белый» государственный аппарат, как правило, касались и милиции¹. В частности, в серии капитальных монографий В.Ж. Цветкова о государственности Белого движения рассмотрены организация и развитие правоохранительной системы и такого ее важного элемента, как милиция и Государственная стража (наименование милиции на территории Вооруженных сил на юге России), в системе политических структур антибольшевистских военных диктатур в 1918–1920 гг.² С другой стороны, в конце 1990-х – 2000-е гг. ряд отечественных исследователей в формате статей раскрыли организацию и деятельность милиции на территориях антибольшевистских правительств, причем преимущественно в государственно-правовом аспекте³.

Однако служебная повседневность милиции белых правительств изучена явно недостаточно. Причина такого положения дел, как представляется, состоит в том, что документы центральных и мест-

ных учреждений милиции сохранились плохо.

В настоящей статье освещаются основные моменты повседневной службы милиции антибольшевистской Северной области. Источниками послужили документы, которые довольно отрывочно сохранились в Государственном архиве Архангельской области. Так, в фонде 4713 содержатся копии приказов военного командования, касающиеся деятельности милиции, распоряжения начальника городской милиции Архангельска, переписка инспектора милиции Архангельской губернии с разными учреждениями и должностными лицами, переписка о розыске различных лиц и о происшествиях. В фонде 4732 выявлены материалы переписки начальников городской и уездных милиций с разными учреждениями о материальном положении милиционеров и по другим вопросам.

* * *

В период с августа 1918 г. по октябрь 1919 г. Архангельская губерния входила в территорию, которой управляло Временное правительство Северной области (первоначальное название – Верховное управление Северной областью). В октябре 1919 г. адмирал А.В. Колчак упразднил Временное правительство Северной области и назначил генерала Е.К. Миллера начальником Северного края. Помимо политики Российского (Омского) правительства, важным фактором, влиявшим на деятельность архангельского правительства, было его существование в условиях «Северной кампании» стран Антанты (иностранный интервенции), которая началась в августе 1918 г. и закончилась в сентябре 1919 г. эвакуацией союзных войск.

10 августа 1918 г. в газете «Вестник Верховного управления Северной областью» было опубликовано постановление о структуре Верховного управления, в том числе о создании Отдела внутренних дел, почт и телеграфа, которое возглавил П.Ю. Зубов (бывший актер, земский начальник и товарищ (заместитель) городского головы Вологды). В ведении отдела находились милиция, тюрьмы, разрешительная система, почтовая и телеграфная связь, бюро печати, военно-регистрационная служба. Постановлением Временного правительства Северной области от 8 августа 1919 г. отдел был передан в ведение начальника Архангельской губернии с переподчинением главнокомандующему войсками Северной области генералу Е.К. Миллеру⁴.

Деятельность милиции в Северной области основывалась на законодательных актах Временного правительства (постановление «Об учреждении милиции» от 17 апреля 1917 г.) и нормативных актах «белой» власти. Согласно им, главными функциями милиции были охрана общественного порядка, защита от «насилия, обид и самоуправства», дела общественного благоустройства (учет населения, составление актов и протоколов о несчастных случаях, вы-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)» (проект № 18-09-00554).

дача удостоверений личности, оповещение населения о распоряжениях правительства), обязанности по делам судебного и военного ведомств⁵.

Милиция Северной области подчинялась высшему должностному лицу Северной области: первоначально это был председатель Верховного управления Северной области Н.В. Чайковский, а с сентября 1918 г. – генерал-губернатор и командующий русскими войсками Северной области (первоначально эту должность занимал полковник Б.А. Дуров). Управление милицией осуществлял губернский правительственный комиссар, ему подчинялся инспектор милиции Архангельской губернии (должность была введена как временная постановлением Временного правительства Северной области 18 ноября 1918 г.⁶), который, в свою очередь, непосредственно руководил городской и уездной милицией.

Кроме общей милиции, в 1918–1920 гг. в Архангельской губернии существовала железнодорожная милиция – на Московско-Ярославско-Архангельской и Мурманской железных дорогах. Действие железнодорожной милиции распространялось в пределах полосы отчуждения железной дороги по мере продвижения фронта⁷. Из состава Архангельской городской милиции была выделена караульная команда Архангельского морского порта⁸. Кроме того, предприятия имели право учреждать частную милицию⁹.

Численность общей милиции насчитывала 488 человек. Основная часть штатов милиции была сосредоточена в губернском центре – Архангельске: на осень 1919 г. ее численность составляла 240 человек¹⁰.

Численность и структуру милиции на уездном уровне позволяют представить данные, содержащиеся в отчете начальника Холмогорской уездной милиции Селиверстова за второе полугодие 1919 г. На 1 января 1920 г. в штате милиции состояло 60 сотрудников, в том числе начальник уездной милиции, его помощник, начальник участка, 5 старших городских милиционеров, 15 младших городских милиционеров, 8 старших волостных милиционеров, 24 младших волостных милиционера. В канцелярии начальника уездной милиции работали секретарь, два делопроизводителя, регистратор и писец¹¹.

В Мезенской уездной милиции в начале 1919 г. числились 5 человек классовых чинов милиции и 41 низший чин¹².

В августе 1918 г. для несения внутренней караульной службы в правительственных учреждениях, несения конвойной службы и для исполнения особых поручений Верховного управления Северной области (резерв для пополнения милиции в других городах, очищенных от Советской власти, командировка сотрудников для отражения наступления большевиков) при Отделе внутренних дел была сформирована рота военной милиции численностью 300 человек (комплектовалась по принципу добровольного найма). Позднее для несения караульной службы в Архангельске при Отделе также была

сформирована охранная дружина (комплектовалась по мобилизации). В этот момент в состав Северной области входил и Мурманск с Кольским полуостровом (Александровский уезд). Часть военнотружущих Архангельской роты военной милиции была командирована в Мурманск (1 офицер и 50 солдат) и в Повенец (1 офицер, 72 солдата). Они вошли в состав Мурманской городской милиции, в рядах которой и исполняли милицейские обязанности¹³.

Постановлением Временного правительства Северной области от 21 октября 1918 г. «Об утверждении положения о штатах Архангельского бюро уголовного розыска» было организовано Архангельское бюро уголовного розыска. Оно находилось в подчинении Отдела юстиции и непосредственно подчинялось прокурору Архангельского областного суда. Штат бюро состоял из 44 чинов. Оклад начальника бюро равнялся 830 руб. в месяц, его помощника – 750 руб., инспекторов – 390 руб., судебных инспекторов – 375 руб. в месяц¹⁴. С августа 1919 г. Архангельское и Мурманское бюро уголовного розыска были переданы в ведение соответствующих начальников милиции¹⁵.

Источники сохранили некоторые имена инспекторов милиции Архангельской губернии. Капитан Виктор Федорович Капустин (1882–?) с ноября 1918 г. являлся инспектором милиции Архангельской губернии. В 1919 г. инспектором милиции Архангельской губернии являлся Андрей Александрович Розин (1885–1933). Он родился в Чите, окончил реальное училище, затем артиллерийское училище. В феврале 1917 г. его имя значилось в числе раненых офицеров, прибывших с фронта в Петроград в лазарет Карабической; в тот момент он имел чин штабс-капитана и служил в инспекции взрывчатых веществ и опасных грузов. Летом 1918 г. он служил правителем дел главной комендатуры Архангельска. В ноябре 1918 г. был назначен начальником милиции Печерского уезда, в декабре 1918 г. – начальником Архангельской городской милиции¹⁶.

Набор сотрудников в милицию первоначально шел по принципу добровольности. Костяком организующейся милиции стали бывшие чины царской полиции. Однако в условиях крайней нехватки кадров на работу в милицию мог попасть любой желающий. Статус милиционера был довольно привлекательным: гарантировалась отсрочка от службы в армии, паек, форма, выплата содержания. Однако практически сразу выяснилось, что многие кадры плохо подготовлены, в частности «лица, замещающие должности надзирателей, особенно волостной милиции, в милицейской службе не опытные, большинство без практики»¹⁷.

В 1919 г. начальнику Архангельской губернии с правами управляющего Отделом внутренних дел И.В. Багриновскому поступило прошение инспектора милиции губернии капитана Розина об открытии подготовительной школы для милиции и о выделении на эти цели кредита 50 тыс. руб. В прошении указывалось, что «в доре-

волюционное время для образования опытных и сведущих для наружной милицейской службы лиц в г. Архангельске периодически открывалась подготовительная школа. В такой школе по выработанной программе обучались поочередно околоточные надзиратели и вызываемые из уездов наличные урядники. Такой способ давал возможность замещать должности по милиции более или менее подходящими людьми». Однако, несмотря на просьбу и приведенные доводы, открытие милицейской школы не состоялось¹⁸.

Положение со штатами милиции резко ухудшилось в связи с тем, что с весны 1919 г. на основании постановления Временного правительства Северной области милиционеры начали призываться на военную службу наряду с гражданами 1890–1899 годов рождения¹⁹. Милиции давалась отсрочка на четыре месяца для поиска замены призывающимся милиционерам и комплектования нового штата. Летом и осенью 1919 г. шла интенсивная переписка между учреждениями по поводу призыва милиционеров в армию, с категорическими возражениями выступил инспектор милиции капитан А.А. Розин. В рапорте на имя генерал-губернатора и главнокомандующего войсками Северной области генерала Е.К. Миллера он писал о трудностях создания милиции на этапе становления Северной области: «Безотчетный страх за собственное благополучие из-за недоверия к происшедшей смене большевизма тормозил дело создания милиции и только признание Генерал-губернатором... если можно так выразиться прав гражданства, успокоило неуравновешенных, но опытных в милицейском отношении лиц». Далее Розин писал о «бездеятельности Земства», гибельности прекращения деятельности милиции для Северного края при борьбе с большевиками. «Длинный год упорного сплошь и рядом круглые сутки труда, потраченного мной и ближайшими сотрудниками аппарата сельского в текущей атмосфере всеобщего развала оказался впустую, – отмечал А.А. Розин. – Я позволю себе спросить: нужна ли для Северной области милиция?»²⁰.

Однако ответ генерала Миллера от 21 октября 1919 г. был вполне однозначен: «Чинов наружной милиции и тюремной стражи освободить всех от военной службы считаю несправедливым и ненужным. Ограничить эту льготу лицами старше 30 лет, а милиционеров и тюремных стражников 30 лет и моложе отправить в войска, заменив их лицами старше этого возраста. Дать отсрочку лишь на 2 недели для замены»²¹.

Тем не менее, в ноябре 1919 г. переписка по поводу призыва милиционеров продолжалась. Генерал Миллер указал начальнику Архангельской губернии Багриновскому и начальнику местной бригады по части мобилизации на недопустимость постановки «совершенно неуместных вопросов», которые исходят от инспектора милиции. «Особые обстоятельства, – продолжал он, – требуют привлечения всех более молодых сил в ряды войск на фронт, поэтому

их нужно заменить более пожилыми людьми на службе в милиции; замена эта отнюдь не приведет к гибели и разрушению милиции». Вновь был дан трехмесячный срок для подготовки замены призываемых в армию²².

Для милиционеров предусматривалось ношение военной формы. Отличительным знаком милиции была нарукавная красная повязка. Ношение чинам милиции нарукавной красной повязки предусматривалось приказом главнокомандующего Северно-Русским экспедиционным корпусом полковника Г.Г. фон Нефа от 10 декабря 1918 г. «в отличие от чиновничьего ведомства». Согласно приказу, до получения чинами милиции обмундирования установленного порядка повязка должна носиться ими и на штатской одежде. На повязке возможна была вышивка. Например, для Архангельской уездной милиции черными нитками предлагалось вышить «АУМ»²³. Старая полицейская форма ликвидировалась. Практически сразу после образования Северной области осенью 1918 г. управление Архангельской городской милиции провело публичные торги по продаже старого обмундирования городских бывшей Архангельской городской полиции. Были проданы 123 шинели, 51 мундир, 331 шаровары, 109 гимнастерок, 31 пара сапог, 232 фуражки, 95 поясных суконных ремней, 20 одеял шерстяных, 34 чехла фуражечных, 1 рубаха из верблюжьей шерсти, 91 пара перчаток и 40 шт. макинтошей клеенчатых (всего на сумму 5 660 руб.)²⁴.

Для милиционеров, несущих «наружную» (постовую и патрульную) службу, предусматривалась выдача нового обмундирования от казны. Однако в условиях военного времени и скудных материально-финансовых ресурсов обмундировать новую милицию оказалось непросто. По сообщению инспектора милиции Архангельской губернии Розина от августа 1919 г., только Архангельская городская милиция получила по одному комплекту обмундирования, которое «за год большей частью основательно износилось», чины же уездной милиции не получали никакого обмундирования и «разношерстно одетые кто во что попало». Поэтому, указывал Розин, часто случались недоразумения, после которых граждане несли ответственность за оскорбление чина милиции при исполнении служебных обязанностей. Граждане объясняли: «Да я же не знал, что он милиционер»²⁵.

Инспектор милиции Розин просил начальника губернии Багриновского ходатайствовать перед главнокомандующим генералом Миллером об отпуске из интендантского вещевого склада 700 комплектов солдатского и 100 комплектов офицерского английского обмундирования. Он отмечал: «Это количество даст мне возможность одеть прилично самых необходимых мне людей». А далее подчеркивал: «Милиция за все время моего ею командования честно и безропотно, несмотря на все трудности жизни и службы, выполняла и выполняет свой долг перед Родиной»²⁶.

Другим выходом Розин считал выдачу сукна для пошива шинелей милиционерам, однако Управление Архангельского военного порта, куда была адресована эта просьба, осенью 1919 г. отказало в отпуске сукна для пошива шинелей, «ввиду незначительного запаса в настоящее время в магазинах порта шинельного сукна, необходимого для изготовления шинелей для воинских чинов флотилии... Многие воинские чины вынуждены даже ходить в бушлатах за неимением шинелей»²⁷.

Кроме того, не все имевшие форму милиционеры носили ее в служебное время, в связи с чем, например, начальник Архангельской уездной милиции Григорьев 15 мая 1919 г. издал приказ, согласно которому все чины милиции, имеющие форменную или присвоенную им одежду, всегда при исполнении ими служебных обязанностей непременно должны быть в форме²⁸.

В уездах ситуация с обмундированием милиционеров тоже была плохой. Начальник Мезенской уездной милиции в начале 1919 г. докладывал инспектору милиции Розину, что, несмотря на обещания, помощник начальника уезда сообщил, что никакой одежды для чинов милиции в его распоряжении не имеется. Уклонились от исполнения этой просьбы и пребывавшие в Мезень английские офицеры, мотивировав это тем, что они точно не знают, положено ли казенное обмундирование для милиции²⁹.

Начальник Мезенской уездной милиции отмечал, что чины по-прежнему ходят в своей одежде, причем милиционеры нередко «из себя представляют каких-то оборванцев». Отличием милиционеров от прочих граждан служила «нашитая у них на рукаве старого поношенного пиджака красная повязка и имеющаяся шашка, да и то не у всех, ввиду недостатка последних». Заставить же милиционеров иметь приличную одежду, продолжал начальник уездной милиции, невозможно, ввиду бедного состояния милиционеров, да и «находясь при средствах», в настоящее время приобрести что-либо из обмундирования представляется трудным³⁰.

К зиме 1919/20 гг. остро встал вопрос снабжения милиции теплой обувью. Инспектор милиции Розин в октябре 1919 г. просил интендантство о выделении 240 пар валенок для чинов городской Архангельской милиции³¹. Затем, в ноябре 1919 г., – о выделении хотя бы для обслуживания 30 милицейских постов в Архангельске по 2 пары валенок. Кроме того, подчеркнул инспектор милиции, «за отсутствием в городе конвойной команды, чины милиции выполняют службу последней, бывают продолжительное время в командировках, сопровождая арестантов по губернии, и назначаются иногда на секретные посты в городе, сопряженные также с продолжительным временем нахождения на воздухе, а потому для выполнения кроме постовой службы обязанностей, необходимо иметь еще 10 пар». Валенки для милиции он просил черные, так как милиционеры «несли службу на видных местах»³². Однако интендантство отпустило ва-

ленки только по количеству милицейских постов в Архангельске³³.

В январе 1920 г. инспектор милиции Архангельской губернии Розин вновь обратился к Временному правительству Северной области с рапортом о необходимости обмундирования милиции. В рапорте было указано: «Со дня изгнания большевиков готовое обмундирование, да и то по одному комплекту, было исходатайствовано только для городской милиции; чины же уездной милиции готовым обмундированием современного образца не пользовались, а если и было им кое-что отпущено интендантством из прежнего образца, то далеко не все и не для всех и большинство служащих с самого начала организации милиции ходят в своей одежде». Инспектор вновь просил об отпуске кредита Временным правительством Северной области для приобретения обмундирования в размере 1 млн руб.³⁴

Таким образом, вопросы обмундирования милиции решались с большим трудом, и за весь период существования «белой» милиции до конца решены не были.

Оклады жалованья чинов милиции были невысоки.

В декабре 1919 г. инспектор милиции Розин докладывал начальнику Архангельской губернии Багриновскому, что оклады чинов милиции не соответствуют жизненной потребности. Кроме того, он просил учитывать, что особенности милицейской службы сопряжены с риском для жизни. По меткому замечанию инспектора милиции, ни для кого не было секретом, что значительный процент служащих милиции удерживается на своей службе не окладами, а освобождением от военной службы³⁵.

16 ноября 1919 г. Временное правительство Северной области утвердило новые ставки для милиционеров. Предлагалось повысить оклады инспекторам милиции с 1 466 руб. до 2 400 руб., начальникам наружной милиции г. Архангельска – с 1 200 до 2 000 руб., их помощникам – до 1 500 и 1 600 руб. (старший помощник получал 1 066 руб., младший – 1000 руб.), начальникам частей – с 933 до 1300 руб., их помощникам – с 800 до 1200 руб., участковым надзирателям – с 666 до 1 100 руб., фельдфебелям – с 533 до 700 руб., старшим милиционерам – с 533 до 650 руб., младшим милиционерам – с 400 до 550 руб.³⁶

Сопоставляя оклады сотрудников милиции с установленными Временным правительством Северной области «твердыми» ценами на товары первой необходимости, можно увидеть, что милиционеры со своими семьями были обречены на весьма невысокий материальный уровень жизни. Так, бутылка молока в Архангельске стоила в конце 1918 г. в розницу 1 руб. 50 коп., фунт сливочного масла – 10 руб. 20 коп., фунт картофеля – 1,2 руб., фунт мяса – 4,5 руб.³⁷

Милиция была вооружена, как правило, шашками, револьверами и винтовками. Чаще всего винтовки были английские. 23 ноября 1919 г. начальник Управления артиллерийского снабжения Северной области полковник Г.С. Егоров издал распоряжение о сдаче всех

английских винтовок и патронов с заменой на русские. Инспектор милиции Розин просил в этой связи выделить 22 ящика винтовок (220 шт.) и 8 000 патронов³⁸. Однако начальник хозяйственной части особой роты военной милиции сообщил, что из числа оставшихся 180 винтовок – 93 находятся на лицо, а 87 на руках у милиции, разружить которую он не может, потому что необходимо получить сначала русские винтовки³⁹.

Уездная милиция имела примерно то же вооружение. Так, на начало 1920 г. чины Холмогорской милиции были вооружены винтовками, часть их (преимущественно волостные) револьверами и пашками⁴⁰.

Все сотрудники милиции, кроме жалованья, обмундирования, вооружения, должны были получать казенный военный продовольственный паек (выдавался англичанами), деньги на оплату съемной квартиры, а также пользоваться лечением за счет казны. Предполагалось, что если где-то не будет возможности получения пайка натурой, можно было выдавать деньги в размерах стоимости пайка. Так, все милиционеры 1 участка Холмогорской уездной милиции на начало 1920 г. получали казенный продовольственный паек, милиционеры же 2 участка в отдаленных волостях взамен пайка получали деньги⁴¹.

Однако и с пайковым снабжением в 1919 г. происходили перебои. Начальник Мезенской уездной милиции сообщал об отсутствии английского пайка на начало 1919 г., что «ставит чины милиции в безвыходное положение, особенно при служебных командировках за пределы уезда»⁴². Начальник Архангельской уездной милиции Григорьев доложил начальнику губернии Багриновскому, что за время с 1 по 24 июня 1919 г. чины уездной милиции не получали английского пайка и предложил взамен недополученного пайка выплатить денежное пособие на сумму 7 805 руб., приняв в расчет норму, предусмотренную Временным правительством Северной области при утверждении штатов уездной милиции, то есть 150 руб. в месяц⁴³.

Женатые и семейные милиционеры, если семейство находилось вместе с ними, получали от казны пособие: классные чины по 200 руб. и прочие по 100 руб. ежемесячно. Это правило распространялось и на женщин, работавших в канцелярии милиции и имевших на иждивении неработающих членов семьи⁴⁴.

На чинов милиции распространялось действие положения об особых преимуществах службы в отдаленных местностях области (согласно Свода законов Российской империи, т. III, ч. III), причем размер подъемных денег определялся по получаемому окладу жалованья. Семьи чинов милиции пользовались бесплатным амбулаторным лечением в Архангельской городской больнице: городская милиция – за счет казны, поскольку органы городского самоуправления отказались оплачивать, уездная – за счет земства, железнодорожная – за счет управлений железных дорог⁴⁵.

Чины милиции могли пользоваться готовыми квартирами с отоплением и освещением («в натуре»: Архангельской городской милиции – с оплатой от городского самоуправления, старшие и младшие милиционеры в уездах – с оплатой от земства, а железнодорожная милиция приравнивалась к железнодорожным служащим, и квартира им оплачивалась за счет управлений дорог. Классные чины в уездах получали квартирные деньги в размере 10 % оклада жалованья. На особом положении находились сотрудники канцелярии. Если возможности предоставить квартиру классным чинам канцелярии инспектора милиции и Архангельской городской милиции не было, им выдавались квартирные деньги от города по стоимости квартиры, но не более 450 руб.⁴⁶

Оплата квартир милиционеров лежала тяжелым бременем на бюджете местных органов самоуправления. В декабре 1919 г. Архангельское губернское земство обратилось с ходатайством об освобождении его от отвода квартир милиционерам Архангельской губернии, но Временное правительство Северной области ответило отказом⁴⁷.

И в уездах вопрос предоставления квартир за счет земства милиционерам решался трудно. Например, в Холмогорском уезде этот вопрос, несмотря на все старания, на начало 1920 г. разрешить не удалось⁴⁸.

Делалась попытка часть милиционеров перевести на казарменное положение. Так, для чинов 4-го участка Архангельской городской милиции, охранявших порт, в 1918 г. был приведен в порядок барак, куда милиционерам предложили перебраться в связи тем, что «ограждение забором всего старого рабочего городка связано с большими расходами и увеличением сторожевых постов»⁴⁹.

Караульная команда Архангельского морского (коммерческого) порта пользовалась всеми прибавками, установленными для городской милиции, и удовлетворялась за счет Архангельского военного порта. Милиция, учреждаемая на частные средства, пользовалась теми же правами, что и государственная милиция области, и должна была получать одинаковые виды довольствия за счет того предприятия, районы которого она обслуживала. Предприятия должны были вносить эти деньги в доход казны на треть года вперед⁵⁰.

Долго обсуждался вопрос об оплате передвижения милиционеров. Архангельская губерния имела огромную, но слабо населенную территорию, в связи с чем милицейские участки в уездах были очень большими по территории. Например, протяженность участка в Холмогорской уездной милиции была около 100 верст⁵¹.

Согласно утвержденным Временным правительством Северной области штатам, начальникам уездной милиции должно было отпускаться на разъезды 1 руб. 50 коп. за версту, но не более 200 руб. в месяц (согласно обязательному постановлению генерал-губернатора и главнокомандующего генерала Миллера «О поставке подвод

для перевозки воинских чинов и служащих правительственных и общественных учреждений», основанному на статье 91 Положения о полевом управлении войск в военное время). Этих денег, как отмечал инспектор милиции Архангельской губернии Розин, хватало только на одну большую поездку⁵².

При этом действовало и пояснение к оплате проезда, которое делало ситуацию довольно противоречивой. Было установлено, что чины городской и уездной милиции для проезда по делам службы пользуются в пределах Северной области бесплатными открытыми листами от губернской и уездных земской управ по предъявлению в каждом отдельном случае удостоверения о необходимости поездки. Служебные разъезды милиционеров должны были оплачиваться земством по действительной стоимости. А затем их расходы подлежали возмещению земством из средств казначейства Северной области⁵³.

Однако инспектор милиции Розин отмечал, что постановление генерал-губернатора создало еще более значительные трения между милицией и земством из-за фразы в постановлении «по предъявлении в каждом отдельном случае удостоверения о необходимости поездки». «Эта фраза, – писал он, – оберегая земства от могущих быть злоупотреблений в использовании лошаадьми, вносит тормоз в срочных работах милиции, когда нужно немедля ехать, а тут либо канцелярия уже закрыта, либо нужно предоставить документы, и управа будет судить, целесообразна ли поездка чина милиции или нет, а дело срочной важности стоит»⁵⁴.

Для работы милиция имела оборудованные помещения – канцелярию, арестные помещения, этапные помещения (содержались за счет Тюремного отдела)⁵⁵. Так, канцелярия Холмогорской уездной милиции, по решению Архангельской губернской земской управы, находилась в частном помещении, квартира оплачивалась из средств управы. Земство же распоряжалось канцелярским инвентарем, однако это порождало неразбериху с имуществом милиции. Холмогорская уездная земская управа в 1919 г. сообщала в губернскую земскую управу, что в 1917 г., когда уездная милиция была в ведении уездного земства, она имела право распоряжаться имуществом милиции по своему усмотрению. Земством часть инвентаря милиции была, как лишняя, изъята для надобностей канцелярии управы, но не исключена из описи инвентаря милиции. Во время же Советской власти весь инвентарь был перемешан между разными отделами бывшего исполкома, помещавшимися в отдельных домах. Управой после падения Советов инвентарь по описи не принимался⁵⁶.

Начальник Холмогорской уездной милиции Селиверстов писал в июне 1919 г. начальнику Холмогорского уезда, что при проверке инвентаря Холмогорской уездной милиции и приведении инвентарной описи в должный порядок оказалось, что часть инвентаря находится в различных учреждениях. Так, в уездной Земской управе – 3 кан-

целярских стола, 1 кухонный, 1 письменный стол орехового дерева, 1 точеное к столу кресло, 4 шкафа, 1 диванчик гнутый венский, 1 большое зеркало, около 10 стульев, 1 счеты, 6 ламп стенных бронзованных с матовыми колпаками, 6 гардин кружевных, 6 карнизов для гардин, 1 ковер, 1 клеенка белая для стола, пила двуручная; в канцелярии начальника Холмогорского уезда 1 стол и у коменданта Холмогорского уезда 1 стул. Секретарь милиции просил о передаче этих вещей в ведение милиции, так как в них имелась «настоятельная нужда»⁵⁷.

Канцелярии милиции имели довольно внушительный документооборот. Например, в Холмогорскую уездную милицию за вторую половину 1919 г. поступило 2 426 входящих бумаг и было отправлено 2 017 исходящих. У начальника милиции Холмогор за этот же период входящих документов было 205, исходящих – 193. У начальника милиции 1-го участка Холмогорского уезда входящих бумаг было 960, исходящих – 2 577, а у начальника 2-го участка Холмогорского уезда – входящих 1 200, исходящих – 3 280. Всего по Холмогорскому уезду было составлено протоколов о нарушении законов 314, все они были отправлены по назначению⁵⁸.

К 1920 г. возникли трудности со снабжением милиции бумагой. Начальник 4-й части Архангельской городской милиции (в районе Бакарицы) издал распоряжение, в котором говорилось: «В настоящее время в Северной области запасы писчей бумаги отсутствуют. Произвести закупку таковой за границей за недостатком валюты... не представляется возможным... Предлагаю употреблять бланки уменьшенного размера (до 1/8 листа)»⁵⁹.

Функции милиции в период «белой» власти были довольно многообразны. Кроме борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, обязанностью милиции было конвоирование обвиняемых и душевнобольных в Архангельск, доставка военных и срочных пакетов по назначению, охрана складов, интендантского стана, охрана и караульная служба в городе и его окрестностях. Так, в Холмогорах на начало 1920 г. были организованы три милицейских поста: один при отделении милиции, второй – на базарной площади, третий – в арсенальных помещениях для охраны содержащихся в них арестантов.⁶⁰

Преступность в период 1918–1920 гг. значительно возросла. Так, число краж выросло с 209 случаев в 1916 г. до 1 172 в 1918 г., а процент раскрываемости преступлений снизился с 80 % до 49 %. Самая серьезная работа велась милицией по розыску краденого имущества. Начальник Архангельской городской милиции Патрушев сообщал начальнику дивизиона истребителей Северного моря о краже казенных вещей в ноябре 1918 г. из кладовой дивизиона, помещенного в деревянном бараке № 3 на Соловецком подворье в Соломбале: 7 шт. моторных магнето, 6 шт. магнето, 2 шт. индукционных катушек, 19 шт. тулупов казенного образца, 79 шт. полушубков, 77 шт.

валяных сапог, 14 шт. теплых курток, 13 шт. курток, 60 пар рукавиц. Эти вещи, писал о своих подозрениях начальник Архангельской городской милиции, вывезены с подворья на лошади⁶¹.

Начальник Архангельского бюро уголовного розыска Холопов 16 мая 1919 г. сообщал начальнику Архангельской уездной милиции Григорьеву о краже в ночь на 10 мая стоявшей на Северной Двине у казенного винного склада баржи, которая принадлежала торговому дому «К.Ю. СПАДЭ» стоимостью 4 000 руб.⁶²

В декабре 1919 г. в Архангельске из мануфактурного магазина «посредством взлома всяческого замка и стекла в раме» была совершена кража. Были похищены 2 каракулевых сака, стоимостью более 20 тыс. руб., почти 10 кусков шевиота, всего 300 аршин ткани на сумму около 45 тыс. руб.⁶³

Много краж совершалось у граждан. Так, гражданин Архангельского уезда Е.М. Почтовалов заявил о краже со взломом замка у него в жилом доме 22 октября 1919 г. и о похищении вещей (мужские серебряные часы и подцепок дутый золотой, женские серебряные часы с серебряной под золото цепочкой, семь золотых колец, мужской золотой перстень с широкой площадкой, четыре браслета, три брошки) и денег в сумме 52 руб., всего на сумму 15 052 руб. В краже подозревался «проходящий мимо деревни вверх по реке Двине и назвавшийся подпрапорщиком Степаном Хребтовым»⁶⁴.

Разбирались и более мелкие кражи. В феврале 1919 г. было подано заявление о краже в деревне Белая гора Холмогорского уезда у А.К. Амосова дамского пальто плюшевого, стоимостью 400 руб., драпового – 300 руб., постели шерстяной – 200 руб., двух подушек пуховых – 270 руб., одеяла байкового – 80 руб., часов вороненых дамских с цепью – 300 руб., золотых дамских часов с браслетом – 500 руб., трех золотых колец – 600 руб., четырех золотых перстей 370 руб., сукна – 250 руб., муфты – 200 руб., вязаной накидки и т.д., всего на сумму 3 220 руб. Вещи эти были оставлены покойной матерью Амосова⁶⁵.

В декабре 1918 г. архангельской милицией расследовалось дело о краже у Е.П. Швецовой, проживавшей в деревне Выселки, избышки «с расчистки», которая использовалась во время сенокоса и заготовки леса. Избушка имела размеры 3,5 аршина в ширину и 3 аршина в высоту, была закрыта новым тесом, имела 3-х дюймовый потолок и 2 окна⁶⁶.

Милиция занималась поиском потерь и судьбой неожиданных находок. Например, полковник Рот сообщил, что 20 декабря 1919 г. около 11 ч. вечера его жена потеряла между Поморской улицей и Троицким проспектом шелковый мешочек-сумочку. В нем находились кошелек с несколькими рублями и пропуском в Архангельский запасной полк на имя Рот Натальи Владимировны, пудреница, янтарный мундштук и 2 носовых платка⁶⁷.

В том же декабре 1918 г. контора лесопильного завода Шольца

извещала начальника Архангельской городской милиции (эту должность тогда занимал Розин), что «на заводе неизвестно откуда и кому принадлежащий появился и давно находится пригульный козел, приметы коего комолый серой шерсти»⁶⁸.

Большую работу вела милиция по поиску пропавших или скрывшихся людей. В октябре 1918 г. Архангельская городская милиция разыскивала «по заявлению американской миссии» Павла Никифорова, 16 лет, называющего себя Павлом де-Робертом, «инструктором дружины бойскаутов». Бежавший скрылся с казенными деньгами в сумме 10 тыс. руб. Сообщались его приметы: «белокурый, в больших сапогах, треугольной маленькой шапочке зеленого сукна, американского военного покроя, при нем золотые часы, трость с золотым или серебряным набалдашником, одеяло защитного цвета»⁶⁹.

Иногда милиция координировала розыск с иностранными представителями. В октябре 1918 г. начальник Архангельской городской милиции Патрушев просил у прово-маршала (начальника военной полиции союзных англо-американских войск) майора Юниака разрешение на задержание англичанина Джона Мора, кочегара на английском пароходе «Лорна», а также на розыск бежавших с острова Мудьюг троих арестованных, бывших матросов со «Святогора» – Мальтевского, Куриченко и Вельможного. Указывалось, что побег был совершен ночью на лодке, бежавшими было украдено военное обмундирование⁷⁰. В апреле 1919 г. милиция разыскивала «скрывшихся» мальчиков Ивана Никитина и Михаила Дорожина 14-15 лет, служивших при Управлении прово-маршала и «одетых в военную английскую форму»⁷¹.

Большую трудность представляла для милиции борьба с дезертирами, которые «до осенних заморозков и выпадения снега имели возможности скрываться в лесах и в лугах», «поймка дезертиров в лесах». Для поиска дезертиров милиция организовывала в глубь лесов экспедиции⁷². Так, Холмогорской уездной милицией за вторую половину 1919 г. было задержано и передано коменданту 25 дезертиров, скрывавшихся в Северном районе, среди которых были «такие, которые прожили в лесных избышках два с половиной месяца». Лица, способствующие укрытию дезертиров, были привлечены к ответственности⁷³.

Работа милиции нередко велась в условиях серьезного сопротивления местного населения. Так, инспектор милиции Архангельской губернии Розин 25 ноября 1919 г. писал командующему Онежским фронтом подполковнику И.И. Михееву: «В тылу действующей армии ярко чувствуется связь большевиков с местным населением, следствием чего лояльная часть, желающая идти нам навстречу в возрождении края, теряется и волнуется». Инспектор предложил в каждой волости через старших милиционеров довести до населения распоряжения, что «все владения, в которых по полученным сторонней сведениям будут ночевать или хотя бы заходить враги Северной

области – большевики-красноармейцы, о которых своевременно домохозяйства... не донесут властям, то эти волости будут сравнены с землей, а домохозяйства со всем семейством выселены за линию фронта к большевикам»⁷⁴.

Милиция была задействована в отслеживании санитарного состояния местностей. Так, в начале октября 1918 г. заведующий Медико-санитарным отделом писал начальнику Архангельской городской милиции Патрушеву, что без поддержки этого органа порядок не навести: «С каждым днем улицы загрязняются все больше и больше, помойки и выгребные ямы совершенно не очищаются, дворы утопают в разных отбросах и навозе, а некоторые торговые заведения настолько обращают внимание своим антисанитарным состоянием, что требуют даже закрытия»⁷⁵.

Милиция выполняла и различные надзорные функции. Каждому участковому надзирателю было вменено в обязанность не менее 1 раза в два месяца проверять домовые книги и домовладельцев и следить за правильным получением продовольственных карточек⁷⁶.

По указанию разведчасти Штаба главковерха союзных войск милиция собирала сведения о содержателях всех меблированных комнат и гостиниц и составляла списки их жильцов⁷⁷. В 1919 г. по распоряжению губернского правительственного комиссара В.И. Игнатьева чины милиции осматривали всех пассажиров, отправлявшихся на пароходах за границу (осуществлялась проверка на право выезда, изъятие провозимых сверх нормы денег. Разрешалось к вывозу 5 тыс. руб.)⁷⁸ Милиция же выдавала билеты на работу извозчикам (номера им выдавала городская управа)⁷⁹.

В связи с прибытием в марте 1919 г. в Березники военнопленных из Германии и Австрии, желающих отправиться на родину, милиции вменялось наблюдение за ними на местах «как подозреваемых в прибытии со специальными целями пропаганды»⁸⁰.

Милиция участвовала во взыскании штрафов и налогов. Так, Холмогорской уездной милицией было взыскано за вторую половину 1919 г. штрафов, наложенных административным порядком, на 14 034 руб. 51 коп., собран подоходный налог в размере 9 553 руб. 23 коп.⁸¹ Кроме того, милиционеры Холмогор бдительно следили, чтобы мясо и сено не вывозились за пределы Холмогорского уезда, что было запрещено обязательным постановлением главнокомандующего. Эта задача являлась крайне трудной, так как из Холмогорского уезда в Архангельский шло несколько дорог, на которых не было возможности выставить заставы⁸².

Кроме того, на чинах уездной милиции лежала обязанность оказания содействия властям по выделению подвод на военные нужды, в том числе на фронт. На виновных, уклоняющихся от выделения подвод, накладывался штраф от 100 до 3 000 руб., преимущественно по 500-1 000 руб.⁸³

К 1920 г. ситуация стала тревожной, в связи с чем был веден ко-

мендантский час. Контроль за его соблюдением был возложен в том числе и на милицию. Начальник Архангельской городской милиции приказом от 17 января 1920 г. запрещал хождение по Архангельску с 10 часов вечера до 5 часов утра и по поселку Соломбале с 9 часов вечера до 5 часов утра «без особых удостоверений от коменданта города». С 19 января 1920 г. запрещены были также вечера с танцами⁸⁴. Все это предшествовало эвакуации из Архангельска генерала Миллера и его штаба.

В феврале 1920 г., сразу после вступления в Архангельск Красной армии, белая милиция была разоружена, а затем ликвидирована.

* * *

Короткая история милиции «белой» Северной области показала необходимость органов охраны правопорядка и борьбы с преступностью при любой политической власти. Большой документооборот городских и уездных учреждений милиции показывает их активное взаимодействие как с военными учреждениями, так и гражданскими.

Однако внутренние противоречия в системе управления Северной областью, проблемы взаимодействия с британскими оккупационными властями затрудняли деятельность милиции. Ситуация усугублялась экономическим и социальным кризисом, постоянными трудностями с финансированием, снабжением и обеспечением учреждений милиции и ее сотрудников, что решающим образом определяло служебную повседневность милиции.

Призывы в армию породили большую текучку кадров в милиции, способствовали притоку лиц с низкой квалификацией, для которых главным мотивом службы в милиции было стремление избежать фронта.

Милиция использовалась во внутренней политике как карательный инструмент, вследствие чего сочувствия и поддержки населения ее учреждения и ее сотрудники не встречали.

В целом служебная повседневность милиции «белой» Северной области отразила глубокие кризисные явления в политической и социально-экономической сферах, которые были характерны для всех антибольшевистских военных правительств в России

Примечания Notes

¹ Kenez P. Civil War in South Russia, 1919 – 1920: The Defeat of the Whites. Berkeley; Los Angeles; London, 1977.

² Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Москва, 2009. С. 262–278; Цветков В.Ж. Белое дело в России, 1920 – 1922 гг. (формирова-

ние и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. I. Москва, 2013. С. 329–342.

³ *Малыгин А.Я., Никитин А.Н.* Милиция белых правительств // Юрист. 1997. № 9. С. 39–64; *Петров А.В.* К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1 (15). С. 35–41; *Звягин С.П.* Привлечение милиции антибольшевистских правительств к сбору налогов с населения на Урале и в Сибири (1918 – 1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-3 (54). С. 225–228; *Фирсов И.Ф.* Деятельность милиции контрреволюционных правительств в Тобольской губернии // Modern European Researches. 2015. № 5. С. 38–42; *Константинов С.И.* Организация и кадровый состав «белой» милиции Екатеринбурга в 1918 – 1919 годах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 95–101.

⁴ Вестник Верховного управления Северной областью (Архангельск). 1919. 17 авг.

⁵ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Петроград, 1917. С. 188, 189.

⁶ Вестник Временного правительства Северной области (Архангельск). 1918. 20 нояб. С. 1.

⁷ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 21об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ ГААО. Ф. 4719. Оп. 1. Д. 21. Л. 41.

¹¹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 43.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 24.

¹⁴ Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 27 окт. С. 1, 2.

¹⁵ Вестник Временного правительства Северной области. 1919. 10 авг.

¹⁶ Русское слово (Москва). 1915. 19 февр.; Северное утро (Архангельск). 1918. 18 авг.; 7 дек.

¹⁷ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 50.

¹⁸ Там же. Л. 50.

¹⁹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 27. Л. 43.

²⁰ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 16, 16об.

²¹ Там же. Л. 16

²² Там же. Л. 17.

²³ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.

²⁴ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

²⁵ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 1об.

²⁷ Там же. Л. 44.

²⁸ ГААО. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 6. Л. 366.

²⁹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 12, 12об.

³⁰ Там же. Л. 12об., 13.

³¹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 21. Л. 44.

³² Там же. Л. 55

³³ Там же. Л. 54

³⁴ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

³⁵ Там же. Л. 19.

³⁶ Там же Л. 20, 20 об.

³⁷ Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 13 окт.

³⁸ ГААО. Ф. 4719. Оп. 1. Д. 21. Л. 49.

³⁹ Там же. Л. 48.

⁴⁰ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22 Л. 45.

⁴¹ Там же. Л. 44об.

⁴² Там же. Л. 13об.

⁴³ Там же. Л. 34.

⁴⁴ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴⁵ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 22

⁴⁶ Там же. Л. 12

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же Л. 44об.

⁴⁹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 9.

⁵⁰ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 22

⁵¹ Там же. Л. 45об.

⁵² Там же. Л. 1.

⁵³ Там же. Л. 10.

⁵⁴ Там же. Л. 8.

⁵⁵ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22 Л. 45об.

⁵⁶ Там же. Л. 28.

⁵⁷ Там же. Л. 30.

⁵⁸ Там же Л. 44.

⁵⁹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁶⁰ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22 Л. 45.

⁶¹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

⁶² ГААО. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 6. Л. 386.

⁶³ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

⁶⁴ ГААО. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 6. Л. 872.

⁶⁵ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.

⁶⁶ Там же. Л. 34.

⁶⁷ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

⁶⁸ Там же. Л. 15.

⁶⁹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

⁷⁰ Там же. Л. 25, 27.

⁷¹ ГААО. Ф. 4732. Оп. 1. Д. 6. Л. 315.

⁷² ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22. Л. 46.

⁷³ Там же. Л. 46.

⁷⁴ Там же. Л. 15.

⁷⁵ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Л. 15.

⁷⁷ Там же. Л. 25.

⁷⁸ Там же. Л. 28.

⁷⁹ Там же. Л. 17.

⁸⁰ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 27. Л. 47.

⁸¹ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 22 Л. 44.

⁸² Там же. Л. 46об.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ГААО. Ф. 4713. Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 10.

Автор, аннотация, ключевые слова

Димони Татьяна Михайловна – докт. ист. наук, доцент, Вологодский государственный университет (Вологда)

Dimonitm@yandex.ru

В статье раскрывается повседневная деятельность милиции на территории «белой» Северной области в период существования на севере России антибольшевистской власти. Статья написана на основе ранее неизученных архивных документов центральных и местных учреждений милиции «белой» Северной области.

Архивные документы позволили впервые реконструировать в основных моментах структуру учреждений милиции, численность и состав служащих милиции, их финансирование, снабжение обмундированием, обеспечение оружием, транспортом и жильем. Особое внимание в статье уделяется месту милиции в государственном аппарате «белой» Северной области и взаимоотношениям учреждений милиции с другими военными и гражданскими учреждениями. В статье показаны типичные моменты повседневной деятельности милиции в 1918–1920 гг.: расследование краж, поиск пропавших людей, конвоирование арестованных, постовая и патрульная служба.

По заключению автора, эффективность работы милиции «белой» Северной области сильно снижалась рядом экономических, социальных и политических факторов. У правительства Северной области постоянно не хватало финансовых и материальных ресурсов, чтобы финансировать и снабжать милицию в необходимых объемах. Командование войск Антанты, оккупировавших Северную область, мало чем помогало русскому правительству Северной области в решении материальных проблем милиции. Милицию часто использовали для решения военных задач. В частности, милиция участвовала в изъятии материальных ресурсов у населения ради удовлетворения нужд армии. Милиция также боролась с дезертирством, проводя операции по поимке тех жителей Архангельской губернии, кто не хотел служить в белой армии. В результате население относилось к милиции враждебно и, как правило, отказывалось помогать ей.

Гражданская война, интервенция, Белое движение, милиция, чиновничество, бюрократия, преступность, повседневность, Архангельская губерния, Архангельск, Е.К. Миллер.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Firsov, I.F. Deyatelnost militsii kontrevolyutsionnykh pravitelstv v Tobolskoy gubernii [The Activities of the Militia of the Counter-Revolutionary Governments in Tobolsk Province.] *Modern European Researches*, 2015, no. 5, pp. 38–42. (In Russian).

2. Konstantinov, S.I. Organizatsiya i kadrovyy sostav “beloy” militsii Ekaterinburga v 1918 – 1919 godakh [The Organization and Personnel of the “White” Militia of Yekaterinburg in 1918 – 1919.]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 2 (22), pp. 95–101. (In Russian).

3. Malygin, A.Ya.; Nikitin, A.N. Militsiya belykh pravitelstv [The Militia of the “White” Governments.]. *Yurist*, 1997, no. 9, pp. 39–64. (In Russian).

4. Petrov, A.V. K voprosu o pravovom obespechenii organizatsii i deyatel'nosti militsii Vremennogo pravitelstva i militsii “belykh” pravitelstv Urala i Sibiri [On the Question of Legal Support for the Organization and Activities of the Militia of the Provisional Government and the Militia of the “White” Governments of the Urals and Siberia.]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskoye nauki*, 2012, no. 1 (15), pp. 35–41. (In Russian).

5. Zvyagin, S.P. Privlechenie militsii antibolshevistskikh pravitelstv k sboru nalogov s naseleniya na Urale i v Sibiri (1918 – 1919 gg.) [The Enlistment of the Militia of the Anti-Bolshevik Governments in Collecting Taxes from the Population of the Urals and Siberia, 1918 – 1919.]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 2-3 (54), pp. 225–228. (In Russian).

(Monographs)

6. Kenez, Peter. Civil War in South Russia, 1919 – 1920: The Defeat of the Whites. University of California Press, 1977, 378 p. (In English).

7. Tsvetkov, V.Zh. Beloe delo v Rossii: 1919 g. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii) [The White Cause in Russia, 1919 (The Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia).]. Moscow, 2009, 435 p. (In Russian).

8. Tsvetkov, V.Zh. Beloe delo v Rossii, 1920 – 1922 gg. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii) [The White Cause in Russia, 1920 – 1922 (The Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia).]. Moscow, 2013, vol. 1, 495 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Tatyana M. Dimoni – Doctor of History, Associate Professor, Vologda

The article highlights the daily routine activities of the militia on the territory of the Russian “white” Northern Region during anti-Bolshevik rule in the north of Russia. The article is based on previously obscure archival documents of the central and local militia in the “white” Northern Region. The archival documents helped to reconstruct, as a whole, the structure of militia establishments, the number and composition of the militia staff, their financing, the provision with uniforms, arms, transport and accommodation. The article pays special attention to the place which the militia occupied in the bureaucracy of the “white” Northern Region and interrelations of militia institutions with other military and civil institutions. The article features typical instances of everyday routine of the militia in 1918–1919: investigation of thefts, search for missing people, convoying of those arrested, and patrol and protection capacity.

It is concluded that the efficiency of the militia in the “white” Northern Region was largely reduced by a number of economic, social and political factors. The government of the Northern Region was regularly short of finances and material resources to provide for the militia in the required amount. The commandment of the Entente troops that occupied the Northern Region helped but little the Russian government of the Northern Region to resolve the militia’s material deficiencies. The militia was often used for military purposes. For instance, it took part in the extortion of material resources from the population to satisfy the army’s needs. The militia fought against desertion by conducting operations to capture the citizens of the Arkhangelsk Province who wanted to escape from military service in the White Army. As a result, the population felt hostile toward the militia, normally refusing to cooperate with it.

Russian Civil War, intervention, White Movement, militia, officialdom, bureaucracy, crime, everyday life, Arkhangelsk Province, Arkhangelsk, General Evgeniy K. Miller.

**ИНВАЛИДЫ ДВУХ ВОЙН:
УВЕЧНЫЕ РУССКИЕ ВОИНЫ В ЭМИГРАЦИИ
(1917 – 1920-е годы)**

S.S. Ippolitov

**The Invalids of Two Wars:
Disabled Russian Veterans in Emigration
(1917 – 1920s)**

В составе антибольшевистской эмиграции социальной группой, на долю которой выпали, пожалуй, самые тяжелые испытания на чужбине, являлись инвалиды мировой и Гражданской войн. Несколько тысяч увечных военнослужащих русской армии и вооруженных сил антибольшевистских режимов оказались в невыносимых условиях: без работы, без прав, без призрения, без домашнего ухода и без надежды на будущее.

Положение русских военных инвалидов в изгнании, как и гуманитарная деятельность, направленная на удовлетворение нужд этой категории эмигрантов, до сих пор остаются очень редким предметом исследования отечественных историков¹.

Между тем, ситуация с русскими инвалидами в эмиграции сконцентрировала в себе все проблемы, с которыми сталкивались бывшие российские граждане на чужбине, только в гораздо большем масштабе и в более обостренном виде.

Источниками для написания статьи послужили документы бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, хранящиеся в Российском государственном архиве Российской Федерации. Это, прежде всего, документы созданных и работавших за границей организаций русских инвалидов – Союза русских военных инвалидов в Польше, Секции русских военных инвалидов-эмигрантов при Виленском русском обществе, Союза русских военных инвалидов в Чехословацкой Республике и Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов. Кроме того, были использованы документы, выявленные в фондах российских гуманитарных общественных организаций – Уполномоченного Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей в Польше и Представителя Российского общества Красного Креста в Загребе.

* * *

К моменту начала массовой эмиграции за границей уже начала формироваться инфраструктура российской гуманитарной деятель-

ности. Начало этому процессу было положено в период Первой мировой войны. Так, заграничная работа Российского общества Красного Креста (РОКК) началась в 1916 г. с отправки в Париж двух лечебных заведений: Крестовоздвиженских госпиталя и лазарета с медицинским персоналом и отрядом сестер милосердия во главе с А.В. Романовой. Позднее в состав учреждений Красного Креста во Франции вошел еще один госпиталь, созданный в 1914 г. в Париже по инициативе и на средства русской колонии. К 1917 г. в ведении главноуполномоченного РОКК в Париже состояли три госпиталя, несколько санитарных отрядов и автомобильно-хирургических колонн, инвалидная школа-приют, отряд сестер милосердия и сестер-переводчиц.

Работа РОКК во Франции была высоко оценена французским военным командованием. И в 1918–1920 гг. средства на работу РОКК ассигновались, в том числе, и французским правительством, поскольку лечебная помощь учреждения Красного Креста оказывали не только соотечественникам, но и французам²

Общее количество зарегистрированных русских инвалидов в эмиграции на 1922 г. составляло 6,5 тыс. человек³, причем количество инвалидов мировой войны превышало количество инвалидов Гражданской войны⁴.

Сохранились статистические и другие сведения о количестве учреждений Российского общества Красного Креста за границей в 1921–1925 гг., которые позволяют проследить динамику их численности на протяжении самых трудных лет становления российской гуманитарной деятельности в эмиграции. Приводимая ниже таблица отражает наименования и численность зарубежных учреждений РОКК в 1921–1925 гг.

Таблица 1. Зарубежные учреждения Российского общества Красного Креста в 1921 – 1925 гг.⁵

	1921 г.	1925 г.
Госпиталей	13	4
Санаториев	6	1
Лазаретов	4	3
Амбулаторий	55	30
Врачебных пунктов	6	
Убежищ для инвалидов	9	5

Общежитий для престарелых и нетрудоспособных	3	1
Детских приютов	2	1
Общежитий	23	8
Мастерских для беженцев	37	3

Данные этой таблицы дают представление о процессах, происходивших в сфере российской гуманитарной деятельности в первой половине 1920-х гг., и о том месте, которое занимали учреждения по призрению и оказанию помощи русским инвалидам в общей системе российских гуманитарных организаций.

Значительное количество учреждений Красного Креста в 1921 г. складывалось в ходе мировой и Гражданской войны. Это была гуманитарная инфраструктура военного времени, перенесенная в эмиграцию организационно и ментально. На начальном этапе эмиграции она сыграла крайне важную роль, сумев в жесточайших условиях гуманитарного кризиса существенно смягчить его последствия для сотен тысяч обездоленных людей. Организация питания, медицинской помощи, занятости, образования спасли от голодной смерти и деградации многие тысячи соотечественников из наименее обеспеченных беженских слоев. Вместо лечения и обслуживания больных и раненых воинов, на Красный Крест в эмиграции легло общее лечение массы беженцев, а иногда и местного населения. Хирургические госпитали становились больницами общего профиля, заполнялись хроническими больными. Выздоровливающие, не требующие стационарного лечения, задерживались из-за их бесприютности: их некуда было выписывать⁶.

Нетрудно заметить, что в 1921 г. среди зарубежных учреждений РОКК наибольшей востребованностью пользовались инвалидные приюты, столовые, амбулатории, общежития и мастерские для беженцев. Красный Крест, по мере имевшихся в его распоряжении ресурсов, предоставлял беженцам пищу, кров, медицинскую помощь и работу. Вполне закономерно, что к 1925 г. именно эти учреждения РОКК сокращались ускоренными темпами: постепенная интеграция беженцев в новые общества, их социальная адаптация в условиях чужбины вели к переориентации нуждавшихся на местную систему социальной помощи. Люди находили работу, лечились у местных врачей, постепенно становились на ноги и могли сами заработать на пропитание.

Но по-прежнему оставалась острой потребность в приютах для детей, престарелых и военных инвалидов, чье положение в эмиграции было наиболее трагичным. При эвакуации войск генерала А.И. Деникина из Новороссийска в Крым в марте 1920 г., а затем при эва-

куации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма в Турцию в ноябре 1920 г. в Константинополь и его окрестности вывозились тысячи офицеров с тяжелыми ранениями и тех, кто получил инвалидность на фронтах мировой и Гражданской войн, а потому, несмотря на свой чин, заслуги и опыт, больше не мог служить в армии и бороться с большевиками на фронте. В ноябре 1920 г. из Крыма было вывезено 7 тыс. раненых офицеров, которые на момент эвакуации находились на излечении в тыловых госпиталях⁷.

Многие из них имели полную потерю трудоспособности. Особенно драматичным было положение молодых офицеров и других военнослужащих, прикованных к постели. Сохранились имена некоторых из них: поручик В.И. Игнатъев, 29 лет, потеря трудоспособности – 100 %. Военный фельдшер С.П. Шевченко, 33 года, потеря трудоспособности – 100 %. Хорунжий М.Ф. Дьяченко, 35 лет, потеря трудоспособности – 75 %⁸.

Положение русских инвалидов в эмиграции, естественно, привлекало особое внимание российской общественности. В 1926 г. ряд русских писателей обратилось с воззванием «Русским зарубежным людям. Призыв группы русских писателей». Воззвание подписали И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Н.А. Тэффи, А.И. Куприн, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.Ф. Ходасевич, П.Б. Струве и ряд других известных литераторов. В воззвании говорилось:

«Тысячи наших инвалидов без помощи и без приюта. Необходимо прочное устройство убежищ, мастерских и санаториев. Жизнь инвалидов наших зависит от случайных сборов. Так нельзя. Самым бесспорным, самым необходимым делом должна стать забота о всех тех, кто жертвовал своею жизнью за Россию, кто принял за нее увечья, раны, потерял зрение, кто теперь – калеки. Таких до 5 тысяч, объединившихся в союзы. Но их, конечно, больше. Голос Союза инвалидов должен быть услышан. Мы, русские писатели за рубежом России, призываем на помощь нашим инвалидам всех...»⁹

С воззваниями к русским колониям о помощи инвалидам обращалось и Российское общество Красного Креста: «Судьба оставила им жизнь, но лишила их жизнеспособности. Они сохранили от упрека в предательстве свою честь, но заплатили за это увечьем и нищетой. Они оказались изгнанниками без крова и приюта в среде тех друзей своей Родины, за верность которых боролись до конца, и победе которой служили кровью»¹⁰.

Российскому обществу Красного Креста удавалось в первой половине 1920-х гг. отчасти смягчать положение русских инвалидов на чужбине. На азиатском берегу Босфора, в Канлидже, работал санаторий Красного Креста на 100 мест¹¹. В убежище сестер милосердия на острове Халки могли поправить здоровье и получить временное пристанище сестры милосердия Красного Креста¹². На 1921 г. в Турции действовало два дома инвалидов РОКК: сначала на острове Принкино, затем в Стамбуле. Второй – в Арнаут-Кей на 200

человек. Инвалидный дом на 250 мест был открыт в Новой Загоре (Болгария)¹³.

Особенно драматично складывалась судьба российских инвалидов в Турции. Помимо общей нищеты и неустроенности начала 1920-х гг., русские беженцы на берегах Босфора стали объектом политики местных властей по «выдавливанию» эмиграции. Она стала следствием геополитических маневров западных государств, пытавшихся обезопасить проливы от возможных эксцессов со стороны остатков Русской армии с одной стороны, а с другой – вследствие влияния советских властей на Кемалю в стремлении обезопасить свои южные границы от попыток остатков белых войск, обуреваемых жаждой реванша, вторгнуться на советскую территорию.

В конце августа 1922 г. Лига Наций в ультимативной форме «предложила» русским инвалидам переселиться из Константинополя и его окрестностей в Болгарию под угрозой лишить отказавшихся от переселения пайка и любой иной помощи от всех иностранных гуманитарных организаций. Не имея выбора, 700 русских инвалидов с семьями переехали в Болгарию¹⁴. Переезд был плохо подготовлен и организован. Так, в Болгарии отсутствовали оборудованные для жизни помещения, под расселение нуждавшихся в постоянном уходе и медицинской помощи людей отдавались старые солдатские казармы, требовавшие ремонта и оборудования. Генерал Н.Н. Баратов, один из создателей и председатель Зарубежного союза русских инвалидов, а позднее главный редактор газеты «Русский инвалид», в 1922 г. отмечал враждебное отношение к русским инвалидам в Болгарии со стороны властей и местного населения¹⁵.

Однако главным фактором резкого сокращения количества учреждений российских гуманитарных организаций за границей являлось сокращение ассигнований со стороны иностранных правительств, часть из которых проводило политику ускоренной ассимиляции эмигрантов, а часть – политику их правового, культурного и экономического «выдавливания» в другие страны.

Масштабы деятельности и востребованность гуманитарной помощи российских общественных организаций за границей (включая Дальний Восток) с 1921 по 1925 гг. становится очевидны из следующей таблицы.

Таблица 2. Количество эмигрантов, получивших благотворительную помощь от Российского общества Красного Креста в 1921 – 1925 гг.¹⁶

Число лиц, прошедших госпитали	59 013
Число койко-дней в лечебных заведениях	1 856 505
Число инвалидов, пользовавшихся помощью РОКК	2 689

Число престарелых и нетрудоспособных в учреждениях РОКК	1 013
Число выданных бесплатных обедов	3 201 556
Число хлебных пайков	6 031 081
Число выданных вещей (белье, одежда, обувь)	892 338
Число лиц, получивших денежную помощь	50 938

Промежуточный итог российской гуманитарной деятельности в первой половине 1920-х гг. был подведен в «Очерке деятельности Российского общества Красного Креста», опубликованном в Париже в 1925 г.:

«Сделано много, но вместе с тем и мало. И особенно по сравнению с теми преувеличенными надеждами, которые возлагают сами нуждающиеся в помощи на Красный Крест в силу своих представлений о широте задач и мощности его в прошлом»¹⁷.

Другой общественной организацией, оказавшей значительное влияние на призрение и социальную адаптацию больных и увечных воинов в эмиграции, стал Зарубежный союз русских военных инвалидов.

О масштабах деятельности этой гуманитарной организации, во главе которой стояло Главное правление, дает представление перечень местных отделений Союза в различных странах мира: Англия (председатель – генерал князь Долгорукий, Бельгия (полковник Д. А. Абрамович), Германия (генерал-майор Н.И. Глобачев), Греция (полковник Левчук), Дания (генерал Потоцкий), Польша (полковник Матвеев), Сербия (генерал-лейтенант князь Вадбольский), Турция (генерал Солунский), Франция (генерал Чекотовский), Эстония (полковник Алексеев), Чехословакия (генерал Михеев), Шанхай (поручик Шат), Сиэтл (генерал Ельшин), Бейрут (штабс-капитан Бакуревич)¹⁸.

Устав Союза так определял задачи своей деятельности: «Союз образуется в целях поддержания среди своих членов воинского и рыцарского духа, основ воинской дисциплины и этики» предоставлять инвалидам и их семьям бесплатное или льготное лечение, заботиться и осуществлять попечение о вдовах и сиротах инвалидов (членов Союза), заботиться о воспитании и обучении детей инвалидов, представлять и защищать интересы инвалидов перед правительствами, общественными организациями и иностранными учреждениями¹⁹.

Порядок приема в Союз определялся уставом. Кандидаты должны были подать заявление на имя председателя Союза или местного правления с приложением врачебного свидетельства об инвалидности, рекомендации двух членов Союза, опросного листа, засвиде-

тельствованного двумя действительными членами Союза, двух фотокарточек и вступительного взноса в размере 25 турецких пиастров в любой валюте²⁰.

Правом на вступление в Зарубежный союз русских военных инвалидов обладали лишь получившие инвалидность на войне, во время боя, вследствие ранения, контузии или отравления газами. Также принимались потерявшие трудоспособность по причине военно-походной службы. Причину возникновения инвалидности призвана была установить медицинская комиссия, при этом правом на получение помощи от Союза могли пользоваться лишь те бывшие военнослужащие, чья трудоспособность вследствие увечья падала более чем на 50 %²¹.

Все пункты этих требований были вполне объяснимы, и выполнение их не представляло труда, за исключением одного: наличие двух рекомендаций от членов Союза. По какой причине в устав был введен этот пункт, представить сложно. И еще сложнее понять, каким образом, например, семья обездвиженного инвалида, брошенная в Сербию или Тунис, могла бы раздобыть требуемые рекомендации: для этого нужно было найти кого-то из сослуживцев, или кого-то из медицинского персонала лечебных учреждений, где инвалид находился на излечении, или кого-то, что было совершенно невозможно, из членов военно-врачебной комиссии, которая когда-то признала увечного воина инвалидом войны.

Принципы деятельности инвалидов домов и приютов, в которых находили призрение русские инвалиды, наглядно демонстрируют правила Приюта для русских военных инвалидов в г. Бари, организованный А.К. Букналл при Русском православном подворье Православного Палестинского общества в Италии. Каждый инвалид получал кровать с постельным бельем и стол, то есть регулярное питание. «Пока не выберет себе по душе какое-нибудь занятие», дополнительно инвалиду выдавалось на руки 50 лир в месяц. Однако такая благотворительность длилась недолго: по прошествии некоторого времени, данного на адаптацию, каждому постояльцу приюта вменялось в обязанность приняться за работу. Администрация приобретала за свой счет необходимые инструменты и материалы. За готовую работу инвалид получал плату за вычетом 20 % на погашение долга за материал. Конечной целью реабилитации являлся переход инвалида на независимое и самостоятельное существование. При инвалидном приюте планировалось даже открытие мастерских, которые должны были бы полностью покрывать все его расходы²².

О жизни русских инвалидов-эмигрантов писал «Русский инвалид» в 1924 г., условно разделяя их на три категории.

Первая – холостые инвалиды в инвалидных домах и приютах. Туда попадали потерявшие 60 % трудоспособности. Они имели крышу над головой и скудное питание. Но средств, выделявшихся приютившими их правительствами и собранными в различных странах

беженского рассеянья, не хватало на достойное содержание. Так, в Ново-Загородском инвалидном общежитии, в Болгарии, на 250 мест 90 % постояльцев были больны малярией. Все заболевшие стояли в очереди за порошком хины, выдававшимся один раз в месяц. На баню ежемесячно выдавалось 6 левов, которых не хватало даже на мыло. Изредка бывавшие в приюте комиссии российских гуманитарных организаций отмечали нехватку лекарств и жиров в рационе питания инвалидов²³

Вторую группу русских военных инвалидов составляли бывшие военнослужащие, получившие тяжкие увечья, но не устроенные в инвалидные дома по причине их семейного положения. Считалось, что они имели уход и попечение в своей семье, и по этой причине не нуждаются в специально организованном приюте. Так, на содержание холостых тяжелых инвалидов в болгарских приютах выделялось 400 левов. Семейному тяжелому инвалиду полагалось в Болгарии лишь 150 левов, выделявшихся ему в качестве продовольственного пайка, который он должен был съедать сам (поделиться с родными он права не имел).

В результате подобной политики, проводившейся правительственными и международными гуманитарными организациями в отношении русских инвалидов, они сами и их семьи были обречены на существование на грани нищеты и голодной смерти. Дети собирали милостыню. Семьи с тяжелобольными, часто обездвиженными, инвалидами жили в непригодных помещениях, разделенных одеялами на несколько «комнат», переполненных такими же обездоленными.

Наконец, третью группу составляли инвалиды с частичной потерей трудоспособности и не получавшие пайка вообще. Эта группа являлась самой бесправной. Люди не могли зарегистрироваться на бирже труда из-за инвалидности. Если же им удавалось найти временную работу, то они подвергались немилосердной эксплуатации, что в скором времени приводило к полной потере трудоспособности от непосильного труда²⁴.

В столь тяжелой ситуации руководящему составу Зарубежного союза русских военных инвалидов далеко не всегда удавалось выполнить первое требование его устава о сохранении «воинского и рыцарского духа, основ воинской дисциплины и этики». Призрение инвалидов, или, скорее, наличие определенных материальных ресурсов, вращавшихся в этой сфере, притягивали к ней и нечистых на руку деятелей. Русскую общественность нередко сотрясали скандалы, связанные с деятельностью тех или иных групп или персон, в обязанности которых входила забота об увечных воинах. Так, Союз русских инвалидов в Константинополе в 1921 г. принял постановление о придании всех членов правления суду. 25 мая 1921 г. новое правление возглавил генерал Н.Н. Баратов, один из создателей Союза русских военных инвалидов²⁵.

Одной из весомых статей дохода Зарубежного союза русских военных инвалидов и его местных отделений являлись благотворительные лотереи. Суть этих мероприятий сводилась к нескольким последовательным операциям, вполне традиционным для благотворительных лотерей и «благотворительных базаров». В типографии печатались лотерейные билеты, продававшиеся затем всем желающим. Собранная сумма делилась на три основные части: одна шла на возмещение расходов и призы, вторая – в доход организаторов, третья – собственно на помощь инвалидам. Однако соблазн организаторов этих благотворительных акций зачастую был слишком велик, результатом чего становились неприглядные истории, нашедшие отражение в документах.

Часть подобных документов представлена в подборке «Архивы русской эмиграции в Париже», размещенной на Интернет-сайте «Русский Париж» (<http://paris1814.com/invalides-russes/>).

Один из документов рассказывает о следующем событии: «В Париже, на площади Мадлен, полковник Василенко нанес удар палкой по лицу генерал-майору Чебыкину». Суть конфликта между этими достойными людьми, являвшимися организаторами одной из благотворительных лотерей в пользу русских инвалидов, состояла вот в чем: «...Процентные отчисления в пользу продавцов и заведующего... оказались столь высоки, что месячный заработок продавцов оказался непомерно большим, превышая иногда 2 500 франков. Полковник Василенко указывал, что такие большие отчисления в пользу продавцов и заведующего крайне несправедливы, особенно при наличии того факта, что скудность средств Союза позволяет ему давать регулярно ежемесячные пособия лишь некоторым из тяжелых инвалидов (теперь получают их только 16 человек), причем пособия эти колеблются от 250 до 50 франков, а между тем среди них есть инвалиды без двух рук и 2 ног с семьей, инвалид с параличом обеих ног с семьей, слепые, дряхлые старики, паралитики и т.п., что в инвалидных домах, могших приютить лишь часть нуждающихся в приюте, Союз может отпускать на их пропитание лишь 3-4 франков в сутки».

Скудость средств, трудности при подаче заявления на вхождение в Союз русских военных инвалидов, распыленность эмигрантских колоний и порой полная беспомощность увечных людей неизбежно приводили не только к межличностным конфликтам, но и к попыткам обеспечить благоприятные или особые условия людям, не только имевшим право на помощь и призрение, но еще и обогащенным полезными связями и знакомствами.

Сохранилось письмо председателя Русского общевойскового союза (РОВС) генерала А.П. Кутепова в адрес председателя Зарубежного союза русских военных инвалидов в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев (Королевстве Югославия) генерал-лейтенанта Н. П. Вадбольского. Письмо было отправлено из Парижа в Белград 15

января 1929 г. и публикуется впервые. Речь в письме идет о помощи разбитому параличом генералу П. П. Непенину:

«Дорогой Николай Петрович! Генерал Бредов пишет мне, что он обратился к тебе с ходатайством относительно генерала Непенина. Он подробно пишет тебе о положении последнего и просит тебя его устроить. От всей души присоединяюсь к просьбе генерала Бредова и надеюсь, что тебе удастся помочь Непенину, этому достойному всякого уважения генералу. Твой А.П. Кутепов»²⁶.

Столь высокое покровительство не могло остаться без реакции, и письмо руководства Союза в Белграде в адрес местных отделений Союза дает нам возможность оценить принципы деятельности этой гуманитарной общественной организации по призрению увечных воинов:

«Генерал А.П. Кутепов и генерал Н.Е. Бредов обратились в Главное управление с просьбой об оказании помощи разбитому параличом генералу П. П. Непенину. Генерал Непенин аттестован ими как отличный генерал, герой войны и человек высокого долга, отдавший на служение Родине и самого себя, и своего сына, убитого в Гражданскую войну под Царицыном. С болезнью генерала Непенина, единственного кормильца семьи, положение ее стало невыносимым. Из присланных свидетельских показаний и удостоверения Панчевского госпиталя видно, что генерал Непенин был ранен в Великую войну и по нашему уставу имеет право на зачисление в Союз инвалидов. Поскольку этого не было сделано раньше, Главное управление просит выяснить положение генерала Непенина и принять меры к изысканию способов оказания ему помощи, не ожидая от него подачи заявления»²⁷.

Как следует из письма, Главное правление Союза не оказывало самостоятельно помощь нуждающимся инвалидам – это являлось функцией местных союзов, и занимались они только собственными членами. В задачи Главного правления входил сбор и распределение средств, проведение благотворительных акций, поиск жертвователей и попечителей. Такой алгоритм помощи часто вызывал непонимание и недовольство инвалидов, не обладавших высокими чинами или покровительством. Получение ими помощи от местных союзов было связано с многочисленными формальностями, проволочками, мытарствами, необходимостью доказывать свое бедственное положение и происхождение полученных увечий и болезней.

С другой стороны, российские гуманитарные организации в середине 1920-х гг. столкнулись с острым дефицитом ресурсов из-за истощения вывезенных из России «казенных средств» и сокращением помощи иностранных правительств. По этим причинам союзы инвалидов были вынуждены отказывать в помощи людям, имевшим хотя бы какую-нибудь возможность для трудоустройства и работы, оказывая поддержку лишь абсолютно нетрудоспособным инвалидам.

Сама по себе система распределения этих ограниченных ресурсов порождала неизбежные злоупотребления. Маргинализация людей, в силу жизненных обстоятельств оказавшихся нетрудоспособными и обездоленными, проходила ускоренными темпами. Конфликты в их среде были частым явлением. Потеряв в качестве дисциплинирующего фактора воинскую службу и оказавшись в условиях инвалидного дома, многие из них опускались на дно социальной и духовной жизни. Взаимные оскорбления, доносы, интриги, скандалы становились в среде инвалидов обыденностью. Сохранился документ, появившийся в июле 1926 г. под грифом «секретно», автором которого стал генерал Сулейман-Улановский. В этом докладе последнего начальника Николаевского кавалерийского училища шла речь не об образовании молодых офицеров и не о военной стратегии и тактике, как можно было бы предполагать. Доклад доблестного генерала был посвящен... санитару Барийского инвалидного приюта капитану Маркевичу. Генерал Сулейман-Улановский писал:

«Наблюдая ежедневно жизнь русских инвалидов в Барийском инвалидном приюте, могу дать о некоторых из них нижеследующие характеристики. Именуемый себя капитаном В.И. Маркевич именем русского на чужбине не дорожит; своим поведением и поступками постоянно его дискредитирует. Постоянно пьянствует. Скандалит, причем скандалы устраивает преднамеренно. Дерзит и вызывающе обращается к старшим по чину. К своим обязанностям санитара относится крайне недобросовестно, предпочитает ничего не делать и жить за счет инвалидов. С полным основанием следует признать в нем продукт современного большевизма...»²⁸

Этот документ дает обильную пищу для размышлений. Судя по тексту, генерал Сулейман-Улановский сам оказался постояльцем инвалидного приюта. Распад социальных связей, деградация воинской дисциплины, на которую по привычке рассчитывает генерал в среде отставных военных, слабый контроль за медицинским персоналом, обездоленные люди, предоставленные заботам неквалифицированного персонала – вот те проблемы, с которыми сталкивались русские инвалиды. Эти проблемы отнюдь не являлись отличительной чертой сообщества инвалидов – те же самые социальные проблемы были характерны для всей российской эмиграции. Однако в среде инвалидов они отличались особенной остротой и прогрессировали значительно быстрее.

Инвалиды в эмиграции часто обращались за помощью в перевозке своих семей из Советской России за границу. Помимо стремления к воссоединению с оставшейся в России семьей, побудительным мотивом таких прошений часто являлась физическая невозможность искалеченных людей существовать без должного ухода и помощи. Приезд семьи для многих становился в этом смысле единственной надеждой обрести уход и заботу от родных людей. Оставшиеся на родине семьи русских инвалидов также стремились выехать за гра-

ницу: помимо желания воссоединиться с искалеченными войнами мужьями, отцами и братьями, переезд за границу позволял надеяться на улучшение бытовых условий, получение образования детьми, значительное повышение жизненного уровня.

Так, сохранилась переписка слепого на оба глаза инвалида поручика Ведищева, проживавшего в 1928 г. в Зелуне, с его семьей в России и Главным правлением Союза в Белграде. Инвалид просил помочь ему перевести жену и сына. Союз переадресовал эту просьбу в Российское общество Красного Креста в расчете на тесные контакты последнего с Международным комитетом Красного Креста, который смог бы вступить в контакты по этому вопросу с Советским Красным Крестом²⁹.

* * *

Судьба русских инвалидов оказалась тесно связана с процессами, происходившими в среде российской эмиграции и вокруг нее. Нерешенность правовых вопросов, нежелание местных правительств нести финансовое бремя по содержанию беспомощных граждан несуществующего более государства, послевоенный социально-экономический кризис и бедность пострадавших от мировой войны государств, деструктивные процессы в среде эмигрантского сообщества – все эти факторы усугубляли и без того бедственное положение русских инвалидов в изгнании.

Вместе с тем, способность российской эмиграции к самоорганизации, деятельность гуманитарных организаций, восстановивших свои организационные структуры на чужбине, благотворительность частных лиц и бизнеса, направлявших значительные средства на помощь инвалидам, помогли обеспечить минимальный уровень призрения.

Российская гуманитарная традиция попечения о раненых воинах, прошедшая испытания Первой мировой и Гражданской войн, продолжилась в эмиграции. Именно самоорганизация соотечественников, разбросанных по всему миру, сыграла ключевую роль в деле призрения русских военных инвалидов, позволив им выжить в тяжелейших условиях беженского рассеяния. Без этого ключевого фактора их участь в 1920-е гг. была бы самой плачевной.

Примечания Notes

¹ *Микуленок А.А.* День русского инвалида в Польше в 1920 – 1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 128–130.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

³ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–19.

⁶ Там же. Л. 14об.

⁷ *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. Москва, 2009. С. 407.

⁸ ГА РФ. Ф. 7501. Оп. 1. Д. 3. Л. 100.

⁹ Там же. Л. 67.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 18об.

¹⁷ Там же. Л. 21об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 57. Л. 20.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 45. Л. 117.

²² ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 34. Л. 59.

²³ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 30.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 45. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 22.

²⁸ Там же. Л. 117.

²⁹ Там же. Л. 77.

Автор, аннотация, ключевые слова

Ипполитов Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, проректор, Московский государственный институт культуры (Химки, Московская обл.)
nivestnik@yandex.ru

Статья посвящена малоизученной и драматичной странице истории российской эмиграции – судьбе нескольких тысяч русских военных инвалидов, оказавшихся в изгнании. Обозначенная проблема актуальна сегодня по ряду причин. История адаптации российской эмиграции начала XX в., сохранение ею национальной и культурной идентичности в условиях враждебной внешней среды стала ценнейшим опытом, изучение которого не только помогает понять происходящие сегодня в среде русского зарубежья процессы, но и выработать способы решения тех острейших проблем, которые стоят сейчас перед нашей страной. Изучение в этом контексте российской гуманитарной деятельности по признанию самых незащищенных членов эмигрантского сообщества позволяет проследить духовную традицию общественной самоорганизации в условиях глубокого кризиса.

Раненые воины Первой мировой и Гражданской войн, многие из кото-

рых были прикованы к постели, полностью лишились зрения, потеряли трудоспособность и нуждавшиеся в постоянном уходе и лечении, оказались без попечения и средств к существованию. Ситуацию усугубляла политика по «выдавливанию» российских беженцев, проводившаяся рядом восточноевропейских государств и Турцией в начале и середине 1920-х гг. Единственной надеждой для этих обездоленных людей стала деятельность российских гуманитарных организаций, восстановивших свою работу в эмиграции.

Российское общество Красного Креста, Всероссийский союз городов, Зарубежный союз русских военных инвалидов – эти и целый ряд других общественных организаций сумели за короткий срок воссоздать и развить инфраструктуру лечебных заведений, инвалидов домов и приютов, питательных пунктов, лечебниц и санаториев, оказывавших медицинскую помощь и призрение русским инвалидам в изгнании. Благодаря этой поддержке раненые воины получали не только призрение и медицинскую помощь, но и возможность социальной адаптации и реабилитации, постепенно интегрируясь в новое для них общество.

Призрение и помощь русским инвалидам за границей отразили в себе все сильные и негативные стороны русского эмигрантского сообщества, став, с одной стороны, примером гражданской самоорганизации на благо самых обездоленных, но с другой стороны, высветив в своей среде деятелей, готовых наживать даже на скорби и страданиях ближних.

Гражданская война в России, русская эмиграция, инвалид войны, Российское общество Красного Креста, гуманитарная деятельность, благотворительность, благотворительная организация, социальная адаптация.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Mikulenok, A.A. Den russkogo invalida v Polshe v 1920 – 1930-e gg. [Disabled Russian Veterans Day in Poland, 1920 – 1930s.]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, 2018, no. 1, pp. 128–130. (In Russian).

(Monographs)

2. Karpenko, S.V. Belye generaly i krasnaya smuta [White Generals and Red Turmoil.]. Moscow, 2009, 432 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Segrey S. Ippolitov – Candidate of History, Vice-Rector, Moscow State Institute of Culture (Khimki City, Moscow Region, Russia)
nivestnik@yandex.ru

The article highlights the destiny of thousands of disabled Russian war vet-

erans who found themselves in exile, which is an obscure and dramatic page in the history of Russian emigration. The issue is relevant today for a number of reasons. The history of the adaptation of the Russian emigration in the early twentieth century, its efforts to preserve national and cultural identity in a hostile environment is a valuable research-worthy experience, which helps to embrace the processes currently taking place among the Russian emigration as well as to address the acute problems this country is facing now. In this context the study of Russia's humanitarian activities targeted at the most vulnerable members of the emigrant community allows to trace the spiritual tradition of social self-organization in the conditions of a deep crisis.

The disabled veterans of the First World War and the Russian Civil War, mostly bedridden, completely blind and unable to work, in need of permanent medical care and treatment, were left without care and means of support. The situation was aggravated by the “squeeze out” policy toward Russian refugees, pursued by a number of Eastern European countries and Turkey in the early and mid-1920s. The only hope for these disadvantaged people was the activity of Russian humanitarian organizations, which resumed their work in exile.

The Russian Red Cross Society, the All-Russian Urban Union, the Foreign Union of Disabled Russian War Veterans and a number of other public organizations managed in a short time to recreate and develop the infrastructure of medical institutions, homes for the disabled and shelters, catering points, hospitals and health resorts providing medical care and charity to the Russian invalids in exile. Thanks to this support, the disabled veterans received care and medical aid, as well as an opportunity to undergo social adaptation and rehabilitation, which ensured their gradual integration into a new society.

The care and aid practices organized for the Russian disabled war veterans abroad reflected both strengths and weaknesses of the Russian emigrant community, on the one hand, setting an example of civil self-organization for the benefit of the disadvantaged, and, on the other hand, spotting those who were ready to capitalize even on the misfortunes and sufferings of their compatriots.

Russian Civil War, Russian emigration, disabled veterans, Russian Red Cross Society, humanitarian activities, charity, charitable organization, social adaptation.

И.В. Маслова

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ СТАХЕЕВЫХ В ЭМИГРАНТСКОМ ХАРБИНЕ

I.V. Maslova

The Stakheyevs' Entrepreneurial Dynasty in Emigrant Harbin

Новые архивные открытия, сделанные в начале XXI в., стимулировали интерес ученых к жизни русского населения в Харбине, его истории и культуре¹.

В статье изучаются некоторые аспекты жизни русских эмигрантов в Харбине на основе материалов личных дел представителей крупной предпринимательской династии Стахеевых. Эти материалы сохранились в Государственном архиве Хабаровского края, в составе фонда Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии.

Стахеевы были выходцами из провинциального купечества Вятской губернии. Они прошли путь от индивидуального торгово-промышленного предпринимательства до семейных торговых домов и далее – до крупнейшего российского концерна Стахеева–Путилова–Батолина. После революции и Гражданской войны, после многих лет жизни в Париже семья учредителя концерна – Ивана Ивановича Стахеева – оказалась в Харбине, где проживало большое количество русских эмигрантов.

* * *

В 1932 г. Харбин вошел в состав марионеточного государства Маньчжоу-Го, созданного Японией на оккупированной территории Северо-Восточного Китая. К выходцам из России японские оккупационные власти относились настороженно, подозревая их в работе на советскую разведку. Но игнорировать столь большую и активную группу населения было невозможно. С целью организации связи между эмигрантами и правительственным аппаратом Маньчжоу-Го в декабре 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Главным направлением его деятельности стал контроль над эмигрантскими организациями, учет выходцев из России и «освещение» их жизни². Несомненно, задачей БРЭМ было и привлечение русских эмигрантов на службу японским властям.

Насколько основательно велся учет эмигрантов, можно понять по графам анкеты «Биографические сведения», который им предлагалось заполнить. Помимо привычных анкетных данных (фамилия, имя, отчество, дата рождения, вероисповедание) требовалось указать псевдоним или сценическое имя (это свидетельствовало о

специфике социального и профессионального состава русских эмигрантов: большой доле представителей мира журналистики, литературы и искусства).

В графе «подданство» у большинства значится безликое «эмигрант».

А далее начиналась настоящая проверка на благонадежность: «Возбуждали ли ходатайство о вступлении в подданство СССР, когда и где?», «Имели ли паспорт СССР?», «Когда перестали пролонгировать паспорт СССР и по какой причине?», «Причина выхода из советского подданства» и т.д. После этого следовало ответить на вопросы о жилищных условиях и составе семьи.

Поскольку Харбин обязан своим рождением Китайско-Восточной железной дороге и многие выходцы из России обслуживали именно ее работу, несколько пунктов анкеты предлагали ответить на вопросы о том, на каких железных дорогах, в какой должности служил анкетиремый и т.д.

Для тех, кто трудился в других сферах, подробно по годам, с 1910 по 1941 гг., следовало указать место службы, должность, размер оклада. Дополнительно следовало указать размер и стоимость имущества, которым владел анкетиремый в Харбине.

Особый раздел анкеты был озаглавлен «Общественно-политические сведения», где анкетиремому предлагалось сообщить сведения, в каких политических, военных, революционных, общественных организациях он состоял, указать размер членских взносов, причину вступления или выхода. При заполнении графы о «политических убеждениях» предлагался широкий выбор различных политических взглядов: монархист, республиканец, либерал, легитимист, демократ, социалист, фашист.

Конечно, маньчжурские власти особенно интересовались военной службой эмигрантов. В анкете требовалось указать воинский чин, места службы, ранения, награды, участие в военных кампаниях, особенно кампаниях мировой и Гражданской войн.

В общей сложности анкетиремому предлагалось заполнить ответы на вопросы 77 граф.

Центральный аппарат БРЭМ состоял из шести отделов и канцелярии. Его местные отделения располагались на крупнейших железнодорожных станциях. К концу декабря 1935 г. в БРЭМ было зарегистрировано уже 163 эмигрантских организации в Маньчжурии: политических – 2, общественных – 27, бывших военных – 18 и других³.

Среди личных дел эмигрантов, сформированных сотрудниками БРЭМ, нашлись три дела представителей династии Стахеевых.

Первые два дела – Стахеевой Ольги Флегонтовны и ее дочери Ольги Ивановны.

Ольга Флегонтовна была супругой Ивана Ивановича Стахеева (1869 – 1919). Она родилась в Москве 26 июня 1889 г. Согласно ан-

кетным данным БРЭМ, в 1906 г. она окончила женскую гимназию в Иваново-Вознесенске.

Сведения о дате заключения брака с Иваном Ивановичем в документах БРЭМ отсутствуют.

В 1905–1910 гг. ее супруг, Иван Иванович Стахеев, являлся ведущей фигурой в делах торговой фирмы своего отца. Однако участие в деятельности семейного торгового дома сдерживало его деловую активность, и он принял решение о выходе из него. В мае 1912 г. между И.И. Стахеевым и П.П. Батолиным был заключен договор о создании торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и К^о». К 1917 г. общий баланс товарищества «И. Стахеев и К^о», которое стало головным обществом концерна Стахеева–Путилова–Батолина превышал сумму 300 млн руб., а если учитывать обороты всех предприятий, связанных с концерном, то, по мнению его организаторов, эта цифра «выражается уже в миллиардах»⁴.

В анкете, заполненной в БРЭМ, Ольга Флегонтовна написала о своей жизни до 1914 г. «нигде не служила, занималась домашним хозяйством»⁵.

Революционные события вынудили семью Стахеевых в 1918 г. переехать из Москвы в Крым. Потеряв в революционной России огромные капиталы, крупные предприятия и недвижимость, Иван Иванович Стахеев примкнул к Белому движению. Он погиб, как сообщала харбинская газета «Заря», «вместе с генералом Алмазовым от рук красных убийц»⁶. Это означает, что он входил в состав военной делегации, направленной генералом А.И. Деникиным к адмиралу А.В. Колчаку. Эту делегацию возглавлял генерал А.Н. Гришин-Алмазов, бывший командующий антибольшевистской Сибирской армией, а затем военный губернатор Одессы, представлявший Добровольческую армию. В Каспийском море пароход «Лейла», на котором плыла делегация, был перехвачен большевистским эсминцем «Карл Либкнехт». Эти трагические события произошли 5 мая 1919 г.

Получив известие о гибели супруга, Ольга Флегонтова уехала во Францию. Она ждала ребенка – дочь, о рождении которой Иван Иванович так и не узнал.

Дочь, родившаяся в Париже 28 ноября 1919 г., назвали Ольгой. Вдвоем с ней Ольга Флегонтовна жила, видимо, на средства, вывезенные из России.

В июне 1936 г. она приехала с дочерью в Харбин, где они остановились в фешенебельной гостинице «Модерн». Цель приезда становится понятной из документов ее личного дела, заведенного в БРЭМ: она встретилась с бывшим компаньоном мужа Батолиным. Согласно донесению, подшитому в личное дело, она профинансировала поездку Батолина в Токио. Они намеревались получить концессию в Маньчжоу-Го при помощи японских финансистов.

Однако Ольга Флегонтовна не учла трудного положения русских

эмигрантов в Харбине, особенно предпринимателей, которые часто становились жертвой и преступников, и полиции.

Жизнь русских эмигрантов в Харбине ярко отразили воспоминания итальянского предпринимателя Амлето Веспа, сотрудничавшего с японской разведкой. Судя по этим воспоминаниям, атмосфера, царившая в Харбине, была чрезвычайно опасной. Похищение людей ради выкупа стало нормой жизни, при этом полиция не только закрывала глаза на эти преступления, но принимала в них участие. Веспа приводит несколько примеров: «Купец Тарасенко был похищен жандармерией и уплатил 15 тысяч долларов, после этого его похитила муниципальная полиция, взяв с него 5 тысяч долларов. Купца Тисменицкого заставили уплатить 15 тысяч долларов. Есюкина – 10 тысяч долларов»⁷.

Подобная же тревожная и опасная обстановка сложилась во Владивостоке, куда хлынул поток беженцев из центральной России уже в 1919 г. Татьяна Петровна Карсон (в девичестве Стахеева) вспоминала: «...Оставаться в городе было опасно: людей, известных, как состоятельные, похищали и грабили бандиты. Похищенных удерживали в городах и требовали за них выкуп. У нас, конечно же, уже не было никаких денег, так как банки в России были национализированы. Остались только мамыны украшения»⁸.

О Харбине 1930-х гг. Веспа пишет: «Харбин, когда-то жизнерадостный город, теперь стал царством ходячей смерти... Может быть, ни в одном другом большом городе жизнь не стала такой ненадежной. Жители Харбина рискуют жизнью, если куда-нибудь отправляются безоружными даже среди белого дня. Нападения грабителей, кражи, убийства и похищения стали обыденным явлением»⁹.

Даже в фешенебельной гостинице «Модерн» Стахеева с дочерью не могли чувствовать себя в безопасности. Хозяин гостиницы Иосиф Каспе был владельцем ювелирного магазина, нескольких драматических театров и кино, председателем правления акционерного общества, то есть человеком весьма состоятельным и влиятельным. Но это не спасло от похищения его собственного сына.

Подробно восстановить жизнь Ольги Флегонтовны Стахеевой по сохранившимся в ее личном деле документам не представляется возможным. Но о трех фактах можно утверждать с большой долей уверенности.

Первый: попытка получить концессию в Мачьжоу-Го провалилась.

Второй: мать и дочь Стахеевы находились под пристальным наблюдением БРЭМ. Подтверждением является донесение агента (подобные документы всегда были анонимными) о дочери – Ольге Ивановне Стахеевой. В нем указывается, что ее мать Ольга Флегонтовна работала вышивальщицей в салоне «Люкс» с заработком 40-50 гоби в месяц (гоби – маньчжурский юань – приравнивался к японской иене)¹⁰.

Третий: материальное положение матери и дочери становилось все хуже. Заполняя анкету БРЭМ, Ольга Флегонтовна в графе «Место работы» указала салон «Люкс», добавив к нему и другие салоны. Видимо, вдова миллионера бралась за различные подработки по вышиванию.

В августе 1936 г. ее 17-летняя дочь Ольга заболела тяжелой формой скарлатины, что вызвало беспокойство владельца и постояльцев гостиницы «Модерн». И Стахеевым пришлось переехать к родственникам, в эмигрантский район Модягоу¹¹. Там располагалось благотворительное общежитие для беженцев, созданное Харбинским комитетом помощи русским беженцам. Для обслуживания общежитий с беженцами комитетом содержался медицинский персонал в составе одного врача и четырех фельдшеров¹². Благодаря этому больная Ольга получала квалифицированную медицинскую помощь, что способствовало ее выздоровлению.

Ольга Ивановна Стахеева в 1935 г. получила во Франции среднее образование. Она в совершенстве владела французским и английским языками. В Харбине, после выздоровления, служила экономкой у датчанина Нельсона и получала 50 гоби в месяц¹³.

Согласно анкетным данным, содержащимся в ее личном деле, до мая 1944 г. Ольга Ивановна жила с матерью в квартире по адресу: ул. Раздельная 5, кв. 14. Эта часть Харбина, находившаяся восточнее китайского района Модягоу, застраивалась с 1907 г. Здесь отводили участки и русским, и китайцам. Границей между двумя поселениями (европейским и китайским) стала улица Раздельная. Со временем территория русского поселения, расширяясь, превратилась в один из самых привлекательных спальных районов Харбина, который русские эмигранты называли «Модяго».

В конце анкеты Ольги Ивановны, которую она заполняла 27 мая 1944 г., после ее подписи, вписано примечание, содержащее оценку анкетируемой, включая ее физическое состояние: «Вид здоровый, ответы положительные, впечатление хорошее»¹⁴. Поэтому совершенно неожиданной воспринимается газетная вырезка от 14 октября 1944 г. с заметкой о ее смерти. В ней сообщалось, что Ольга Ивановна Стахеева после литургии в Свято Алексеевском храме была похоронена на Новом кладбище.

К сожалению, на этом данные о жизни двух женщин, матери и дочери, из рода Стахеевых, в Харбине обрываются. И пока нет возможности установить, как сложилась дальнейшая судьба Ольги Флегонтовны.

* * *

Третье дело, хранящееся в фонде БРЭМ, – Василия Григорьевича Стахеева. Сопоставление различных источников приводит к выводу, что Василий Григорьевич был сыном Григория Васильевича

(1875 – 1925/27) и Варвары Павловны (1876 – 1920) Стахеевых. В марте 1937 г. он собственноручно заполнил анкету в 3-м отделении БРЭМ¹⁵.

Согласно сведениям, Василий Григорьевич Стахеев родился 4 июня 1900 г. в Елабуге.

Уточним, что он был внуком Глафиры Федоровны Стахеевой – крупной благотворительницы, устроительницы Епархиального женского училища в Елабуге. У его родителей было семеро детей: братья Григорий, Федор, Петр и Василий и сестры Мария, Варвара и Анна. О судьбе братьев и сестер Василий Григорьевич сообщает в анкете: «сведений нет с 1929 г., жили в Сибири».

В 1911 г. Василий Григорьевич поступил в Елабужское реальное училище (построено в 1878 г. на благотворительные средства его предка купца И.И. Стахеева). В апреле 1918 г. он успешно окончил училище и поступил «по конкурсу аттестатов» в Петровско-Розумовский сельскохозяйственный институт в Москве.

Гражданская война нарушила образовательные планы Василия, и в июле 1918 г. он вступил в антибольшевистские вооруженные силы, в дальнейшем служил в армии адмирала Колчака. Как сам Василий Григорьевич указал в анкете, он участвовал в военных компаниях и походах в составе Белой гвардии с июля 1918 г. по декабрь 1920 г. Отвечая на вопрос анкеты о членстве в военно-политических организациях, он указал «военно-монархический союз».

Прибыв в Харбин в 1920 г., Василий Григорьевич через год устроился курьером в контору «Воскитрусс». В 1922 г. он предпринял попытку наладить торговлю мануфактурой в Японии. Скорее всего, это торговое предприятие не принесло коммерческого успеха, поэтому через год он вернулся в Харбин. С 1923 по 1933 гг. он сменил несколько мест работы: матрос судоходства КВЖД, заведующий магазином Сунгорийских мельниц, старший приемщик, затем доверенный японской лестной фирмы «Ваки», подрядчик в фирмах М.И. Лютая и Ф.П. Ишинповского. Два последних места работы были так или иначе связаны с КВЖД. К примеру, китаец Михаил Иванович Лютай был искуснейшим печником – кладчиком голландских печей и каминов в Харбине, был крупным подрядчиком КВЖД (подрядчики поставляли различные материалы для дороги или производили какие-либо работы для нее)¹⁶. Лютай до революции бывал в Москве и Санкт-Петербурге, имел много друзей среди русских, которые считали его «совершенно своим». Он и подобные ему китайские предприниматели старались поддержать русских эмигрантов, предоставляя им работу.

Тяжелым для Василия Григорьевича выдался 1933 г. когда он в течение года не мог найти работу. В опубликованном письме его двоюродного дяди Григория Ивановича Стахеева к сыну Борису содержится умозаключение насчет того, почему русским так тяжело найти работу в Харбине: «На Харбин уже надеяться нельзя. Здесь в

спросе лишь военные, а по другим специальностям идут сокращения. Вот Вася Стахеев работал у японцев поделно на линии, получал по 5 иен в сутки; в месячные же не берут и всюду ставят своих, но теперь более месяца без работы он. Вообще на Харбин нужно ставить крест. Народ отсюда уезжает на юг, о чем я тебе писал уже не раз»¹⁷.

Но в 1934 г. Василию Григорьевичу удалось найти постоянную работу служащего Харбинского пароходного синдиката с окладом 73 гоби в месяц. В апреле 1939 г. его перевели с сохранением места на службу в пароходство «Мантецу», где прослужил до апреля 1941 г. и был уволен по сокращению штата. В 1941–1942 гг. он служил в японской транспортной фирме «Кокусай-Унью», которая предоставила суда для дальнейшей транспортировки грузов, доставленных по железным дорогам. Самую большую зарплату (75 гоби) Стахеев стал получать, устроившись охранником в Еврейский народный банк, где работал в 1942–1945 гг.¹⁸

За 25 лет с момента приезда в Харбин Василию Григорьевичу пришлось сменить десять мест работы, причем бывали периоды, когда работы не находилось вовсе. Его «трудовой стаж» показывает, что плачевное материальное положение русских эмигрантов в Харбине было вызвано не столько нежеланием или неумением их выполнять какую-либо работу (ведь среди них были и аристократы, и крупные предприниматели), сколько отсутствием возможности получить работу, не говоря уже о достойном заработке.

Василий Григорьевич состоял в браке с Липой Кришевной Янайт 1895 года рождения. Она была уроженкой Курляндской губернии, латвийская подданная, лютеранского вероисповедания. Прибыла в Харбин с волной беженцев в 1918 г. и работала кельнершей (официанткой) в ресторанах. В 1921 гг. Василий Григорьевич и Липа Кришевна стали жить вместе в гражданском браке. Детей в их семье не было.

Среди родственников, помимо двоюродной тети Ольги Флегонтовна и ее дочери Ольги Ивановны, он указал в анкете двоюродного дядю Григория Ивановича Стахеева, о котором сообщил, что тот проживает в Харбине и перебивается случайными заработками.

Указание адреса проживания Василия Григорьевича (ул. Пинчуан № 21, Частный Затон) позволяет выявить общие условия проживания русских эмигрантов этом районе. Затон – это большой район Харбина, находившийся «за рекой», то есть на левом берегу р. Сунгари. Изначально здесь располагался поселок строителей и людей, работающих в порту на разгрузке барж. С 1899 г. Затон стал активно застраиваться и разделился на две части. Ниже железнодорожного моста по течению реки располагался Казенный Затон, выше – Частный Затон. Последний был весьма respectable районом, в котором преобладали дома и дачи. Это было место отдыха

харбинцев с ресторанами и пляжем, спортивными сооружениями. В 1924 г. в Затоне была построена красивая церковь, посвященная покровителю всех путешественников и плавающих – святителю и чудотворцу Николаю. Василий Григорьевич входил в состав членов приходского совета этой церкви, в обязанности которых наряду с прочими входило заботиться об обеспечении храма всем необходимым для «благолепного совершения богослужений».

* * *

Даже обрывочные сведения о жизни трех представителей династии Стахеевых в условиях харбинской эмиграции дают возможность выделить основные социально-экономические и психологические характеристики, дополняющие и в целом подтверждающие общую историческую картину Русского зарубежья.

Первое появление русских эмигрантов за пределами революционной России следует отнести к 1918 г. При этом в первой волне преобладали женщины и дети, которых главы семейств отправляли «переждать» чрезвычайную ситуацию, возникшую в стране. Но главная масса россиян устремилась за границу после крушения Белого движения в Забайкалье и Приморье в 1922 г. Волна эмигрантов хлынула на территорию Северной Манчжурии.

Особую роль в осуществлении контроля над жизнью русских эмигрантов и деятельности их организаций в Харбине сыграло Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Его делопроизводство оставило нам в наследство большое количество документов, которые являются важнейшим источником для изучения Русского зарубежья на Дальнем Востоке. И это документальное наследие нуждается в дальнейшем изучении.

Эмиграция изменила экономический и социальный статус покинувших страну россиян. Вывезенные деньги и ценности позволяли продержаться незначительное время, а затем следовало искать работу. Учитывая, что заняться привычными видами деятельности российские предприниматели имели возможность далеко не всегда, им приходилось браться за самую разную и низкооплачиваемую работу (в сфере услуг, транспорта, охраны, торговли). Женщины и девушки, оказавшись в чужой стране без кормильцев, зарабатывали рукодельем, частными уроками иностранных языков, нанимались в экономии и официантки. Навыки, формировавшиеся как элемент традиционного внутрисемейного трудового воспитания женщин, приобрели характер жизненно-необходимых.

Смена социально-экономического статуса и бытовой повседневности отражалась не только на физическом, но и на психологическом состоянии эмигрантов. Однако невзирая на трудности, с которыми столкнулись русские эмигранты в Харбине, именно благодаря их деятельности этот город в 1920-е – 1930-е гг. стал культурным

Примечания Notes

¹ *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920 – 1950-е гг.). Хабаровск, 2008; *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011; *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии, 1920 – 1930-е гг. Санкт-Петербург, 2014; *Кротова М.В.* Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 2. С. 749–785.

² *Буржинская И.* Здесь под небом чужим // *Мой университет.* 2012. № 4. С. 125.

³ *Буржинская И.* Здесь под небом чужим // *Мой университет.* 2012. № 4. С. 125.

⁴ К истории концерна И. [Г.] Стахеева // *Исторический архив.* 1957. № 3. С. 168.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45214. Л. 1об.

⁶ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3196. Л. (не пронумерован).

⁷ *Весна А.* Тайный агент Японии. Хабаровск, 1939. С. 117, 118.

⁸ *Карсон Т.* Воспоминания о русской семье. Краснодар, 2009. С. 84.

⁹ *Весна А.* Тайный агент Японии. Хабаровск, 1939. С. 122.

¹⁰ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45214. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. (не пронумерован).

¹² *Лазарева С.И.* Роль Харбинского комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923 – начало 40-х гг. XX в.) // *Известия Восточного института.* 2013. № 1 (21). С. 15.

¹³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3, Д. 45188, Л. 1об.

¹⁴ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45214. Л. 19.

¹⁵ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45179. Л. 3–7об.

¹⁶ *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. Москва, 2003. С. 100.

¹⁷ *Валеев Н.М., Валеева Н.Г.* Елабуга. Харбин. Сидней... Казань, 2007. С. 148.

¹⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45179. Л. 20.

Автор, аннотация, ключевые слова

Маслова Инга Владимировна – докт. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
saveli3@yandex.ru

В статье рассматривается история российской эмиграции в Харбине на основе биографического анализа жизни и деятельности представите-

лей российской предпринимательской династии Стахеевых. В качестве источников использованы ранее неизвестные документы личных дел трех представителей этой династии. Эти личные дела были созданы государственным органом, специально созданным японской оккупационной администрацией для контроля над русскими эмигрантами и русскими эмигрантскими организациями в Маньчжурии.

Представители династии Стахеевых покинули Россию в составе первой и второй волн эмиграции. Их судьбы свидетельствуют о том, что эмиграция изменила экономический и социальный статус россиян, которые были вынуждены покинуть страну. Заняться привычными видами коммерческой деятельности у предпринимателей получалось далеко не всегда. Вывезенные из России деньги и ценности позволяли продержаться незначительное время, а затем следовало искать работу. Им приходилось брать за самую разную и низкооплачиваемую работу в сфере услуг, транспорта, охраны, торговли. Женщины и девушки, оказавшись в чужой стране без кормильцев, зарабатывали рукодельем, частными уроками иностранных языков, нанимались в экономии и официантки. Навыки, сформировавшиеся как элемент традиционного внутрисемейного трудового воспитания женщин, приобрели характер жизненно-необходимых. Резкая смена социально-экономического статуса и повседневности отразилась и на физическом, и на психологическом состоянии эмигрантов.

Маньчжурия, Харбин, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), русская эмиграция, социальная адаптация, повседневность, предпринимательство, род Стахеевых.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Krotova, M.V. Fenomen Kharbina kak polifonichnogo goroda [The Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City.] *Historia provinciae – zhurnal regionalnoy istorii*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 749–785. (In Russian).

2. Lazareva, S.I. Rol Kharbinskogo komiteta pomoshchi russkim bezhentsam v stanovlenii sotsialnoy zashchity russkikh emigrantov v Manchzhurii (1923 – nachalo 40-kh gg. XX v.) [The Harbin Relief Committee to Aid Russian Refugees and its Role in the Development of Social Protection for Russian Emigrants in Manchuria (1923 – early 1940s).] *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2013, no. 1 (21), pp. 10–19. (In Russian).

(Monographs)

3. Aurilene, E.E. Rossiyskaya diaspora v Kitaye (1920 – 1950-e gg.) [The Russian Diaspora in China, 1920 – 1950s.]. Khabarovsk, 2008, 268 p. (In Russian).

4. Kapran, I.K. Povsednevnyaya zhizn russkogo naseleniya Kharbina (konets XIX v. – 50-e gg. XX v.) [The Everyday Life of the Russian Population of Har-

bin (end of the 19th Century – 1950s).]. Vladivostok, 2011, 202 p. (In Russian).

5. Krotova, M.V. SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Manchzhurii (1920 – 1930-e gg.) [The USSR and the Russian Emigration in Manchuria (1920 – 1930s)]. St. Petersburg, 2014, 377 p. (In Russian).

6. Melikhov, G.V. Belyy Kharbin: Seredina 20-kh [The White Harbin: Middle of 1920's]. Moscow, 2003, 438 p. (In Russian).

7. Valeyev, N.M.; Valeyeva, N.G. Elabuga. Kharbin. Sidney... [Yelabuga. Harbin. Sydney...]. Kazan, 2007, 207 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Inga V. Maslova – Doctor of History, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)
saveli3@yandex.ru

The article examines the history of Russian emigration in Harbin through the biographical analysis of the life and entrepreneurship of the Russian entrepreneurial dynasty of the Stakheyevs. The personal records of three representatives of the dynasty were used as original sources. The files were made by an official body which was set up by the Japanese occupation administration to control Russian emigrants and emigrant organizations in Manchuria.

Some members of the Stakheyev clan left Russia with the first and second emigration wave. Their biographical data show that the Russian emigration had to change their economic and social status. It was not common for them to carry on their business activities abroad. The money and valuables they had brought with them could keep them afloat but for a short time. As they searched for work they had to take up various low-paying jobs in service industry, transport, security, and trade. Girls and women, left without a breadwinner, had to earn their living by handicraft, private lessons of foreign languages as well as working as housekeepers and waitresses. Their skills acquired as an element of traditional in-family occupational training proved to be vitally important. A dramatic change in their social and economic status and everyday life affected the emigrants' physical and psychological state.

Manchuria, Harbin, Chinese Eastern railway (CER), Russian emigration, social adaptation, everyday life, entrepreneur, entrepreneurship, Stakheyev clan.

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ

Cultural Memory

A.S. Mironov

ON THE TIME IN RUSSIAN BYLINAS AND ITS AXIOLOGICAL NATURE

А.С. Миронов

О ценностном характере былинной темпоральности

Перевод А.И. Парфенова*

The idea that the epic time is ideal, sacral, and «insular» — as if existing in its own particular universe absolutely distinct from the everyday reality of both the bylina narrator and his audience — is equally shared by different schools of Russian epic studies.

Thus, the followers of the so-called Historical School (L.N. Maykov, V.F. Miller, B.A. Rybakov, M.M. Plisetsky, S.N. Azbelev, V.G. Smolitsky, etc.) argued that Russian bylinas should be treated as mirroring real historical events translated, however, through the images of the abstract «epic epoch». D.S. Likhachev extended some M.M. Bakhtin's principles to Russian heroic songs — the rules which had been previously formulated by the scholar to describe the epic in general (i.e., as distinct from the novel). According to the latter, «an absolute epic distance separates the epic world from contemporary reality, that is, from the time in which the singer (the author and his audience) lives»¹. In this regard, D.S. Likhachev specifies that the past of bylinas is «an ideal “antiquity” with no direct transition to modern times»². The scholar is convinced that «bylina time is closed, and closed as though with a doubly closed character»: «in the first place, epic time itself, which occupies a seemingly “insular position” in Russian history, and is not connected with any transitions to the rest of Russian history, is closed, and in the second place the action of the bylina itself is closed»³. In D.S. Likhachev's view, «time begins in the bylina ... with the start of the story and finishes with the end of the story»⁴.

The Neomythologists (or the Ritualists) are of the opinion that Russian epic poetry should be treated as indicative of archaic magical prac-

* Translated by A.I. Parfenov (Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow region, Russia).

tices with their imagery of the «original time» — the epoch when the «cultural heroes» established rituals and taught people how to use these or those basic technologies. Thus, according to S.U. Nekludov, «the epic epoch — taking into account its isolation — is analogous to the mythological “time before time itself”»⁵. The «nostalgia for the golden age» — the quality about which E.M. Meletinsky writes with regard to Russian bylinas⁶ — is attributed by the Neomythologists to the fact that the mythological time is an «original time», a time when all happened — excuse our tautology — for the first time: «...first appearance of a certain thing is relevant, while all subsequent appearances of this very thing are without such relevance»⁷.

* * *

Nonetheless, anyone familiar with Russian bylinas feels that the time of the epic Prince Vladimir is perceived neither by the narrator nor by his listeners, nor by the very heroes as an «original time». This perception is absolutely impossible. In bylinas, nobody can be considered as the first man or progenitor, as a cultural hero establishing a certain order of things, certain laws, arts, and crafts. Mikula Selyaninovich isn't the first plowman in history, his activity quite ordinary and habitual; moreover, there are a lot of other plowmen around him (this is why the hero doesn't «give» plow to the humankind, but, on the contrary, hides his one behind a brittle-willow bush). Also, Dobrynya Nikitich acts as a serpent-fighter not for the first time: his father Nikita previously played this role. Ilya Muromets encloses his parents' plot, grubs out the stumps, and removes the stones, but it is absolutely impossible to say that this work is done by the hero for the first time in the history of the epic Russia. As for Prince Vladimir, this character neither establishes princely power nor usurps it: he just takes it over trying to preserve the existing order of things. In general, the chronotope of the prince's feast is perceived as a sort of «contemporaneity in the past» precisely because the listener can intuitively understand either the psychology of the characters or the rules of conduct adopted at the court (at one's house, on the battlefield, etc.); there are neither mysteries nor enigmas, nor specific archaic rituals. The spirit of everyday life permeates Novgorodian epic songs to an even larger extent: neither Sadko nor Vasily Buslaev can be regarded as first men, progenitors or cultural heroes.

At first glance, the case of Volkh Vseslavevich is more complex; according to the Neomythologists, this hero invents and then gives to mankind certain technologies (first of all, those of hunt, but also, as it seems, the «much wisdom» — i.e., turnskin knowledge and magic). However, if we carefully reread the variants of the epic song, we will see that the hero doesn't teach his warriors how to hunt: he hunts *for* them using his unique method — his ability to turn into different animals. At that, Volkh Vseslavevich doesn't teach anyone to this practice; it remains his

exclusive knowledge. So, the hero is neither a teacher nor a founder; as rendered in Russian bylinas, he is an individualist, a person unwilling to share his knowledge with anyone. Even assuming that Volkh Vseslavevich teaches his warriors how to hunt (providing certain examples of this trade for them), we'll have to reject such an assumption on the ground that the men already know how to track and kill animals — even if they commit these or those mistakes in practice.

In our view, the formula «original times» (*vremena pervonachalnye*; from Kirsha Danilov's famous collection) highlighted by certain scholars⁸ doesn't merit serious attention. Firstly, we find this formula in the skomorokh song about a man harnessing his own mother and wife to a cart (*The Ancient Russian Poems...*, p. 176); here, the word-combination produces a comical effect (or burlesque) arising from the discrepancy between the low theme and the high style by which this very theme is represented. Secondly, the epithet «original» is applied not to the times of Prince Vladimir, but to the period «When formidable Tsar Ivan Vasilevich / Ascended his throne, began to reign» (*The Ancient Russian Poems...*, p. 171, vv. 3-4), which confirms our opinion that the epic time is open to the features of later epochs.

It is also inconceivable that bylinas (as we know them from the existing records) were performed with certain ritual purposes, including, for example, the healing of illnesses, as it is supposed by those scholars who focus on mythological studies (their opinion based on the postulate of mythological consciousness according to which the narration of a certain object's or phenomenon's «original story» puts this very object or phenomenon in good order). Thus, the bylina about Sadko (or any extracts from it) can't be narrated in order to become rich or to learn how to play the psaltery. Axiological analysis clearly demonstrates that both the wealth and the desire to be the best psalterer act as temptations for the hero, as sources of his future misfortunes; in particular, the Sea Tsar tries to spiritually capture Sadko precisely through these two passions.

According to the Ritualists, the action of folklore is set in the «ritual time», the one «seen by the audience both as a rupture in the worldly, mundane time and a breakthrough into the sacred, eternal time»⁹. However, numerous events of the bylina world cannot be regarded as relating to this temporal category under any circumstances. For example, the image of the knight who rides ridiculously in his saddle because the wandering minstrels «gave him a lot of lashes on the ass» (*Bylinas in 25 vols.*, vol. 2, p. 23, v. 116) — we find this scene in the bylina about the forty wandering minstrels (*sorok kalik*) which absolutely cannot be regarded as a skomorokh song. And not only Alyosha Popovich [in Russian the patronymic Popovich literally means «a son of the priest»] (in respect to whom, it may be theoretically inferred, some epic singers are prejudiced, seeing this character as a representative of the clergy) finds himself in such a situation, but also Dobrynya Nikitich, a hero deeply beloved by all Russian people. The latter gets «two ass-kicks» (*Bylinas in 25 vols.*, vol.

1, p. 373, v. 83) from the travelling knight known as *nakhvalchik* (literally «braggart» or «boaster») after which is seated by him backwards on the charger — once again, all this takes place neither in a skomorokh song nor in a parodic epic, but in the solemn and profound bylina depicting Ilya Muromets's tragic meeting with his own son. In our view, any effort to represent this scene as a vestige of ritual derision is a clear example of forced argumentation.

If the culture of Classical Antiquity — as well as its successor, Western European cultural paradigm — presupposes a strict dichotomy between the sacral and the profane (inter alia, in terms of genres), Russian bylinas organically merge the low and the laughable with the «ascents to those spiritual spheres that may be reached only through numerous efforts, struggle, and suffering»¹⁰. As is well known, the Homeric Odysseus returns home to deal brutally with Penelope's suitors — and this kind of action certainly fits into the category of «sacral time»; but what about the bylina scene in which Dobrynya Nikitich comes back and beats Alyosha Popovich, an unsuccessful fiancé now, with his own psaltery in such a way that «Alyosha's groans were muffled / By these very strikes and blows» (*Bylinas in 25 vols.*, vol. 1, p. 259, vv. 269-270)? This quite realistic, devoid of sublime pathos scene can't be interpreted as presupposing any sacral temporality or sacredness as such — except possibly the sacred feelings of love and mercy which prevent Dobrynya Nikitich (as opposed to the mentioned Homeric personage) from killing his ill-fated love rival.

As can be seen from the above, the artistic time of Russian bylinas doesn't involve any traits of the «original time». It is important to point out that the two temporalities (i.e., the time of bylina action and the time of bylina performance) have something in common: a single system of axiological coordinates equally shared by the heroes and the listeners. In this lies the principle difference between the bylina narration and the mythological narrative discourse, the characters of the latter above the audience's moral judgment, as if «concealed» from its critical gaze by their height and distance.

In the case of Russian folk epics, the general rules according to which the hero should be morally assessed (the rules applicable to the hero himself — as well as to other personages of the bylina world, to the epic singer and his audience) merge the epic time with the temporal reality of everyday life. The listener realizes that the spiritual laws connecting heroes' acts with their consequences are no less relevant today: they work equally in his own mundane time and in the epic Kiev. This understanding joins a flow of time: the present continuous of the epic singer and his listeners emerges as a natural extension of the heroes' epic past. Critically examining the deeds of the epic knights (even committed by his favorite characters), the bylina narrator invites the listeners to acknowledge the relevance of bylina spiritual laws in respect to their own everyday life.

According to M.M. Bakhtin, in the case of epic, «the valorized em-

phasis is not on the future and does not serve the future, no favors are being done it (such favors face an eternity outside time); what is served here is the future memory of a past, a broadening of the world of the absolute past, an enriching of it with new images (at the expense of contemporaneity)»¹¹. However, Russian epic consciousness appreciates not the past per se, but timeless spiritual laws illustrated through the images of the past — the laws equally applicable to any epoch. Therefore, in the case of bylinas, the value emphasis lies not on the past, but rather on the future which may (and should) become an axiological extension of the ancient times.

As for the suggestion that the artistic time of Russian heroic songs should be described as static, it is not confirmed by the analysis of existing bylina records. Quite on the contrary, the favorite plot of Russian folk epics may well be identified as the appearance of an «unexpected» new hero. Among these heroes are Alyosha Popovich and Dobrynya Nikitich, Ilya Muromets and Vasily Buslaev; later on, they are replaced by Mikhaylo Danilovich, Yermak Timofeevich, Duk Stepanovich, and Konstantin Saulevich. We can say that bylinas act as songs about new heroes, that they are permeated with the anticipation of heroic deeds committed by warriors of a new generation — the ones who are successors of Svyatogor, Samson Samoylovich, and other «old» knights.

From our point of view, the idea that «the universe rendered at the beginning [Of Russian bylinas. — A.M.] is perfect and harmonious, completely devoid of any evil»¹² should also be treated as dubious. This observation may be correct in the case of myths or in relation to the folk epics created by hunter-gatherer societies. As for the opening lines of Russian heroic songs, they often picture how the previous order of things is disturbed by the birth of a new knight: thus, the nature trembles with fear when Volkh Vseslavovich is born and, in another bylina, evil forces are terrified upon learning that Dobrynya Nikitich has come into this world. Bylinas usually begin with a certain novelty, which highlights that Russian epic consciousness is focused on the future, on the new models of the universe. The traditional beginning depicting Prince Vladimir's feast is also far from any harmony allegedly intrinsic to the bygone era: the feast is inevitably connected with this or that problem (the Prince is upset or he wants to marry; he has to pay tribute; he has lost Russian knights at cards; he suffers from his Princess's impudent favorite; he is notified about a crop damage or an enemy invasion; he finds out that a certain knight abandoned his knightly mission, etc.). A problem, a new «evil» is inherently a key element of the bylina universe; it is rendered here from the beginning of the plot. Taking this into account, it may be said that any bylina is a song about a «new» time, its opening lines indicating a dramatic transition to the mentioned temporal category.

Indeed, in the case of Russian bylinas, the «absolute past» is broadened by the images of contemporaneity — but not because the epic singer tries both to preserve the memory of the past and to affirm its value. Quite

on the contrary, the memory of the past — in particular, of bygone value systems — is not an end in itself, but should contribute to the listener's moral development, to his personal future.

M.M. Bakhtin wrote that «contemporaneity for its own sake (that is to say, a contemporaneity that makes no claim on future memory) is molded in clay; contemporaneity for the future (for descendants) is molded in marble or bronze»¹³. However, in the case of Russian folk epics, we find a different temporal type — the one not fitting into the dichotomy between the «clay» and the «marble». The target audience of the Russian epic singer includes not «descendants», but those specific people who listen to his songs here and now, all of them with their particular spiritual problems and challenges which may be solved through a correctly designed set of motives. Therefore, bylinas «work» for contemporaneity, their function is to produce a therapeutic effect (and not a memorialization, which is a means, not an end). Consequently, Russian folk epics should be seen neither as the «contemporaneity for its own sake» (like folk lyrical or labor songs) nor as the «contemporaneity for the memory»; they are precisely the «memory for contemporaneity».

According to some modern scholars, the ideas about an «insular», isolated time of Russia folk epics — or, in other words, about an impassable «chronological distance» between the moment of narration and the time of a certain event rendered in bylinas — should be treated as «one of the fundamental and systematically important constants defining the bylina poetics»¹⁴. It is known, however, that Russian epic songs embrace traces of different historical epochs, their action open to the distant past (including the time of the Old Testament: for example, see the bylina about Soloman Tsar [*Bylinas in 25 vols.*, vol. 4, pp. 583-591]) — as well as to later epochs (among them, in particular, the Tsardom of Russia with its capital in Moscow and imperial Saint Petersburg). Thus, the action of the bylina about Ilya Muromets's encounter with *stanichniks* (literally «the inhabitants of stanitsa», possibly Cossacks) begins at once in «the middle of the Moscow Tsardom, / In the middle of the Russian State, / In central Moscow, in the City of Kremlin» (*Arkhangelsk Bylinas...*, vol. 1, part. 1, p. 454). We read that the father of an epic knight (here, Dobrynya Nikitich or Vasily Buslaev is implied) «didn't argue with» the «New Cities» (Veliky Novgorod, literally «great new city») and «didn't contradict» «stone Moscow» (*Bylinas in 25 vols.*, vol. 1, p. 220); that beautiful Apraksiya never was «in holy Russia, in stone Moscow» (*Bylinas in 25 vols.*, vol. 1, p. 551, v. 62) before her marriage to Prince Vladimir. Dunay Ivanovich strolls «from horde to horde, from Moscow to Lithuania» (*Belomorsk Starinas...*, p. 219, v. 75). Returning to Russia, Dobrynya Nikitich asks the nuns he meets about the fate of «stone Moscow» (*Belomorsk Starinas...*, p. 633, v. 53); and the riddle about «stone Moscow» is proposed to Gleb Volodevich by guileful Marinka Kaydalovna (*Belomorsk Starinas...*, p. 356, vv. 149-153). We are of the view that these and similar passages can't be regarded as bylina narrators' mistakes: in terms

of epic consciousness, «the capital city Kiev» and «Mother» Moscow have the same axiological-semantic role.

One might presume that the epic singers of the 19th century mechanically replaced Kiev with Moscow (and vice versa, as, for example, in those historical songs which describe how «the formidable Tsar» (in Russian, *groznyy tsar* (cf. *Ivan Groznyy* [literally «Ivan the Formidable»]), a traditional Russian appellation for Ivan the Terrible) eradicated traitors in Kiev [*Ancient Russian Poems...*, p. 281]). However, in a number of bylina records, Moscow and Kiev are intentionally brought together into a single space-time position: thus, one of A.M. Krukova's epic songs renders the situation in which Ilya Muromets's letters (the «quickly-written labels», *erlytski skoropistsyaty*) «Come quickly to the city of Kiev, / Like to Mother Moscow made of stone» (*Belomorsk Starinas...*, p. 57, vv. 232-233).

«Ministers» (*ministry*) and «generals» (*generaly*) act in the bylinas of the Kievan cycle; here, Prince Vladimir is often mentioned as «Tsar» and his feasts are described as taking place on the banks of the Neva River. Both a boyar's son and a general's son (*eneral'skiy syn*) serve under Ilya Muromets at the heroic outpost (*Bylinas 1938*, p. 90). In the epic Kiev, Duk Stepanovich makes arrangements with Alyosha Popovich «to ride, on our steeds, into the Neva River» (*The Bylinas of Pechora*, p. 87, v. 65), and Ilya Muromets is travelling towards «the capital city Kiev on the Neva River» (*Belomorsk Starinas...*, p. 359, v. 185); passing by «the fine city of Kiev», the aurochs see that the Blessed Virgin Mary «has stepped into the Neva River, the waters up to Her waist» (*Belomorsk Starinas...*, vol. 4, p. 414, v. 26).

The fact that the Neva River is «placed» in Kiev can't be attributed to the poor geographical knowledge: quite the contrary, the epic singer knows perfectly well that, proceeding from Veliky Novgorod (not Kiev) and going down by the Neva River, one can reach the sea and, subsequently, the Holy Land (*Belomorsk Starinas...*, vol. 4, p. 514). The amalgamation of the Russian capitals — «fine» Kiev, «stone» Moscow, and the imperial city on the Neva River — can be regarded neither as a mistake nor as a fortuity, but as an intentionally composite image of the universal — and, consequently, «eternal» — Russian metropolis. Nevertheless, the fact that bylinas include certain details belonging to later historical epochs was interpreted by some epic scholars as artistically extraneous or even as an indication that the epic songs were damaged during their existence in the peasant milieu¹⁵. Affirming the idea that bylinas are focused on the archaic past only, E.V. Pomerantseva underscored the absence of «fundamentally new images» in Russian heroic songs, where, according to the scholar, there are exclusively «new words and new household details»¹⁶. In this regard, E.V. Pomerantseva entered into a controversy with R.S. Lipets who was of the opinion that the continuous process of introducing modern images and notions into traditional bylina plots must be seen as «an artistic principle, and not as a superficial

modernization of the text»¹⁷.

It is natural that bylinas accept neither the phenomena of the Soviet epoch (communes, collective farms, and Komsomol) nor the new types of heroes (Pavlik Morozov, Felix Dzerzhinsky, etc.); but the events of the Soviet history fall well within the logic of the spiritual laws rendered in Russian folk epics. Bylinas include a number of symbolic topoi which may be regarded as relevant to the 20th century, including the one of insurrection (with certain God-defying motifs: see, for example, Ilya Muromets's «revolt» or outrageous deeds committed by Vasily Buslaev) — as well as the metaphorical themes of main heroes' disgrace and «repressions». Thus, the plots about defamed «Ilya Murovlenin» and rejected Solovey Budimirovich were mentioned by F. Kmita-Chernobylsky (with regard to his own experience of a king's disfavor) in his «message of tidings» (vestovaya otpiska) sent to Ostafy Volovich on 5 August 1574 [cited by *Veselovsky 1881, p. 64*]. In the Soviet time, these universal plots could be enriched by new features — the ones selected by the epic singer on the principle of spiritual analogy — if the oral circulation of bylinas weren't brought to an end.

In the case of Russian folk epics, new historical events are rendered neither through the «superficial modernization of the text» (i.e., through the introduction of new words such as «market-place» [*rynok*], «galoshes» [*kaloshi*], «uniform» [*obmundirovanie*], etc. into the heroic songs) nor through the inevitable enculturation of important events taking place in contemporary social life (as it was supposed by E.V. Pomerantseva and R.S. Lipets correspondingly). Epic consciousness selects from new life experience those facts which illustrate the relevance of «eternal» spiritual laws for the audience—we mean, as above, the laws connecting the motivation for a certain heroic deed with its consequences. The functional poetics of Russian bylinas implies that symbolical, universal images of ancient history should be constantly enriched by new, axiologically «covalent» features — the ones mirroring the present and predicting the future.

The bylina plot about Skurla/Kudrevanko/Kalin easily embraces the events separated from each other by more than five centuries of Russian history precisely because it renders a situation which may be designated as axiologically «model» or «standard». According to A.M. Panchenko, this situational type also includes the Battles of Kulikovo, Poltava, and Borodino — the «compulsory» battles emerging, however, as national «moral achievements»¹⁸. The features of different historical events are rendered into epic images on the principle of spiritual analogy (or, in other words, value coordinates' similarity). Thus, performing the bylina about Kalin Tsar, Maria Dmitrievna Krivopolenova associates the Tatar invasion — the one depicted in the epic song — with the events of the Great War, adding, in particular, that Kalin Tsar acted «just like the Germans did in our time» (*Ilya Muromets, p. 467*).

In order to «open» a certain bylina plot to the latest historical realities,

the epic singer intentionally includes into it the features belonging to different nations and cultures; as a result, the central event — in terms of its spiritual meaning — is represented not as historical, but as «metahistorical», i.e., typical and recurring. However, from the times of A.N. Veselovsky, the numerous examples of this literary device were treated by epic scholars as indicative of bylina narrators' «confused geographical knowledge»¹⁹.

Meanwhile, from the epic singer's perspective, the emphasis should be placed not on temporal and geographical coordinates of a certain event, but on its axiological dimension: when these or those events are identical in terms of their axiological nature, the narrator can correlate them regardless time and space differences (even if the latter are especially vast).

Thus, the bylina plot about a handsome, impudent, and extremely rich favorite — the one beloved by the Princess and publicly dishonoring the institution of highest authority — (i.e., Tugarin the Serpent) could be seen as relevant by the contemporaries of A.D. Menshikov and Catherine I — or by the persons living at the times of Andrey Osterman, Ernst Johann von Biron, and Anna Ioannovna.

As it is known, the knights rendered in Russian folk epics often use shotguns and spyglasses. But not only «modernized» objects of knightly life, but also a lot of value-meaningful transitions — or «bridges» — connect the «insular» time of Russian folk epics with other historical epochs: the epic Kiev is attacked either by Lithuanian troops or by «the Poles-Uhlans» (*pany-ulanovya*), or by Kalin Tsar (this character lives in the place called «Elesina Fields» [*Elesina-polya*] (Champs-Élysées) and orders — just like Napoleon did — to organize stables in Orthodox churches). The epic Kiev is connected not only with subsequent historic epochs, but also with Biblical times: thus, proceeding from this city, one can reach the Holy Land and Jerusalem, meeting with Samson the Knight and Soloman Tsar on his way.

The conqueror of Tsargrad Idolishche Poganoye and Ilya Muromets's travel to the Greek Land (in order to liberate this country from the invader) open up before the audience a prophetic perspective, a number of meanings which were relevant, for example, during the Russian military aid to the Balkan Slavs. And when bylina heroes have their chess fights with Bukhar Tsar (Bukhara) these episodes may well be seen as reminiscent of M.D. Skobelev's Asian campaigns.

Among the main heroes connecting bylinas with historical songs is the «junior knight» Yermak Timofeevich who supersedes Kiev warriors as they «grow old». It is no coincidence that Russian people included both the heroic songs about Kiev knights and the historical songs dedicated to Ivan the Terrible, Peter the Great, etc. under the same title, starinas (literally «something old»). In other words, the spiritual laws of Kiev bylinas remain active in the world where Yermak Timofeevich and the brothers Borisovich of Tver live (the latter are known as the killers

of Shchelkan Dudentevich: according to certain historical songs, he was literally «tore apart» by them). Axiologically, the world image proposed by epic consciousness is common to both bylinas and historical songs (and it is not by chance that historical songs were initially designated by scholars as «Moscow bylinas»). This fact rules out the possibility that the time of Kiev and Novgorod heroes is isolated or «insular».

An example of «bridge» providing a kind of reverse transition — from the epic time to the present continuous of the bylina narrator and his audience — may be found in the finale of the heroic song entitled «Vasily Ignatevich and Batyga». Perceiving these lines, the listener as if moves through historical epochs (from «stone» Moscow to Saint Petersburg) — and, simultaneously, through the Russian space (from the south to the north):

There are broad expanses near Kiev,
There are the high Sorochinsk Mountains,
There are churches in stone Moscow,
There is a ringing, a tolling in Novgorod,
Ah, there are fine white loaves in Valday,
Ah, there are dressy lasses in Yaroslavl,
And cheap kisses in the Belozersk part,
And sweet beverages in Petersburg,
There are mosses, bogs down to the blue sea,
There are stony beaches in the north,
There are wide skirts on Pudozh women,
Oak-dyed sarafans on Onega maidens,
There are fat wenches near Lyokshmozero,
Ah, wenches goggled-eyed near Pashozero.

(*Bylinas 1938*, p. 137, vv. 183-196)

S.U. Nekludov makes mistakes in asserting that bylinas — as opposed to folk fairy tales — don't know transitions from the epic era to the present time (and this fact is treated by the scholar as indicative of a connection, maybe genetic, existing between the epic epoch and the mythical «time before time itself»²⁰). Leading his audience from Kiev to the river Onega and the lake Lyokshmozero (and, at the same time, through several historical epochs), the narrator as if highlights that there is a successive connection with the heroic past of Russian bylinas. As the listeners «return» to their own time, the epic singer's tone gradually changes, becoming more pragmatic, even derisive — but we can't find here any sharp opposition between the «sacral» reality of heroic songs and the «profane» nature of everyday life (as is characteristic of folk fairy tales, where the fictitious presence of the narrator at the imaginable feast necessarily implies the accentuated absence of real viands and drinks).

In the finale of the heroic song, the optics of the epic singer changes

gradually, without leaps or gaps — thus, for example, «Petersburg» with its «sweet beverages» could fully belong both to the reality of Russian folk epics (depicting the «green wine» [*zeleno vino*], the «barley beers» [*pivy yachnye*], etc.) and to the listeners' daily life in which they can come to Saint Petersburg to taste the «sweet beverages» themselves. As a result, the audience becomes convinced that the realism of everyday life is naturally connected not only with the choronotopes of Novgorod and «stone» Moscow, but even with the ones of the epic Kiev and the Sorochinsk Mountains.

Asserting that epic consciousness presupposes an unbridgeable gap between the heroic past and everyday life, the scholars sometimes refers to epic singers' remarks allegedly indicative of quantitative distinction separating the former chronological category from the latter — «something wasn't/was previously vs. something isn't/is now»²¹. In our view, the existence of such remarks can be attributed not to the «gap» between the listener's and the hero's chronological dimensions, but to the fundamental distinction demarcating the epic traditional communication from the bylina performance as undertook on the record. Perceiving a certain cultural and axiological «otherness» of the collector, the epic singer tried to «help» him or her by providing brief historical comments; indeed, it is hard to imagine the traditional listener as needed to be elucidated that «there had been archery in the old days» (The Bylinas of the North..., vol. I. № 1, vv. 45-46) or that room had been previously called gridnya (The Bylinas of the North..., vol. I. № 12, v. 39).

Now, one more argument of the Neomythologists should be touched upon: we mean the idea that Russian bylinas preserve such a mythological feature as the hero's constant — or timeless — age (replacing, however, the phase of «knightly childhood»). The proofs for this position include the one that Ilya Muromets's traditional characteristic is «old» (staroy), while Dobrynya Nikitich is often mentioned as «young» or «youthful» (mlad, mladshenok). But the designation «old» is Ilya Muromets's permanent sobriquet, a kind of his «middle name». Every epic singer and every listener knew what it meant to perform a bylina about «the old man», since, except for Ilya Muromets, there were no other «old» knights in Russian heroic songs. There are even variants in which the hero («the old experienced man», star mater chelovek [Archangels Bylinas..., vol. I, pp. 434-435]) is never named — because the audience already understands who he is.

Firstly, the sobriquet «old man» indicates that Ilya Muromets is a chief or «foreman» of all Kiev knights (thus, in Russian peasant families, head of the house was traditionally referred to as «old man» [staroy], while his wife was commonly designated as a «big one» [bolshukha]); moreover, Ilya Muromets is «the Old Cossack», i.e., the forebear of all Russian Cossacks. Secondly, unlike other knights, the hero takes up his knightly mission not in his early youth (as, for example, Volga, Dobrynya Nikitich, Alyosha Popovich, Duk Stepanovich, Vasily Buslaev, Yermak

Timofeevich, and Mikhaylo Danilovich do), but when he is thirty, i.e., at an age when a person cannot be considered as young.

In contrast to Dobrynya Nikitich — the hero who, in front of the audience, passes through his three development stages (boyhood, the «foolish adolescence», and the «mature adolescence») before he is thirty — Ilya Muromets passes through his three ages after his thirty birthday. Conditionally speaking, they are maturity (from the hero's healing to his battle with Sokolnik), active ageing (from the battle with Sokolnik to the confinement to the «deep cellars»), and senility (when the hero is already «swaying in his saddle»). At that, the changes in the character's age are denoted not by formal epithets («young», «old», etc.), but by qualitative shifts in his value center. In other words, any new age presupposes a new state of Ilya Muromets's axiological paradigm; proceeding from his reactions and deeds, the listener feels that the personage has morally developed, changed, grew older.

For example, there is an obvious difference between Ilya Muromets's value center as rendered at the beginning of his knightly mission (when the hero agrees to the adulterous liaison with Svyatogor's wife and even, according to some variants of the bylina, frequently visits her after the death of her husband) — and at the end of his life, when the hero refuses a sexual intimacy with the beautiful princess under the pretext that he often can't «retain urine» [The Onega Bylinas..., p. 312].

It is clear that the hero's value center changes with age, this process relevant to his other weaknesses and passions. Thus, among Ilya Muromets's weaknesses is his propensity to boast before a certain feat is committed (since the hero knows perfectly well that «he can't die on the battlefield» and this awareness sometimes provokes him to commit such a sin). But, throughout the bylina cycle, the hero demonstrates his attitude towards boasting on three occasions. As for maturity («the first age»), he boasts before the battle with Sokolnik (and is almost killed by the latter). In old age («the second age»), the hero receives as a gift from Prince Vladimir a fur coat and, before a victory over Kudrevanko Tsar, boasts that he will drag this foreign ruler by his hair just like he now drags the fur coat given to him by his sovereign (the retribution for this boasting is Ilya Muromets's long-term confinement in «deep cellars»). And finally, we find the hero's value center profoundly transformed at the moment when other knights boast of their victory over the strongest enemy and threaten to «fell» (prirubit) the very powers of heaven. Having passed through the temptation of boasting, Ilya Muromets knows that the ones committing this sin will be inevitably punished:

«You, tumultuous brothers Brodovich,
Brothers Brodovich, Petrovich brothers!
Don't boast about what you can't achieve»

(Arkhangelsk Bylinas..., vol. III, p. 480)

And in another variant:

It's a perilous trick, guys, a great mistake;
Do you think you'll get away with it?

(Belomorsk Starinas..., p. 363)

The example of Dobrynya Nikitich demonstrates how a new status of value center is connected with a true qualitative shift in one's age. Initially, we see the hero as a youth, «playing his rough tricks» in his native Ryazan and, subsequently, leaving the city to serve to Prince Vladimir; this period covers at least nine years («Dobrynushka served as a courtier for three years», etc.). The second age of the hero is his «foolish» adolescence when he falls on evil days entering into a relationship with Marinka Potravnitsa, leaves Kiev to «trample down» the little snakes (the so-called zmeenyski or zmeenyskes), and battles with the Snake for the first time to conclude with her a peace treaty. Finally, his third age is represented through the arduous nine (or twelve) years spent by the hero apart from his family — as well as through his subsequent homecoming upon which Dobrynya Nikitich finds a wedding of his own wife. Let us note that, in this latter plot, the knight — who by then has defeated the Snake, resisted the temptation of «gold, steed, and lechery», and, being faithful to his wife, rejected the love of Prince Vladimir's niece — acts differently than the previous «foolish» Dobrynya Nikitich do; as a consequence, the epic singer never applies this epithet — «foolish» — to the hero as rendered in the concluding song.

The Novgorodian heroes Sadko and Vasily Buslaev pass through two stages in their life. It is no coincidence that there are two bylinas about each of them: in the first ones, we see their adolescence with its boisterous passions (pride and compulsion to be the best in the case of Sadko, pride-cum-willfulness in the case of Vasily Buslaev) and, in the second ones, we learn about their crimes and punishments (with varying outcomes for each character).

Other knights (Mikhaylo Potyk, Duk Stepanovich, Sukhman, Kazarin, Khoten Bludovich, Stavr Godinovich, etc.) are «timeless» in our eyes only because there is only one song about each of them. However, if we assume that Mikhaylo Potyk and the chieftain of the forty wandering minstrels (sorok kalik) is one and the same person, then we also find here two age periods: boisterous adolescence (with its drunkenness and lechery which force the hero even to lie to Prince Vladimir) and maturity (when the chieftain of the forty wandering minstrels overcomes his passion and rejects Princess Apraksiya's indecent proposal).

The commonplace notion — seemingly arising by analogy with the demigods of mythological consciousness — that Russian epic knights are «immortal» enabled certain scholars to correlate them with demons,

ancestral spirits, the undead, etc. Thus, I.Ya. Froyanov and Yu.I. Yudin asserted that Ilya Muromets «is blessed with a personal immortality after his water healing» [Froyanov, Yudin, p. 45]. T.A. Novichkova treated the alleged immortality of Russian epic knights as an evidence of their relation with the ancient «cult of the dead» [Novichkova, p. 6], which the scholar attributed to the Slavs taking into account I.I. Tolstoy and S.M. Tolstaya's views [Tolstoy, Tolstaya, p. 78]. Meanwhile, as was demonstrated by F.M. Selivanov, Russian folk epics do not imply that their heroes are immortal [Selivanov 1976, p. 73]. Even in the case of Ilya Muromets, we can speak only of the fact that the hero «can't die on the battlefield», but is mortal in other situations; as is well known, the knight turns into stone after the Kamsk Battle.

So, in the case of Russian bylinas, we can't find any traces of the «original time» — the temporal category for which the «familiar» time of the epic performance should allegedly be neglected or disregarded. Quite on the contrary, bylinas appear as a pragmatic communicative act implying a dynamic transmission of traditional meanings both to the present and to the future. The past isn't a goal of the epic narration, but just a means, while its true goal is the present continuous of the listeners and — even more so — their future.

In 1991, Russian epic scholar V.I. Kalugin made the following important observation: «the way ancient Russian painting presupposes a reverse perspective ... folk epics presuppose a reverse historical perspective, an “invertedness” through which the events of the 13th–16th centuries are brought to the 10th century, to the “epic time” of Prince Vladimir»²². Indeed, we can assume that both the composition of Orthodox icons and the space-time relations of the bylina universe similarly reflect the worldview of the Russians, their sense of beauty. In the case of ancient Russian icons, reverse perspective as if devalues the foreground, the very position of the spectators, emphasizes their humble role — and once the spectators recognize themselves as «subordinate», «mean», they are immediately «drawn» into the sacral perspective of the iconic image, being thus — so to speak — raptured from their subordinate position, from their everyday life. Or more precisely, the sacral space opens for the viewers, rushes into their world, «encloses» them on all sides — since the «vanishing point» of the parallel lines suddenly turns out to be *behind* the recipients, not in front of them. In that way, the viewers become however minor but real participators — or *co-existors* — of the sacred event depicted in the icon.

Similarly, the «reverse historical perspective» of Russian folk epics — the one focused neither on the «foreground» nor on the listener's mundane experience (but on the events of the distant past which suddenly become near, even unfolding) — «encloses» the audience. However, if the icon «encloses» its viewers through space relations, bylinas act through temporal ones, that is to say spread the axiological structure of the epic time to their listeners, as if compelling them to obey to the ancient, «avital» values — and thus enter into the heroic epoch.

In this sense, the «borders» of Russian antiquity are treated as borders of a specific axiological system, while the time itself is perceived by the listeners as a «field» (or, more correctly, as a flow steadily generated by the bylina performance) of well-structured elements translating a certain axiological worldview. Consequently, the transition from one chronological category to another is experienced by the listener precisely as a personal transition from one value system to another.

Let us add that the necessary condition to «draw» the audience into the epic chronotope is the positioning of plotlines' «vanishing point» «behind» the listener — i.e., in his or her personal everyday space and personal time focused on individual future. As a result, the present time of the audience becomes an organic part of the epic continuum; the listeners as if took their places at Prince Vladimir's table²³ (they sit at the «low» part of the table, but without them the feast would be barren of meaning).

This transposition is possible only if the listeners are ready to admit their own initial state as «low» or «mean», axiologically subordinate — just like a man lessens himself in front of an icon, obeying the laws of the reverse perspective and accepting his «minor» role imposed by these very laws.

* * *

As can be seen from the above, the axiological analysis of Russian folk epics leads us to acknowledge the bylina temporality as a value-bearing phenomenon. The literary device according to which the features of different historical epochs should be accumulated or summed up in the epic song (on the principle of value coordinates' similarity) is typical for the bylina poetics; this device naturally entails that different toponyms can (and should) be included into the same image. Hence, B.N. Putilov's well-known formula («every epic plot arises at the crossing of the coordinates belonging to the reality and the ones belonging to the tradition»²⁴) must be complemented by the third axiological dimension (a certain event may have different coordinates in terms of its «reality» and «tradition», but exclusively through the value identity the texture of different historical events is molded into a single imagery form).

We also come to the conclusion that the borders of the three «time positions»²⁵ belonging to the hero, the narrator, and the listener coincide with the borders of their axiological paradigms. At that, the task of the epic singer is to change the listener's value center demonstrating that the spiritual laws of bylinas (i.e., the cause-and-effect relationships existing between the motivation, the action, and the consequences of this very action) are current not only for the «heroic time», but also for the everyday reality of the audience. The conception according to which the artistic temporality of Russian bylinas is closed and isolated — detached from the moment of narration and, simultaneously, from the time of the

listeners before and after the epic performance — must be recognized as erroneous.

Notes Примечания

¹ *Bakhtin M.M. Epic and Novel (Toward a Methodology for the Study of the Novel) // Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays. Austin; London, 1981. P. 13.*

² *Likhachev D.S. The Epic Time of Byliny // Likhachev D.S. The Poetics of Early Russian Literature. Lanham, 2014. P. 226.*

³ *Likhachev D.S. The Epic Time of Byliny // Likhachev D.S. The Poetics of Early Russian Literature. Lanham, 2014. P. 227.*

⁴ *Likhachev, D.S. The Epic Time of Byliny // Likhachev D.S. The Poetics of Early Russian Literature. Lanham, 2014. P. 227.*

⁵ *Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. Москва, 2015. С. 37, 38.*

⁶ *Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. Москва, 2008. С. 367.*

⁷ *Элиаде М. Аспекты мифа. Москва, 2010. С. 43.*

⁸ *Ткаченко В.В. Время и пространство в «Древних российских стихотворениях» Кирши Данилова // Древняя Русь. Вопросы мидиевистики. 2017. № 2 (68). С. 76–88.*

⁹ *Толстая С.М. Время // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Москва, 1995. С. 124.*

¹⁰ *Сиротинин А.Н. Беседы о русской словесности. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1913. С. 42.*

¹¹ *Bakhtin M.M. Epic and Novel (Toward a Methodology for the Study of the Novel) // Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays. Austin; London, 1981. P. 19.*

¹² *Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. Москва, 2015. С. 39.*

¹³ *Bakhtin M.M. Epic and Novel (Toward a Methodology for the Study of the Novel) // Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays. Austin; London, 1981. P. 19.*

¹⁴ *Игумнов А.Г. Актуальная поэтика былины: Статья 2 // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 5. С. 203.*

¹⁵ *Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. В 3 т. Т. 1. Москва, 1897. С. 18.*

¹⁶ *Померанцева Э.В. Русские былины в конце XIX и в XX в. // Основные проблемы эпоса восточных славян. Москва, 1958. С. 85.*

¹⁷ *Липец Р.С. Былины у промыслового населения русского Севера XIX – начала XX века // Славянский фольклор: Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. Москва, 1951. С. 209.*

¹⁸ *Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Ленинград, 1984. С. 201.*

¹⁹ *Веселовский А.Н. Южно-русские былины. Т. 2. Санкт-Петербург, 1884.*

²⁰ *Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. Москва, 2015. С. 37.*

²¹ *Игумнов А.Г. Актуальная поэтика былины: Статья 2 // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 5. С. 203.*

²² *Калугин В.И. Предисловие // Былины. Москва, 1991. С. 34, 35.*

²³ *Морозов А.А. Марья Дмитриевна Кривополенова: Жизнь и творчество // Кривополенова М.Д. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950. С. 30.*

²⁴ *Путиов Б.Н. Об эпическом подтексте (На материале былин и юнацких песен) // Славянский фольклор. Москва, 1972. С. 3.*

²⁵ *Селиванов Ф.М. К вопросу об изображении времени в былинах // Русский фольклор. Т. 16: Историческая жизнь народной поэзии. Ленинград, 1976. С. 80.*

Author, Abstract, Key words

Arseny S. Mironov – Candidate of Philology, Associate Professor, Rector, Moscow State Institute of Culture (Khimki City, Moscow Region, Russia) arsenymir@yandex.ru.

The subject matter of the given study is both the artistic time of Russian heroic epics and its relationship with the present continuous of traditional bylina narration. Based on the results of bylina axiological analysis, the author criticizes the existing stereotype (produced by M.M. Bakhtin, D.S. Likhachov, and other scholars) according to which the epic time should be described as ideal, sacral, and “insular” (an “original time”) – i.e., as separated from the ordinary time of the epic singer and his audience.

According to the author, Russian folk epics do not imply any features of the sacral “original time”, but absorb traits of different historical epochs into themselves on the principle of identical “spiritual codes”, their temporality essentially open to the present and future of the epic singer and his audience. The convergence between the “ancient” epic time and the “familiar” time of the audience is due to the single system of value coordinates which, in turn, are equally applicable for the assessment of acts committed either by epic knights or listeners themselves. For this reason, the events belonging to different historical periods are rendered in Russian bylinas as subordinate to and comprehended by the universal logic of spiritual laws – the ones immanent to the consciousness of the hero and his traditional audience.

The author concludes that the temporality of Russian folk epics is subjected to the law of “reverse perspective” according to which the past shouldn’t be represented as distant and vague, but, on the contrary, as realistic and near, placed in the foreground of the recipient’s perception, in the field of the present. At that, the necessary condition to “draw” the audience into the epic chronotope is the positioning of plotlines’ “vanishing point” “behind” the listener – i.e., in

his or her personal space and personal time focused on individual future. As a result, the present time of the audience becomes an organic part of the epic continuum, while the “epic knights’ time” is perceived by the listener as a number of well-structured elements translating a certain axiological worldview. The transition from the “familiar” time to the «relevant epic» one is experienced by the listener precisely as a personal transition from one value system to another.

Slavs, Ancient Russia, Medieval Russia, Russian culture, history of culture, epic, bylina, artistic time, chronotope, Mikhail M. Bakhtin, Dmitry S. Likhachev.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Igumnov, A.G. Aktualnaya poetika byliny: Statya 2 [A Relevant Bylina Poetics: Article 2-nd.]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 5, pp. 199–211. (In Russian)

2. Tkachenko, V.V. Vremya i prostranstvo v “Drevnikh rossiyskikh stikhotvoreniyakh” Kirshi Danilova [Time and Space in “Ancient Russian Poems” by Kirsha Danilov.]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*, 2017, no. 2 (68), pp. 76–88. (In Russian)

(Monographs)

3. Bakhtin, M.M. *The Dialogic Imagination: Four Essays*. University of Texas Press, 1981, 434 p. (In English)

4. Eliade, Mircea. *Aspects du mythe*. Gallimard Education, 1988, 250 p. = Eliade, M. *Aspekty mifa* [The Aspects of A Myth.]. Moscow, 2010, 256 p. (In Russian)

5. Likhachev, D.S. *The Poetics of Early Russian Literature*. Lexington Books, 2014, 363 p. (In English)

6. Miller, V.F. *Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti* [Essays on Russian Folklore.]. In 3 vs. Moscow, 1897, vol. 1, 464 p. (In Russian)

7. Neklyudov, S.Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [The Poetics of Epic Narration: Time and Space.]. Moscow, 2015, 214 p. (In Russian)

8. Panchenko, A.M. *Russkaya kultura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture at the Eve of Peter the Great’s Reforms.]. Leningrad, 1984, 205 p. (In Russian)

9. Sirotinin, A.N. *Besedy o russkoy slovesnosti* [The Conversations about Russian Folklore and Literature.]. 3-rd ed. St. Petersburg, 1913, 335 p. (In Russian)

Автор, аннотация, ключевые слова

Миронов Арсений Станиславович – канд. филол. наук, доцент, рек-

тор, Московский государственный институт культуры (Химки, Московская область)

arsenymir@yandex.ru

Предметом исследования является художественное время русского героического эпоса и его соотношенность с настоящим длящимся временем традиционного акта исполнения былины. На основании результатов аксиологического анализа былин автор подвергает критике устоявшееся представление (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев и другие) об идеальном, «островном» эпическом времени («первовремени»), которое якобы отделено от повседневного времени певца и аудитории.

Автор утверждает, что русский эпос не имеет черт сакрального первовремени, более того, по его мнению, былина не только вбирает черты различных исторических эпох на основе тождества «духовного кода» аналогичных событий, но ее темпоральность принципиально открыта настоящему и будущему певца и его аудитории. Сближение «древнего» эпического времени и «фамильярного» времени слушателей обусловлено единством системы ценностных координат, равно приемлемых для оценки поступков былинных богатырей и самих слушателей. По этой причине события разных исторических периодов в былине осмыслены и подчинены универсальной логике духовных законов, имманентных сознанию певца и его традиционной аудитории.

Автор приходит к выводу о том, что темпоральность русского эпоса подчинена закону «обратной перспективы»: «надвинувшиеся» реалистично изображаемые события далекого прошлого помещены на передний план восприятия реципиента, в область настоящего. При этом условием «втягивания» аудитории в хронотоп эпоса является размещение «точки схода» сюжетных линий в личном пространстве слушателя, в его индивидуальном будущем. В результате настоящее время аудитории становится органичной частью эпического времени и пространства, «время богатырей» ощущается слушателем как поток упорядоченных элементов целостной картины мира. Переход от «фамильярного» времени к «актуальному былинному» переживается слушателем именно как личный переход от одной ценностной системы к другой.

Славяне, Древняя Русь, Средневековая Россия, русская культура, история культуры, фольклор, эпос, былина, художественное время, хронотоп, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Landmarks in Human History

О.А. Милевский

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ» ГАВРИИЛА ГЛИКО: ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ ВРЕМЕН ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА III

O.A. Milevskiy

Gavriil Gliko's "Road to Calvary": From the History of Political Exile during the Reign of Alexander III

Изучение истории политической ссылки в нашей стране имеет давние традиции. В советской, да и в большей части постсоветской историографии основное внимание уделялось и уделяется общим проблемам существования института политической ссылки, причем акцент делался и делается на обличении карательной политики царизма и на культурно-просветительской деятельности ссыльных в Сибири¹. Конечно, уделялось внимание и выдающимся представителям революционного лагеря, отбывавшим ссылку, при этом исследователи практически не писали о людях «второго плана», оказавшихся в политическом изгнании.

Представляется, однако, что в сегодняшней историографической ситуации все более оправданным и продуктивным является подхода «персональной истории» для более полного воссоздания истории сибирской политической ссылки, а также для более глубокого понимания того социального и духовного раскола, который в последней трети XIX – начале XX вв. все более явно нарастал во взаимоотношениях самодержавной власти и российского общества².

Целью данной статьи является воссоздание, на основе сохранившихся архивных документов, «ссылочной биографии» практически неизвестного в истории революционного движения «маленького человека» – Гавриила Александровича Глико.

«Крамола» в Одессе

Гавриил Глико, имевший греческое подданство, родился в 1855 г. и проживал в Одессе.

Формирование его личности пришлось на бурлящие пореформенные годы. Одесса переживала тогда время «свободомыслия». Протестными традициями зарекомендовал себя Новороссийский университет, открытый в 1865 г. на базе Решильевского лицея. В начале 1870-х гг. в городе активно действовали и революционные кружки, в частности близкий к «чайковцам» кружок Ф.В. Волховского и кружок И.М. Ковальского. Здесь же в 1875 г. зародилось первое серьезное рабочее сообщество – «Южнороссийский союз рабочих», организованный Е.О. Заславским. В это же время Одесса стала крупной перевалочной базой для доставки из-за границы нелегальной революционной литературы, с которой активно знакомились и местная образованная молодежь. Она же поставляла кадры и в возникающие народнические кружки.

Вся эта кипучая жизнь портового южного города, естественно, не могла не затронуть молодого, горячего и полного сил Глико. Однако нет сведений о том, что он в 1870-е гг. был хоть как-то причастен к противоправительственному движению. Миновала его и череда массовых арестов в связи с делом «О революционной пропаганде в Империи», по которому власти арестовали более 4 тыс. человек³.

Скорее всего, в 1874–1877 гг. Глико был одним из многочисленных сочувствующих пропагандистам-народникам, и если у него в то время и были какие-то контакты с ними, то они не носили системного характера. Возможно на формирование его оппозиционных настроений повлияла ситуация полицейской истерии и массовых арестов участников «хождения в народ», охвативших всю Европейскую Россию. Тем более что на волю нет-нет да просачивались слухи о тюремном произволе над политическими заключенными. И зачастую эти слухи имели вполне реальное наполнение. Так, в различных российских тюрьмах в ходе проводимого дознания по делу «О революционной пропаганде в Империи» (в дальнейшем оно выльется в знаменитый «процесс 193-х») из первоначально привлеченных к следствию 265 человек до начала процесса 43 скончались, 12 покончили с собой и 38 сошли с ума⁴.

К тому же при подготовке «процесса 193-х» в тюрьмах не раз вспыхивали беспорядки, спровоцированные произволом тюремной администрации, в результате чего арестанты подвергались насилию. Напомню, что наиболее вопиющий случай произошел в Доме предварительного заключения в Санкт-Петербурге, когда по приказу столичного градоначальника Ф.Ф. Трепова арестованного студента А.С. Емельянова (Боголюбова) наказали розгами⁵.

Естественно, в такой обстановке оппозиционно настроенная молодежь быстро становилась более радикальной во взглядах и бралась за оружие. Первой ласточкой народнического террора был выстрел 24 января 1878 г. В.И. Засулич в столичного градоначальника Трепова, как раз в отместку за его приказ о телесном наказании Боголюбова. В обстановке усиливающейся конфронтации между

обществом и властью, последняя все чаще прибегала к использованию репрессивных мер, а это, в свою очередь, проявлялось в сворачивании открытых судебных процессов по политическим делам и ужесточении судебных приговоров, вплоть до смертной казни.

Очевидно, серьезное влияние на формирование оппозиционных настроений Глико оказали беспорядки в Одессе, вспыхнувшие 24 июля 1878 г. во время оглашения смертного приговора И.М. Ковальскому (приговор был вынесен за оказанное им вооруженное сопротивление при аресте). Июльские события, сопровождавшиеся стрельбой с обеих сторон и жертвами, привлекли дополнительное внимание центральной власти к этому беспокойному городу. А дальнейшее нарастание террористической активности народников (жертвой которых стал, например, шеф жандармов и сторонник репрессивной линии в отношении революционеров генерал-лейтенант Н.В. Мезенцов), покушение 2 апреля 1879 г. землевольца А.К. Соловьева на Александра II привели к тому, что последовал указ императора от 5 апреля 1879 г.

Согласно указу, в стране были созданы на шесть временных генерал-губернаторств во главе с генерал-губернаторами, наделенными чрезвычайными полномочиями в области карательной политики. Эти полномочия включали: а) высылку в административном порядке всех лиц, чье дальнейшее проживание в данном генерал-губернаторстве могло «считаться вредным для общественного порядка», б) заключение в тюрьму людей, невзирая на их положение и звание, в) полное запрещение или временное закрытие газет и журналов, г) принятие всех мер, какие они сочтут нужными для «поддержания спокойствия и порядка» на территории генерал-губернаторства⁶.

Кроме того, указ давал право генерал-губернаторам предавать военному суду, «когда они признают это необходимым», обвиняемых в любом государственном преступлении⁷.

В итоге в руках генерал-губернаторов было сосредоточено право проведения фактически бесконтрольных карательных мер в административном порядке.

В числе шести временных генерал-губернаторств было создано и Одесское с центром в Одессе. Генерал-губернатором в нее был назначен герой обороны Севастополя Э.И. Тотлебен. Однако реальным проводником политики по усмирению революционного движения стал правитель дел канцелярии генерал-губернатора С.Ф. Панютин, являвшийся «правой рукой генерал-губернатора»⁸.

По инициативе Панютина и при поддержке Тотлебена в городе развернулась настоящая охота на «неблагонадежных». Вот как описывали ее очевидцы: «Во все пребывание мое в Одессе говорили больше о Панютине, чем о Тотлебене, и Панютин был действительно грозой одесситов. Пройдя школу Муравьева-вешателя, он не церемонился с обывателями: одновременно с «процессом 28», окончившемся пятью виселицами, он предпринял коренное очищение

города; сравнивая городскую думу с Парижской коммуной 1871 г., он выхватил несколько человек из служащих, затем пошли аресты учителей, литераторов, студентов, чиновников и рабочих; масса лиц была выслана, и нигде кажется, эти высылки не были так произвольны и возмутительны; кроме того, они совершались с лихорадочной поспешностью, даже без достаточного удостоверения личности, по ошибке ссылались однофамильцы или родственники»⁹.

Как указывают сохранившиеся свидетельства мемуаристов, людей «вагонами отправляли из Одессы» в административную высылку¹⁰.

По данным «Вестника Народной воли», за время с апреля 1879 г. до покушения на Александра II 1 марта 1881 г. только из Киевского, Одесского и Харьковского генерал-губернаторств было выслано в различные уголки России, в том числе и Восточную Сибирь 1 767 человек. Это из общего числа в 2 602 человека, сосланных за 1878–1880 гг., – цифры, официально озвученной министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым¹¹.

Причем наиболее «отличившейся» следует считать именно одесскую генерал-губернаторскую власть. Осенью 1879 г. Тотлебен представил императору записку, в которой сообщал о «значительном уничтожении крамолы». За это 5 октября 1879 г. ему был пожалован титул графа¹².

Жертвами полицейского произвола в Одессе очень часто становились вполне законопослушные подданные. Так, из города была выслана в Восточную Сибирь целая группа служащих Одесской городской управы (делопроизводитель одесской городской управы Гернет и другие), писатель и постоянный сотрудник «Одесских ведомостей» С.Н. Южаков¹³ и уж совсем анекдотично смотрелась высылка – да не куда-нибудь, а в Восточную Сибирь – известного на юге и вполне лояльного власти фельетониста С.Т. Герцо-Виноградского (писал под псевдонимом «Барон Икс») ¹⁴. Бывали и вовсе вопиющие случаи, когда по ошибке высылали однофамильцев или людей, случайно оказавшихся на месте проводимого обыска или ареста¹⁵.

Все эти полицейские мероприятия порождали массовое недовольство в городе. Свидетель тех событий революционер М.Ф. Фроленко вспоминал: «Над городом словно повис густой туман. Всех стал давить кошмар; крик, что так дальше жить нельзя, всюду носился в воздухе. Все насторожились, стали ждать особых выступлений со стороны революционеров. Отдельные личности сами выступали иногда и предлагали себя в помощники»¹⁶. А «Народная воля» возникшая в августе 1879 г. на обломках «Земли и воли», первоначально даже планировала осуществить террористический акт против Панютина¹⁷.

Вообще народовольцы, решительные и, как казалось тогда, неумовимые, использовали Одессу как один из важнейших центров

приложения сил организации. А учитывая ментальность одесситов, все действия «Народной воли» обростали массой слухов, еще более будоражащих горожан. Несомненно, накаленная политическая атмосфера не могла не оказать влияния на горячего, импульсивного и остро реагирующего на любое проявление несправедливости Глико. Поэтому неудивительно, что он оказался втянутым в водоворот революционных событий и вскоре был арестован.

«В места не столь отдаленные»

Дело Глико рассматривалось в Одесском военно-окружном суде 7 мая 1880 г.¹⁸.

В позднейшей официальной полицейской хронике об этом деле писалось как о незначительном и указывалось только, что Одесский военно-окружной суд «рассмотрел дело греческого подданного Гавриила Глико (25 лет), одесского жителя; его обвиняли в пропаганде среди народа. Глико был осужден на ссылку в Сибирь, в места не столь отдаленные»¹⁹. Судя по всему, в деле фигурировал один Глико, из чего явствует, что во время полицейского дознания он проявил твердость и не дал показаний о своих контактах в революционной среде.

Казалось бы, следы этого малозначительного даже по полицейским меркам революционера должны были затеряться на громадных пространствах сибирской ссылки. Но архивный поиск принес свои плоды, и документы Тобольского архива позволили реконструировать повседневную жизнь и борьбу за свои человеческие права Глико в западносибирской ссылке.

Из его статейного списка удалось установить детали его «преступления и наказания»: «За принятие участия в сообществе, стремящимся к ниспровержению, путем насильственных действий, государственного и общественного строя России, выразившимся в распространении печатных сочинений, направленных к возбуждению бунта, против власти верховной и в имени у себя письменных сочинений явно оскорбительных для чести Священной Особы Государя Императора, без распространения таковых, и разрешения на то начальства, лишен всех прав состояния и приговорен к ссылке в Сибирь на поселение в места не столь отдаленные. До отправления его по назначению Глико был помещен в Мценскую политическую тюрьму, а в настоящее время, он, Глико, согласно распоряжению Министра Внутренних дел, ссылается в ведение Генерал-губернатора Западной Сибири»²⁰.

Если опустить в его статейном списке стандартную формулировку в виде грозного «участия в преступном сообществе», которая, судя по статейным спискам других сосланных, использовалась весьма часто, вся реальная его вина заключалась даже не в распространении, а лишь в хранении запрещенной литературы, которую

у него нашли во время обыска. Однако в то время этого оказалось достаточно для ареста и вынесения обвинительного приговора военно-окружного суда. Суть приговора состояла «в лишении всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение в места не столь отдаленные».

После оглашения приговора Глико был доставлен в Мценскую пересыльную тюрьму. В ней он находился с 26 июня по 18 июля 1880 г. Именно из Мценска и началась его ссыльная одиссея. Оттуда он, как и остальные, был направлен в специально оборудованном арестантском вагоне в Москву. В дальнейшем его путь в Сибирь можно реконструировать, опираясь на документы, сохранившиеся в сибирских архивах.

Из Москвы сформированная партия ссыльных на поезде следовала до Нижнего Новгорода. По прибытии в город партия «со станции железной дороги перевозится по ветви железной дороги на парходную пристань контрагента перевозки арестантов, где тотчас же пересаживается из вагонов на арестантскую баржу, своевременно поданную к той пристани»²¹. Далее заключенных перевозили в Пермь на арестантской барже «Тюмень»²².

В Перми партию доставляли под конвоем с пристани на станцию Уральской горнозаводской железной дороги и помещали в арестантский вагон, в котором отправляли до Екатеринбурга. Дальнейший путь партии с Глико лежал до Тюмени. Туда она отправлялась на подводах, законтрактованных для перевозки арестантов. Дабы избежать нежелательных контактов с политическими, «в тот день, в который будет отправляться партия означенных преступников, прочие арестанты не должны пересылаться из Екатеринбурга в Тюмень»²³.

Уже в середине августа Глико оказался в Тюмени, где был помещен, как и остальные, в местный тюремный замок.

С этого времени его судьбой стал распоряжаться Тобольский приказ о ссыльных, созданный в 1822 г. для распределения прибывающих по этапу ссыльных и находившийся в подчинении Тобольского губернатора.

31 августа местом пребывания Глико был избран небольшой уездный (окружной) городок Туринск²⁴. Туда он был доставлен в соответствии с установленным порядком. Для сопровождения политических ссыльных Приказ о ссыльных просил Тобольское губернское жандармское управление прислать унтер-офицеров. Они наделялись особыми правами: все местные власти по первому их требованию должны были оказывать им содействие и выполнять их указания. Конвоиры получали «открытый лист» (с указанием фамилий жандармов и «государственного преступника», а также конечного пункта следования)²⁵.

Выдавали также специальный «путевой лист», куда записывались населенные пункты, через которых везли ссыльного, а также все стоянки и их продолжительность. Кормовых денег на одного по-

литического ссыльного из привилегированных сословий выдавали по 15 коп. в день, на ссыльного их непривилегированных – по 10 коп.²⁶ Так что Глико, как иностранный подданный, вынужден был довольствоваться минимальной суммой.

Наконец, когда конвоиры доставили ссыльного к месту ссылки, он поступил в ведение полицейского исправника и местных жандармских властей. С этого момента власть Приказа о ссыльных над ссыльными оканчивалась²⁷.

Именно таким образом Глико и попал в Туринск, куда следовал, как гласит запись в его статейном списке, «под строгим присмотром, без оков»²⁸. Такая запись сама по себе свидетельствовала о незначительности его преступления.

Туринское «поле борьбы против произвола»

В то время Туринск представлял из себя административный центр Туринского уезда (округа). В городе проживало чуть более 3 тыс. человек.

По прибытии в город Гарвиил Глико нанял небольшой дом. Над вновь прибывшим ссыльным был установлен гласный надзор полиции.

Государство выделяло на содержание одного политического ссыльного из привилегированных сословий 6 руб.: 1 руб. 50 коп. «квартирных» и по 15 коп. в день кормовых. Высланным из непривилегированных сословий полагалось по 3 руб. 30 коп.: 1 руб. 50 коп. «квартирных» и 6 коп. в день «кормовых». Кроме того, дважды в год выдавалось пособие на одежду²⁹.

При бытовом обустройстве Глико было на кого опереться. В городе он застал небольшую, но весьма сплоченную колонию политических ссыльных (Л.А. Иванов, Н.А. Шевелев, Д.Е. Куплевасский, В.И. Татаринчик, И.Р. Попов и других³⁰). Среди них по моральному авторитету и степени влияния на других ссыльных выделялся осужденный по «процессу 50-ти» Лев Андреевич Иванов. Ссылные жили дружно, у них существовала касса взаимопомощи, из которой выплачивались пособия нуждающимся. Действовала также общественная мастерская, где каждый находил занятия ремеслом по душе, а при продаже произведенного товара получал небольшую плату³¹. Душой мастерской был Иванов, славившийся как отменный столяр³².

Досуг ссыльные заполняли чтением и традиционными спорами на общественно-политические темы, не чурались связей с местной молодежью и образованными людьми. Но вся видимая «благопристойность» провинциальной уездной жизни нарушалась ограничительными полицейскими предписаниями, которые начали поступать как раз в это время.

Дело в том, что после взрыва, организованного народовольцами

5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце, для борьбы с революционным подпольем под руководством министра внутренних дел Лорис-Меликова была организована Временная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. На первых порах Лорис-Меликов пошел на некоторые уступки либеральному обществу. Так, был пересмотрен ряд дел о несправедливо высланных в административном порядке. Но при этом для политкаторжан и сосланных по приговору суда режим гласного полицейского надзора и пребывания в ссылке ужесточили.

Причем унижительный, а зачастую и чрезмерный надзор за политическими ссыльными был особенно характерен именно для Тобольской губернии. Влияла на это и обстановка в стране, но, несомненно, многое зависело и от губернской администрации.

В 1878–1886 гг. губернатором Тобольской губернии служил В.А. Лысогорский. После покушения на Александра II он получил предписание главы Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликова: «Ваше превосходительство, имейте обращать самое тщательное внимание на всякий отдельный слух и всякое отдельное нарушение порядка, восстанавливая истину соответствующими объяснениями, и нарушенный порядок принятием надлежащих осторожных мер лично и через лиц вполне надежных и понимающих значение переживаемых Россией дней». В соответствии с этим указанием Лысогорский предпринял меры по усилению бдительности. В одном из распоряжений от 14 июля 1881 г. он прямо указывал: «Полицейские власти и учреждения побудить иметь усиленное наблюдение за всеми вообще прибывающими неизвестными лицами и теми из временных или постоянных жителей, которые навлекают подозрение в неблагонадежности, а равно и за сношениями их»³³.

Подобного рода инструкции падали на благодатную почву, а учитывая низкий культурный уровень чинов уездных жандармских управлений и управлений полиции, не говоря уже о местных полицейских урядниках, низших полицейских чинах, порождали массу поводов для столкновения с ссыльными.

А что уж говорить о Глико, который остро переживал несправедливость и суровость своего приговора и, в силу южного темперамента, не мог с этим смириться. Особенно стесняла и еще более раздражала система гласного полицейского надзора, под которую он попал практически сразу же по водворении в Туринск. В частности, он обязан был, как и все высланные под гласный надзор полиции, ежедневно ходить в полицейское управление и отмечаться у исправника

Именно в это время местные власти начали вводить запреты даже на кратковременные отлучки за город, хотя во многих местах это диктовалось отнюдь не желанием подышать свежим воздухом, а насущной необходимостью обеспечить себя продовольствием (охота, рыбалка, сбор ягод, грибов и трав) и хоть каким-то дополнительным

заработком. Эти запреты очень раздражали ссыльных и порождали в разных местах их конфликты с полицией.

Уездная полиция стала шире проводить поквартирный обход, а по положению жандармы и полицейские могли без всякого предупреждения вторгаться в жилища, занимаемые ссыльными. Это также вызывало недовольство ссыльных.

Вообще, оказавшись в ссылке, «государственные преступники» избирали для себя различные стратегии поведения. Одни из них, обычно мало «провинившиеся» перед властями, смирялись с действительностью и стремились просто выжить, чтобы затем вернуться в Европейскую Россию и начать жизнь с чистого листа. Кто-то замыкался в себе, тяжело переживая свою участь и гибель того дела, которому служил, – это могло вести к депрессии, психическим расстройствам, алкоголизму и самоубийству. Часть ссыльных, имевшая высокий уровень интеллектуального развития и сохранившая интерес к учебе и науке, начинала активно заниматься самообразованием и потом много сделала для изучения Сибири и ее народов, их истории и культуры.

В большинстве своем политические ссыльные ощущали себя пленными, но не сдавшимися. Эта позиция была четко озвучена якутскими ссыльными: «Мы понимаем, что ссылка является тем же полем борьбы против произвола и насилия, как и то, что мы здесь остаемся теми же борцами, что и на воле, только в иных условиях»³⁴. Поэтому противодействие местной администрации, нарушающей их права, стремление уйти из-под действия репрессивного законодательства с помощью побегов рассматривалось ими как вполне допустимые действия. Протесты ссыльных носили как коллективный, так и индивидуальный характер. Индивидуальное сопротивление в условиях ограничения свободы и практически полной зависимости от жандармских и полицейских чинов, конечно, было психологически более трудным делом: ведь человек, каким бы физически крепким и психически стойким он не был, оставался один на один с бездушной карательной машиной государства.

Но именно к такой форме борьбы решился прибегнуть Глико.

Впрочем, и сама обстановка, в которой находились политические ссыльные в Туринске, этому способствовала. Сами они характеризовали Туринск так: «городик невзрачный, но как место ссылки он считался неплохим, только порядки тамошние издавна установились для “политиков” несноснейшие». Местную жандармерию и полицию совсем задержали требованиями не спускать глаз с «государственных преступников», что в силу своего разума та и пыталась делать, множа и порождая конфликты»³⁵.

В такой ситуации неудивительно, что темпераментная натура Глико не могла мириться с такими порядками мириться. И началась его личная «война» с местными полицейскими властями.

Уже в рапортах Туринского уездного (окружного) исправника

(начальника уездной полиции) А.Д. Кочергина от 31 октября и 28 ноября 1880 г. было отмечено, что «государственный преступник» Глико «ведет себя грубо и дерзко, но пока ни в чем предосудительном не замечен»³⁶.

Напряжение в отношениях между Глико и полицией нарастало, что вылилось в первый большой конфликт, вышедший на уровень генерал-губернатора Западной Сибири в феврале 1881 г.

Туринское уездное (окружное) полицейское управление узнало (вероятно, из доноса), что Глико начал готовиться к побегу. Для чего, как явствовало из рапорта жандармского унтер-офицера Алексея Дубинина, «приобрел себе два чистых паспортных бланка с целью скрыться из своего места жительства»³⁷. После получения подобного сообщения 24 февраля в доме Глико в присутствии окружного стряпчего, трех нижних чинов Отдельного корпуса жандармов и понятых был произведен обыск «на предмет отыскания паспортных бланков»³⁸, которые, впрочем, найдены не были. В свою очередь Глико в ответ на подобные действия жандармов и полиции написал прошение на имя генерал-губернатора, в котором жаловался на притеснения с их стороны.

Прошение вызвало служебную реакцию со стороны власти.

В письме Туринскому окружному исправнику Кочергину от 22 сентября 1881 г. Тобольский губернатор Лысогорский поставил перед полицейскими чинами весьма деликатную задачу. Подчеркнув, что «местная полиция должна строго наблюдать за тем, чтобы поднадзорное лицо не только не имело возможности оставить назначенное для него место жительства, но даже временно не отлучалось бы за черту поселения, для чего в инструкции Начальникам полиции предлагаются надлежащие правила (п. 8, 9 и 10)», он напомнил, что, «тем не менее, этой же инструкцией предписывается особая осторожность по наблюдению за преступниками, так, чтобы оно ни в коем случае не было стеснительным или оскорбительным для подчиненного надзору полиции»³⁹.

Далее губернатор, разбирая случай с делом о якобы имеющихся у Глико паспортных бланков и ссылаясь на неясность ситуации, указал исправнику, чтобы он и подчиненные ему полицейские чины «в деле полицейского надзора за известными лицами и вообще в своих отношениях к ним в точности руководствовались вышеупомянутыми и другими установленными на этот предмет правилами». А далее ставил ему на вид за «неполноту в протоколе обыска и постановления Вашего по этому предмету таких данных, по которым можно было бы определить, была ли произведена и в чем именно стояла предварительная проверка полученного Вами сведения»⁴⁰.

Губернатор Лысогорский потребовал от исправника Кочергина «немедленно предоставить объяснительные сведения, с предоставлением фактических доказательств правильности Ваших действий». И при этом предупредил его: «в случае медленности с Вашей сто-

роны в предоставлении означенных сведений за таковыми будет командирован нарочный, с от несением расходов по его отправке на Ваш счет, и кроме того, Вы будете подвергнуты личной ответственности за неисполнение настоящего моего требования»⁴¹.

Жалоба Глико породила бюрократическую переписку между начальством генерал-губернаторства, губернии и уезда, которая привела к служебным выводам в отношении уездного (окружного) исправника. Вероятно, свою долю начальственной выволочки получили все жандармские и полицейские чины уезда (округа).

Однако подобная реакция власти, как показало время, только разожгла страсти с обеих сторон.

В рапорте Тобольскому губернатору от 26 декабря 1881 г. Туринский уездный исправник Кочергин сообщал, что Глико «грубо и дерзко обращается с начальствующими лицами». Видимо, таких рапортов было несколько, в результате чего 13 июня из Тобольска последовало указание сделать «государственному преступнику» Глико «должное внушение, предупредив его при этом, что если он будет продолжать так себя вести, то подвергнется на первый раз переводу на жительство в более отдаленную и худшую местность»⁴².

Однако «должное внушение» не возымело действия, и Глико продолжил игнорировать требование ходить каждый день в полицейское управление и отмечаться у исправника. В результате полицейские ходили к нему домой, чтобы удостовериться в его нахождении на месте, и этим порождались новые столкновения.

Так, 14 декабря 1883 г. при посещении квартиры Глинко стражником полицейского управления Антоном Томиловым произошел очередной конфликт. Томилов так описал его в рапорте исправнику: «Вечером часов в 7 при посещении квартир политических ссыльных и зайдя к Глико я застал его сидящим за столом и закусывающим что-то, который увидев меня сказал: “Не смейте никогда ко мне заходить в комнату, а можете обращаться на кухню, в следующий раз я буду бить за это вам морду”. На, что я не ответил ему, Глико, ни слова и вышел»⁴³.

Очевидно, что вызывающее поведение Глико не было просто единичным актом в состоянии аффекта – это была продуманная система действий политического ссыльного. Эта система была направлена не только на дезавуирование доступными ему способами несправедливого на его взгляд судебного приговора, но и на отрицание самого института административной высылки. Можно предположить, что, стараясь не допускать полицейских в свое жилье, Глико ставил целью максимально возможное сохранение своего «личного пространства», своей «свободы личности».

Вообще для большинства активных борцов с самодержавием, оказавшихся в руках карательного аппарата, который однозначно ими воспринимался как враг, было крайне важным сохранить независимость духа и мысли. Такой поведенческой моделью они явно

демонстрировали власти следующее: нашей плотью вы можете распорядиться, а над нашими мыслью и духом вы не властны. Эту же тактику исповедовал и Глико.

Беспокойный ссыльный, подававший опасный пример остальным, конечно, не мог не беспокоить жандармское и полицейское начальство. Тем более что до этого ими была раскрыта незаконная деятельность Иванова, создавшего среди местной молодежи кружок, куда входили и политические ссыльные и местная интеллигенция⁴⁴. Донесения об этом пошли в Тобольск, и в октябре 1880 г. было принято решение о переводе Иванова еще дальше на север – в Сургут⁴⁵.

Но на смену Иванову группу ссыльных Туринска пополнила другая яркая фигура – М.П. Сквери, земляк Глико по Одессе, осужденного в 1877 г. по делу «Южнороссийского союза рабочих». За отказ принести присягу Александру III его весной 1881 г. перевели из Пельма в Туринск⁴⁶.

В такой ситуации неудивительно желание исправника избавиться хотя бы от одной «буйной головешки». Поэтому-то вслед за инцидентом с полицейским стражником туринский исправник написал ходатайство на имя Тобольского губернатора о переводе Глико «в более отдаленные места, хотя бы в село Пельым»⁴⁷. До поры до времени эта просьба оставалась без «реакции сверху». Однако новое столкновение Глинко с властями не заставило себя долго ждать. Только теперь дело приняло более серьезный оборот.

3 сентября 1884 г. в момент очередного поквартирного обхода полицией политических ссыльных между Г. Глико и все тем же Томиловым произошел очередной конфликт, но теперь уже с применением физического насилия.

Из полицейского рапорта явствовало, что «Глико нанес Томилову удары палкою по лицу в правую щеку и по рукам, но свидетелей при этом не было, так как дело происходило в комнате»⁴⁸. Единственным очевидцем этой стычки оказалась некая неустановленная женщина, находившаяся тогда же в квартире Глико и помешавшая стражнику использовать для защиты шашку⁴⁹.

По этому случаю было начато дознание, в ходе которого местный врач Евдокимов произвел освидетельствование пострадавшего полицейского и вынес заключение, что «повреждения нанесенные полицейскому стражнику Томилову должны быть отнесены к легким»⁵⁰.

Вообще, в попытках защитить свое человеческое достоинство и протестуя против условий ссыльнокааторжного режима революционеры использовали разные формы, в том числе и «оскорбление действием» представителей власти.

В итоге дознания на имя губернатора новым туринским исправником, Д. Навродским, был направлен рапорт, в котором вновь содержалась просьба о его переводе из Туринска «во избежании более серьезных последствий, могущих произойти между стражниками и

Глико, так как он их не редко оскорблял словами, при посещении его квартиры»⁵¹. В отношении же данного дела исправник писал, что «следствие по этому предмету начать нельзя, по неимению свидетелей»⁵².

В данном случае Глико еще повезло: дело ограничилось решением губернатора о переводе ссыльного в более северный городок – Березов (Березово). В постановлении на этот счет, отправленном Березовскому окружному исправнику В.Н. Никитину 26 сентября 1884 г., губернатор Лысогорский указывал: «Признать необходимым состоящего под гласным надзором полиции в г. Туринске, политического ссыльного Гавриила Глико, в виду дерзкого его поведения против полицейских служителей... выслать в город Березов, под гласный же надзор полиции... По прибытии Глико в Березов, водворить его с учреждением строгого гласного надзора полиции, и о времени прибытия его донести установленным порядком»⁵³.

Так ссыльная судьба Г. Глико совершила очередной зигзаг и 16 ноября 1884 г. он был отправлен из Тобольского тюремного замка, куда его перевели из Туринска, в Березовское полицейское управление⁵⁴.

В знаменитом Березове

Березов – старинное и широко известное место русской ссылки – помнил еще семью А.Д. Меньшикова и князей Долгоруких. По данным на 1875 г., в нем проживало 1 888 человек⁵⁵.

Ко времени доставки туда Глико в городке сформировалась небольшая для столь небольшого окружного центра колония «политиков», куда входили Н.А. Короткевич, В.В. Басинский, С.М. Артоболевский, И.А. Гервасий, В.П. Распопин и другие⁵⁶.

Надзор за Глико, уже обретшим репутацию склонного к «ослушанию и неподчинению», был установлен весьма строгий. Согласно правилам надзора, домохозяева, сдающие кров ссыльным, должны были давать полицейскому исправнику, расписку о том, что обязуются доносить о поведении своего квартиранта. В архиве удалось найти такой «документ эпохи» и в отношении Глико: «...Я нижеподписавшийся Березовский мещанин Илья Ильич Падерин дал эту подписку Березовскому полицейскому управлению, в том, что за переведенным ко мне на квартиру Гавриилом Глико обязуюсь исполнять наблюдение... в силу чего если будет мною замечено за ним что-либо противозаконное или он будет иметь продолжительные отлучки доводить до сведения полиции»⁵⁷.

Так Глико оказался и под гласным надзором полиции, и под негласным надзором хозяев дома, где его поселили. Его «личное пространство», которое он так старательно оберегал в Туринске, в Березове уменьшилось. Он всегда был на виду. Это естественно было противно его свободолюбивому характеру и еще более выводило его

из себя.

Учтя печальный для него опыт предыдущих конфликтов и фактически сохранив «неподнадзорной» только сферу мысли и духа, Глико выбрал иную линию протестного поведения. В поэтической форме ее ярко выразил другой народник – поэт и журналист Феликс Волховский:

Пусть я в тюрьме, пускай я связан,
Всё ж остается мне мой смех;
И им я доконаю тех,
Кому веревками обязан!⁵⁸

И Глико стал доверять свои оппозиционные мысли бумаге: в письмах, адресованных на имя родных, он жестко критиковал правительство и его политику, а также высмеивал губернское и окружное начальство, местные полицейские порядки. Хотя он прекрасно знал, что вся почта политических ссыльных просматривается, поскольку, по установленному порядку, сам должен был представлять свои письма исправнику. Возможно, впрочем, именно на это он и рассчитывал и именно к этому стремился. Так или иначе, но окружной исправник Никитин сделал ему предупреждение по поводу «критикования» власти в его письмах. Так Глико получил основание для жалобы губернатору.

После его жалобы, естественно, по поводу его писем возникла бюрократическая переписка между Березовским окружным исправником Никитиным и Тобольским губернатором Лысогорским.

Окружной исправник в рапорте от 4 апреля 1885 г. доносил, что в письмах Глико, которые он представил губернатору, «заключались “суждения” о должностных лицах и оскорбительные выражения и кроме сего в последних из них “суждения” о распоряжениях правительственных властей по “наделу крестьян землею”, а также неясные выражения». Далее исправник отмечал, что «1) лишенному всех прав состояния государственному преступнику Глико... было сделано исправником предостережение, чтобы он в письмах воздерживался от критикования правительственных распоряжений, оскорбления властей от правительства установленных, а также и от политически неясных выражений. 2) что несмотря на предостережение Глико от своих выпадов не воздержался и не подчинившись... написал жалобу Губернатору, которого, он, Глико, как выражено в последнем его письме будет бомбардировать вероятно прошениями. 3) Глико... завел знакомства с государственными преступниками и по видимому сочувствует им; 4) что явно ослушиваясь и не подчиняясь законным требованиям Исправника, Глико тем самым оказывал вредное влияние на других государственных преступников, которым образ действий Глико не может быть неизвестен»⁵⁹.

И в заключении исправник обращался к губернатору с просьбой

«сделать распоряжение о высылке Глико из Березова в с. Кондинское, в котором находится только один поднадзорный и в котором следовательно Глико может быть менее вредным»⁶⁰.

Стремясь всячески обезвредить столь «вредного» ссыльного, окружной исправник Никитин использовал для этого любую возможность, и вскоре подобная представилась.

В квартире, нанимаемой Глико, 25 мая 1885 г. прозвучал выстрел из охотничьего ружья. По этому факту было начато полицейское дознание, о результатах которого было доложено губернатору. Из рапорта исправника следовало, что «Глико объяснил, что он взял ружье для проверки и делал пристрелку... о произведенном выстреле Глико мною назначено следствие с воспрещением ему, Глико, иметь у себя оружие»⁶¹.

Видимо, этот случай и стал последней каплей. Вскоре последовало решение губернатора о переводе Глико подальше в глушь – в село Кондинское, где в то время действительно в одиночестве отбывал ссылку Т.А. Тимошенко⁶².

В далекой северной глуши: Кондинское и Кушеватское

Село, куда Глико перевели летом 1885 г., находилось на территории Березовского округа. Оно было намного меньше Березова: тогда в Кондинском (Нахрачи) насчитывалось всего около 20 дворов. И по неписанному закону незримая черта разделяла село на две половины – «русский конец» и «остяцкий конец».

Надзор за ним и перлюстрация его писем со стороны березовского исправника были неусыпными. Письма тщательно просматривались, и в случае любого сомнения исправник их задерживал и отправлял в канцелярию Тобольского губернатора. Вот один из подобных рапортов: «Государственный преступник Глико письма которого подлежат цензуре... представил мне 11 ноября для просмотра письмо по адресу Одесса, Херсонская губерния Григорию Александровичу Глико... в котором оказались два письма от Глико к отцу и брату. В последнем письме я нашел места, которые по моему мнению не могут быть пропущены по статье циркуляра Вашего от 32 сентября 1882 г. за № 758. На этом основании упомянутое письмо имею честь представить при сем Вашему Превосходительству на рассмотрение»⁶³.

В такой обстановке почти полной интеллектуальной изоляции Глико провел более трех лет, пока ситуация не изменилась. В Кондинское начали поступать новые ссыльные, причем крайне решительно настроенные по отношению к самодержавию. Многие были переведены сюда из Сургута за участие в протесте 1888 г., причиной которого стало еще большее наступление на права ссыльных со стороны нового губернатора, действительного статского советника В.А. Тройницкого, вступившего в эту должность в 1886 г. Прибыв-

шие в Кондинское участники «Сургутского протеста» (а среди них были В.Ф. Казаков, супруги Аверикевы, Я.А. Меримкин, В.Я. Яковлев (Богучарский), А.Т. Водзинский, а также В.А. Померанцев из Березова), несомненно, нашли поддержку у такого «вредного» разрушителя порядков ссылки, коим являлся в глазах властей Глико.

В Кондинском столкновения начались практически сразу же по прибытии туда новых ссыльных. 28 марта 1888 г. Березовскому окружному исправнику его подчиненный доложил о дерзком поведении В. Померанцева⁶⁴. В этом же рапорте был упомянут и Глико. О реакции ссыльного на посещение его жилища сообщалось: «Будучи же у политического ссыльного Глико, перед уходом моим от него он высказал, чтобы я и не думал впредь ходить к нему в квартиру, а то, в крайнем случае будет для меня весьма неприятная встреча с ним при первом же нами его посещении»⁶⁵.

Как видно из полицейских рапортов, Глико особенно близко сошелся с Померанцевым, и в первую очередь их сближало само неприятие гласного полицейского надзора за ссыльными. В обстановке жесткого противостояния между ссыльными и местной администрацией прошла вся весна 1888 г.

Когда все ссыльные уже были распределены по северным деревням, из Министерства внутренних дел пришло распоряжение министра Д.А. Толстого о том, что необходимо возбудить против участников «Сургутского протеста» уголовное дело. Началась новая полоса преследований и перемещений. Особенно быстро ситуация стала развиваться, как только закончилась распутица. Так, в конце мая в села Кондинское и Локосовское отправились жандармы. Проведенные ими обыски не обошлись без стычек с ссыльными, в том числе при участии Глико и Померанцева.

В результате губернатором Тройницким было принято решение об их переводе в еще более отдаленное и малонаселенное сельцо Кушеватское.

О том, сколь «вредными» и «опасными» считали их власти, можно судить по тексту секретного послания губернатора Березовскому окружному исправнику Никитину от 3 июня 1888 г.: «Признавая необходимым состоящих под надзором полиции г. Березова политических ссыльных: Гавриила Глико и Владимира Померанцева в виду дерзкого их поведения по отношению к чинам полиции, ныне же перевести на жительство в с. Кушеватское вверенного вам округа... А так как с водворением Глико и Померанцева в с. Кушеватское количество поднадзорных временно впредь до отправления находящихся увеличится до 5 человек надзор за которыми должен быть более бдителен и строгий, чего конечно нельзя ожидать от одного сельского начальства, я предлагаю Вам Милостивый Государь, одного из находящихся в Вашем ведении надзирателей за политическими ссыльными назначить для улучшения надзора в село Кушеватское»⁶⁶.

Вскоре большую часть ссыльных перевели в другие места, и с середины 1889 г. Глико остался в Кушеватском в одиночестве. Находясь в крошечном населенном пункте, где русские были наперечет среди остяков (хантов), проведя в ссылке уже около девяти лет, он, желая получить хотя бы минимальную свободу передвижения, обратился с прошением на имя губернатора о причислении его к категории государственных крестьян. Эту практику часто применяли политические ссыльные, уже отбывшие большие сроки, для получения некоторой свободы передвижения.

При положительном решении он мог бы воспользоваться правом «избрания места жительства, за исключением столиц и столичных губерний с отдачею на пять лет под надзор полиции»⁶⁷. Однако ответ на его прошение губернатором Тройницким был дан отрицательный с указанием причины, что «для причисления в крестьяне, ему, Глико, на основании статей 731 и 738 Устава о ссыльных следует пробыть в разряде ссыльнопоселенцев 10 лет». И далее особо разъяснялась невозможность «разрешить ему, Глико, разъезды в пределах Сибири и даже по Березовскому округу, в виду его неодобрительного поведения, за которое он переведен первоначально из Туринска в г. Березов, а отсюда в последнее время в село Кушеватское т.к. отлучки ссыльнопоселенцев разрешаются лишь при хорошем поведении»⁶⁸.

Так что никаких отлучек – наоборот, надзор за ним был усилен. Даже доставка ему продовольствия и других необходимых для жизни в этих глухих местах вещей вызывала у местных властей подозрение. Все перепроверялось не считаясь с расстояниями и временем. В этом отношении весьма показателен случай с получением им от приказчика купца Севастьянова «5 мешков крупчатой муки, лодки, 4-х пуда керосина и письма с фотографическими карточками». Казалось бы, ординарное событие для дальних сибирских сел, но оно привело к тому, что полиция направила специальный запрос в заполярный Обдорск (ныне Салехард) и там приказчик Михей Филиппов, доставивший все это, был на эту тему опрошен⁶⁹.

Видимо власти опасались побега со стороны Глико. Эти подозрения казались им вполне оправданными после успешного побега ссыльных народников А.Н. Лебедева и И.И. Лазаревича из Сургута, осуществленного при помощи местных жителей в ночь с 18 на 19 февраля 1888 г. Беглецы успешно достигли Европейской России и доставили сведения о «Сургутском протесте» и произволе властей не только в Россию, но и далее за границу⁷⁰.

Однако время и суровый северный климат делали свое дело, постепенно подтачивая крепкий организм несгибаемого борца с режимом ссылки. Именно в Кушевате Глико стал испытывать серьезные проблемы со здоровьем, связанные с острыми приступами ревматизма, для чего с разрешения местных властей ездил в Березовскую больницу, где пробыл на лечении с 13 января по 31 января 1889 г., а 13 февраля вновь вернулся в Кушеватское.

При этом даже приезд в Березов больных ссыльных из сел Березовского округа вызывало опасения уездной полиции. Связано это было еще и с тем, что приехавшие лечиться ссыльные обращались к властям за содействием в помещении в земскую больницу. При этом, однако, они не очень-то доверяли этой больнице для инородцев и на деле стремились получать медицинскую помощь на дому у своих товарищей, имеющих хотя бы зачатки медицинского образования. Такое положение дел затрудняло надзор над прибывшими на излечение и вызывало опасение, что их приезд будет использован в противоправительственных целях.

Сохранилось убедительное тому свидетельство – рапорт Березовского окружного исправника Никитина Тобольскому губернатору Тройницкому от 31 января 1888 г. В нем он, в частности, писал: «Земские заседатели представляют иногда в полицию одержимых болезнями политических ссыльных, для помещения в единственную в Березове инородческую больницу, но, между тем ссыльные эти, отказываясь от поступления в больницу, находят для себя более удобным пользоваться от болезней через врача на частных квартирах. Вследствие сего и так как некоторые ссыльные могут быть одержимы хроническими болезнями требующим постоянного лечения в течение продолжительного времени, имею честь просить Ваше превосходительство известить можно ли дозволить представленным из округа больным политическим ссыльным пользоваться от болезней в городе на частных квартирах и не следует ли отказавшихся от поступления в больницу ссыльных водворять в места их причислений»⁷¹.

Находясь в Сибири, Глико все же не чувствовал себя полностью оторванным от родных. Семья не оставляла его своей заботой.

Родной брат Григорий Александрович с женой даже решились для встречи с ним на дальнейшее путешествие из Одессы. С разрешения властей 9 августа 1889 г. они прибыли в Кондинское и остановились на квартире политических ссыльных Аверкиевых, туда же на свидание из Кушеватского прибыл и Гавриил Глико.

В это время надзор властей за политическими ссыльными Кондинского был усилен, что явствует из рапорта сельского полицейского урядника Сенилова⁷². В Кондинском Глико оставался до конца октября 1889 г.

«Высылка этапным порядком за границу»

Видимо, приезд брата был связан с тем, что близился десятилетний срок пребывания Глико в ссылке, и семья стремилась как-то согласовать линию поведения для того, чтобы добиться его освобождения. Все же он официально являлся иностранным подданным, и родные не могли не использовать этого факта при обращении к властям. Именно после отъезда брата Глико направил Березовскому

окружному исправнику Никитину прошение о присылке ему копии статейного списка вместе с предписанием Тобольского губернатора от 31 декабря 1883 г. Свою просьбу он объяснял необходимостью получения этих документов для того, чтобы подать ходатайство⁷³. Имелось ввиду ходатайство о причислении его к крестьянам, чтобы в дальнейшем иметь свободу передвижения и выбора места жительства.

Бюрократическая переписка по этому вопросу продолжалась вплоть до 1891 г. В нее, видимо, благодаря активности родных Глико, оказался вовлеченным и Департамент полиции МВД. В результате в феврале 1891 г. Тобольский губернатор получил из Департамента полиции разъяснения по ходатайству Глико. Его фрагмент приведен в секретном распоряжении губернатора Березовскому окружному исправнику В.К. Кондратовичу (назначен в 1890 г.): «...На основании 8 п. VII ст. Всемиловейшего Манифеста 15 мая 1883 г. установленный законом для перечисления ссыльнопоселенцев в крестьяне десятилетний срок может быть сокращен до четырех лет, а по сему... Гавриил Глико... имел бы право, при условии одобрительного поведения, причислиться к крестьянам еще в мае 1884 г., т.е. через четыре года со дня вступления приговора о нем в законную силу». Далее документ гласит: «Принимая во внимание, что Глико как иностранный подданный не может быть причислен к податному состоянию, Департамент полиции находит, что на названное лицо следует распространить действие общего распоряжения Министерства Внутренних Дел, сообщенного мне в отношении от 13 октября 1889 г. за № 3430. В виду изложенного, Департамент полиции просит меня ныне же сделать распоряжение о высылке означенного греческого подданного Гавриила Глико этапным порядком за границу, с воспрещением ему на будущее время возвращаться в пределы России»⁷⁴.

Как видно из данного документа, тобольские губернские власти в силу своей нерасторопности, перестраховки или простого нежелания затянули процесс возвращения Гавриила Глико из Сибири на долгие годы, что весьма ярко иллюстрирует всю неповоротливость полицейского бюрократического аппарата и архаичность сложившегося института политической ссылки.

Но как бы то ни было, спустя более чем десять лет после вынесения приговора полицейская бюрократическая машина закрутилась для Глико в обратном направлении. Уже 16 марта 1891 г. от губернского ревизора поселений было отправлено предписание Березовскому окружному исправнику о немедленной отправке Глико в Тобольск, а смотрителю Тобольского тюремного замка надлежало «по доставлении Глико из Березова, произвести новое сличение его примет, для отправления за границу препроводить в распоряжение Одесского градоначальника»⁷⁵.

В конце документа содержалась интересная приписка, позволяющая судить о том, как поступали власти в отношении высылки

из России иностранных подданных. Она гласила: «В Одессе, как в пересыльном городе, проживает греческий консул, которому Глико и должен быть передан»⁷⁶.

13 апреля Глико был доставлен в Тобольск из Березова, откуда, судя по предписанию, выбыл 1 апреля⁷⁷. Дальнейший путь его лежал в Тюмень, куда он после улаживания всех тюремно-полицейских формальностей был препровожден из Тобольска 11 мая 1891 г. на частном пароходе в сопровождении надзирателя Петра Григорьева. В Тюмени его также ждала местная пересыльная тюрьма. В ней было проведено сличение его примет и далее, как гласит запись в справке, «таковые отправлены вместе с ним в распоряжение Одесского градоначальника»⁷⁸.

В родной Одессе его «тюремно-ссылное хождение по мукам» должно было закончиться передачей из Одесского тюремного замка греческому консулу с целью скорейшей высылки за границу.

Однако даже когда Глико уже наверняка находился за пределами России, бюрократическая переписка по поводу его персоны продолжалась, что лишний раз свидетельствует о медлительности и формализме документооборота по делам политических ссыльных. Так, практически до конца 1891 г. шла переписка в отношении получения сведений о приметах Глико, которые, как явствовало из письма Тобольского губернатора Тройницкого от 14 ноября 1891 г. так и не были доставлены из Тобольского тюремного замка, а между тем их настойчиво требовал Департамент полиции⁷⁹. А по другим вопросам, в том числе о месте пребывания Глико, переписка велась и в октябре 1892 г.⁸⁰

Следы же самого Глико, казалось бы должны были окончательно затеряться в заграничном далеке...

Однако оказалось, что прививка ненависти к существующему в России политическому строю, а немалую роль в этом сыграла и более чем 10-летняя ссылка, большая часть которой прошла в суровых условиях Обского Севера, привела Глико, уже в новой общественно-политической ситуации, в лагерь российской социал-демократии.

Из дошедших до нас воспоминаний известно, что в 1903 г. в типографии РСДРП в Женеве, печатавшей «Искру», в числе наборщиков «работал еще старый эмигрант Глико (грек)»⁸¹.

Так что, оказавшись за границей, он не только не раскаялся в своих «заблуждениях», а напротив, пополнил число участников российского революционного движения на новом этапе его подъема. И представляется, что если в 1880 г. он попал в его ряды скорее случайно, чем осознанно, в силу юношеских увлечений, то выбор его после высылки сначала в Сибирь, а потом за границу был уже вполне зрелым и сознательным.

* * *

Вся «тюремно-ссылное хождение по мукам» Гавриила Глико – свидетельство того, что самодержавие, его карательный аппарат и его карательная политика своими непродуманными действиями и подчас явно несоразмерными совершенным проступкам наказаниями изрядно приумножили число явных и скрытых противников существующего политического строя.

Недальновидность самодержавия, мстительное желание судебных, тюремных, жандармских и полицейских чиновников всех уровней покарать «злоумышленников» как явных, так и только слегка замешанных в противоправительственной деятельности, имела самые пагубные последствия для России, направив ее историческую судьбу по порочному кругу все нарастающего насилия между властью и обществом, куда волей обстоятельств оказались втянутыми и такие люди «второго плана» в революционном движении, как Гавриил Александрович Глико.

Примечания

Notes

¹ Ретунский В.Ф. Государственные преступники: Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992; Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России, 1826 – 1917 гг. Якутск, 1998; Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. Сургут, 2008; Милевский О.А. Политическая ссылка 1860 – 1890-х годов на Тобольский Север: Социокультурный контекст. Тюмень, 2017.

² Мауль В.Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 1 (54). С. 7–17.

³ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. Москва, 1991. С. 77.

⁴ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 158.

⁵ Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Ленинград, 1986. С. 232–243.

⁶ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Москва, 1987. С. 167.

⁷ Троицкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866 – 1882 гг. Москва, 1978. С. 158.

⁸ Фигнер В.Н. Запечатленный труд // Фигнер В.Н. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. Москва, 1932. С. 152.

⁹ Фигнер В.Н. Запечатленный труд // Фигнер В.Н. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. Москва, 1932. С. 187.

¹⁰ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. Москва, 1927. С. 105.

¹¹ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Москва, 1987. С. 211.

¹² Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 231.

¹³ Заполярный Ян. «Бунт» пересыльных политических в красноярской тюрьме (Из воспоминаний бывшего политического ссыльного) // Былое.

1907. № 10. С. 116.

¹⁴ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. Москва, 1927. С. 105.

¹⁵ Заполярный Ян. «Бунт» пересыльных политических в красноярской тюрьме (Из воспоминаний бывшего политического ссыльного) // Былое. 1907. № 10. С. 116–117.

¹⁶ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. Москва, 1927. С. 106.

¹⁷ Фигнер В.Н. Запечатленный труд // Фигнер В.Н. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. Москва, 1932. С. 188.

¹⁸ Троицкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866 – 1882 гг. Москва, 1978. С. 317.

¹⁹ Хроника социалистического движения в России 1878 – 1887 гг.: Официальный отчет. Москва, 1906. С. 134.

²⁰ Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 381–381об.

²¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 964. Л. 17.

²² Там же. Л. 17об.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 478.

²⁵ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 400. Л. 51.

²⁶ Лазарев Е.Е. Моя жизнь. Прага, 1935. С. 269.

²⁷ Устав о ссыльных. Санкт-Петербург, 1876. С. 284.

²⁸ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 400. Л. 382.

²⁹ Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 99.

³⁰ ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 625.

³¹ Ретунский В.Ф. Государственные преступники: Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992. С. 145.

³² Роцевская Л.П. Навечно и еще 10 лет // Урал. 1976. № 1. С. 129.

³³ Сибирские и тобольские губернаторы: Исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 354.

³⁴ Круссер Р.Г. Политическая ссылка и «Сибирская газета» // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142.

³⁵ Майнов И.И. На закате народолюбия (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5-6. С. 41.

³⁶ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 84. Л. 399.

³⁷ Там же. Л. 388.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 388об.

⁴⁰ Там же. Л. 389.

⁴¹ Там же.

⁴² ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 395.

⁴³ Там же. Л. 395об.

⁴⁴ Роцевская Л.П. Навечно и еще 10 лет // Урал. 1976. № 1. С. 129.

⁴⁵ Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 407.

⁴⁶ Деятели революционного движения в России: Вторая половина 1850-х – конец 1890-х гг.: Справочник и электронная база данных: Т. 2. Москва, 2009. С. 506.

⁴⁷ ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 403.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 403об.

⁵⁰ Там же. Л. 406об.

⁵¹ Там же. Л. 405.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Л. 410.

⁵⁴ Там же. Л. 419.

⁵⁵ *Пирожников Г.А.* Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 73.

⁵⁶ Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 400–402.

⁵⁷ ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 493.

⁵⁸ Поэты-демократы 1870 – 1880-х гг. Ленинград, 1968. С. 76.

⁵⁹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 424–425.

⁶⁰ Там же. Л. 425об.

⁶¹ Там же. Л. 498.

⁶² Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 403.

⁶³ ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 499.

⁶⁴ Там же. Л. 438.

⁶⁵ Там же. Л. 438об.

⁶⁶ ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 439, 439об.

⁶⁷ Там же. Л. 70.

⁶⁸ Там же. Л. 70об.

⁶⁹ Там же. Л. 86.

⁷⁰ *Сургутянин.* Сто лет Сургутской ссылки // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 102–103.

⁷¹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 12. Д. 5. Л. 10.

⁷² ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 1. Д. 84. Л. 469.

⁷³ Там же. Л. 473.

⁷⁴ Там же. Л. 477, 477об.

⁷⁵ Там же. Л. 478.

⁷⁶ Там же. Л. 478об.

⁷⁷ Там же. Л. 484.

⁷⁸ Там же. Л. 480.

⁷⁹ Там же. Л. 479.

⁸⁰ Там же. Л. 486.

⁸¹ *Германович Д.А.* Из записной книжки партийного техника // Каторга и ссылка. 1928. № 8-9. С. 38.

Автор, аннотация, ключевые слова

Милевский Олег Анатольевич – докт. ист. наук, профессор, Сургут-

ский государственный педагогический университет (Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ–Югра)
olegmilevsky@mail.ru

В статье на основе ранее не использованных архивных документов восстановлены основные моменты пребывания в сибирской ссылке греческого подданного Гавриила Александровича Глико. Будучи жителем Одессы, он оказался причастен к движению народников в 1880-е гг. Хотя он не принимал активного участия в деятельности какой-то революционной подпольной группы, он был арестован и сослан в Западную Сибирь как государственный преступник.

В судьбе этого «маленького человека» ярко отразился социальный и духовный раскол между самодержавной властью и российским обществом, который в последней трети XIX – начале XX вв. углублялся все сильнее. Изучение повседневной жизни Глико в сибирской ссылке ярко раскрывает деятельность карательного аппарата Российской империи, бюрократический механизм принятия решений центральной и местной власти в отношении «государственных преступников», находящихся в положении политических ссыльных. Особое внимание в статье уделяется выяснению подробностей его борьбы против полицейского надзора за ссыльными и вообще против ужесточения режима политической ссылки в 1880-е гг. Главным мотивом его протестных действий было стремление защитить свое человеческое достоинство.

Автор приходит к выводу, что карательный аппарат самодержавия своими решениями и действиями, часто несоразмерными проступкам людей, сильно приумножили число явных и скрытых противников существующего политического строя. Мстительное стремление судебных, тюремных, жандармских и полицейских чиновников всех уровней покарать «злоумышленников», даже тех, кто не принимал активного участия в противоправительственной деятельности, имело самые пагубные последствия для России. В итоге насилие между властью и обществом нарастало. И в водоворот революционной борьбы против самодержавия помимо своей воли оказались втянутыми и такие «маленькие люди», как греческий подданный Глико.

Самодержавие, генерал-губернаторство, политическая полиция, бюрократия, карательная политика, революционное движение, народничество, политическая ссылка, полицейский надзор, Сибирь, Тобольская губерния, Г.А. Глико.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Maul, V.Ya. Lazar Tenenik na vole i v nevole (sudba krestyanskogo vozhaка “Chigirinskogo zagovora”) [Lazarus Tenenik at Large and in Captivity (The Fate of the Peasant Leader of the “Chigirin Conspiracy”).]. *Vestnik*

(Monographs)

2. Kazaryan, P.L. *Yakutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii, 1826 – 1917 gg.* [Yakutia in the Russian Political Exile System, 1826 – 1917.]. Yakutsk, 1998, 494 p. (In Russian).

3. Milevskiy, O.A. *Politicheskaya sskylka 1860 – 1890-kh godov na Tobolskiy Sever: Sotsiokulturnyy kontekst* [Political Exile to the Tobolsk North from the 1860s to the 1890s: The Socio-Cultural Context.]. Tyumen, 2017, 129 p. (In Russian).

4. Pyatkova, S.G. *Polskaya politicheskaya sskylka v Zapadnyu Sibir poreformennogo perioda* [Polish Political Exile in Western Siberia in the Post-Reform Period.]. Surgut, 2008, 161 p. (In Russian).

5. Retunskiy, V.F. *Gosudarstvennye prestupniki: Stranitsy istorii politicheskoy sskylki v Zauralye* [State Criminals: Pages from the History of Political Exile in the Trans-Urals.]. Surgut, 1992, 206 p. (In Russian).

6. Troitskiy, N.A. *Bezumstvo khrabrykh: Russkie revolyutsionery i karatelnaya politika tsarizma 1866 – 1882 gg.* [The Madness of the Brave: Russian Revolutionaries and Tsarist Punitive Policy, 1866 – 1882.]. Moscow, 1978, 335 p. (In Russian).

7. Troitskiy, N.A. *Krestonostsy sotsializma* [Crusaders for Socialism.]. Saratov, 2002, 370 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Oleg A. Milevskiy – Doctor of History, Professor, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, Russia)
olegmilevsky@mail.ru

The article uses original archival documents to reconstruct major developments in the life of Gavriil A. Gliko, a Greek subject, during his Siberian exile. While living in Odessa, he got involved in Narodniks' movement in the 1880s. Although he never took an active part in any of clandestine revolutionary groups he was arrested and exiled as a state criminal to Western Siberia.

The destiny of this “little man” is a vivid manifestation of a social and spiritual split between Russian autocracy and society which was increasing in the latter third of the 19th and early 20th century. An insight into Gliko's everyday life in his Siberian exile reveals the Russian Empire's punitive policy, the bureaucratic mechanism for decision-making by central and local authorities regarding “state criminals” staying in political exile. The author highlights the details of his struggle against police supervision over political exiles and the tightening of political exile conditions in the 1880s, in general. The key motive for Gliko's protest actions was his intention to protect his human dignity.

The author comes to the conclusion that it was the punitive policies of the

Russian autocracy manifested through its decisions and actions, often incommensurate with people's offenses, that multiplied the number of overt and covert opponents of the existing political system. The judicial, penitentiary, gendarme and police officers at all levels were set to take revenge on and punish “the perpetrators”, even those who were not actively involved in anti-government activities, which was detrimental for Russia. As violence between Russian autocracy and the people mounted, “little men”, such as the Greek subject Gliko, were increasingly drawn into the turmoil of revolutionary struggle against autocracy.

Russian autocracy, General-Governorship, political police, bureaucracy, punitive policy, revolutionary movement, Narodniks, political exile, police supervision, Siberia, Tobolsk Province, Gavriil A. Gliko.

М.В. Грибовский

**НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ГРЕДЕСКУЛ:
ПРОФЕССОР ЭПОХИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ***

M. V. Gribovskiy

**Nikolay Gredeskul:
Professor of the Russian Revolutionary Epoch**

Николай Андреевич Гредескул (1864 – 1941) – представитель дворянского рода молдавского происхождения, чьи предки прибыли в Россию после того, как Дмитрий Кантемир в 1711 г. заключил с Петром I договор, предусматривавший вступление Молдавского княжества в русское подданство. Вследствие этого в начале XVIII в. в Россию переселилось несколько тысяч молдаван, которым предоставлялись земли в Харьковской губернии¹.

В начале XX в., в условиях бурных политических процессов, потомок молдавских переселенцев Н.А. Гредескул был широко известен как юрист, политик, публицист и занимал заметное место в русской общественной жизни. Однако позднее его незаурядная фигура оказалась в тени.

Между тем, биография Н.А. Гредескула и эволюция его взглядов могут служить яркой иллюстрацией общественно-политических процессов, протекавших в России на переломе эпох.

* * *

Николай Андреевич Гредескул родился в 1865 г. на хуторе Свяченый Яр Купянского уезда Харьковской губернии. Он окончил 3-ю Харьковскую гимназию (1883 г.), затем Харьковский университет. Учился он на Естественном отделении Физико-математического факультета, который окончил в 1887 г., а в 1890 г. экстерном сдал экзамены по курсу Юридического факультета.

Из архивных документов известно, что в студенческие годы Николай Гредескул попадал в поле зрения полиции. В 1884 г. он подвергался обыску, так как его имя было обнаружено в записной книжке арестованного студента. Спустя три года его жильё опять обыскивалось при аналогичной ситуации². Однако, для Гредескула оба случая не имели последствиями серьезные неприятности.

В 1891 г. Гредескул был оставлен при университете стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права. Через три года, выдержав магистерские экзамены,

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII в. – начало XX в.)» (проект № 18-18-00121).

он стал приват-доцентом. В число штатных профессоров Гредескул вошел в 1901 г., но, так как докторской диссертации у него защищено не было, он получил должность и.д. экстраординарного профессора по кафедре гражданского права и судопроизводства.

Высшего положения в своей академической карьере Гредескул добился в 1905 г., когда ненадолго занял должность декана Юридического факультета Харьковского университета.

Взгляды Н.А. Гредескула, насколько об этом можно судить по дошедшим до нас источникам, на рубеже веков были близки типичному для университетской среды тех лет антимоноархизму, конституционализму, либерализму.

Сам он писал уже после установления Советской власти, в 1925 г.: «По своим убеждениям я не был тогда ни “революционером”, ни “социалистом”, а только “политическим демократом”, но так как в России было тогда самодержавие и так как было ясно, что сломить это самодержавие можно только революционным на него натиском, то я думал, что “революцию” мы должны не показывать правительству из под полы, как угрозу со стороны черни, а должны выразить ей прямое и открытое сочувствие, поскольку она есть средство также и для наших целей»³.

Эти рассуждения Гредескула в 1925 г. об его отношении к революции, возможно, являлись уже более поздним «додумыванием», но о том, что он не занимал правых, охранительных позиций, можно утверждать со всей определенностью.

На это, в частности, указывает и сочувствие Гредескула студенческому движению.

В 1899 г. во время студенческих беспорядков, будучи приват-доцентом, Гредескул написал весьма резкое и эмоциональное письмо редактору газеты «Южный край», в которой ранее появилась статья с выражением неодобрения в адрес студентов: «Цель этой мерзкой статьи ясна – вам хочется водевиль превратить в тяжелую для молодежи драму». Гредескул заявлял, что газета «дразнит молодежь, вызывает ее на новые выходы, которые, даже когда они справедливы по существу... могут отзываться для молодежи самым печальным образом»⁴.

В газете это письмо не было опубликовано, но стало широко известно, потому что в гектографированном виде распространялось среди студентов.

Помимо этого, по данным Харьковского губернского жандармского управления, в дни протестов Гредескул произнес речь на студенческой сходке, но объяснил это «желанием убедить молодежь в несообразности их движения»⁵.

Впрочем, вряд ли объяснения Гредескула вполне удовлетворили политическую полицию, и после событий 1899 г. он основательно вошел в число «неблагонадежных» лиц.

В Извлечении из всеподданнейшего отчета за 1902 г. о состоянии

Харьковской губернии можно прочесть: «Течения, отрицательно относящиеся к политическому и экономическому строю отечества, нередко исходят от самой профессорской корпорации, а русская национальная и государственная идея представлена в ней недостаточно ярко». Среди тех, на чью деятельность следует обратить особое внимание, назывался и профессор Гредескул⁶.

Открыто о своих симпатиях реформаторскому курсу Гредескул заявил в 1904 г., направив письмо министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому, который, придя на смену убитому В.К. Плеве, сам считался приверженцем либерального курса. Письмо было написано от имени Юридического общества при Харьковском университете и подписано Гредескулом как его председателем.

«Мы, юристы, – говорилось в письме – лучше, чем кто-либо, знаем, что принудительность и сила составляют только внешнюю оболочку права и государства и что внутренняя их сущность заключается во взаимном доверии и согласии управляющих и управляемых. Кто опирается только на физическую силу и пренебрегает внутренним доверием и согласием, тот не поддерживает, а разрушает и право, и государство». В письме содержались приветствие того, что новый министр имеет намерение «довериться гению русского народа и дать ему свободно развернуть могучие крылья своего культурного и общественного творчества» и призыв «дать твердые правовые гарантии свободной деятельности общественных сил»⁷.

Впрочем, многого на своем посту П.Д. Святополку-Мирскому сделать не удалось. Проект реформы Государственного совета, предусматривавший введение в его состав выборных представителей от «общественных учреждений», был в штыки встречен консервативной частью правительства, а с началом революционных событий в январе 1905 г. он подал в отставку с поста министра.

Революция сделала политические процессы и общественные настроения в России более радикальными.

В 1905 г. Гредескул принял активное участие в октябрьских событиях в Харькове, когда группа студентов и прочих горожан забаррикадировалась в здании университета. Он как декан, в числе руководителей университета, выполняя посреднические функции между восставшими и властями, способствовал тому, чтобы конфликт разрешился без кровопролития⁸.

В это же время, в октябре 1905 г., Гредескул стал одним из основателей Конституционно-демократической партии и членом ее Центрального комитета.

Кадетов современники называли «профессорской» партией. А.В. Тыркова-Вильямс, одна из руководителей партии, вспоминала: «Конечно, ЦК это был ареопаг, собрание людей выдающихся, просвещенных, успевших уже проявить себя в той или иной области. Больше всего было юристов, теоретиков и практиков, профессоров и адвокатов. Вопросы права трактовались на наших заседаниях

лучшими его знатоками. У нас был Набоков, двое Гессенов, Иосиф и Владимир, Винавер, Кокошкин, Тесленко, Маклаков, Петражицкий. Многие земцы окончили юридический факультет. Были у нас и профессора истории, философии, социальных наук: Н.И. Кареев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Щепкин, Н.А. Гредескул»⁹.

В 1905 г. Гредескул учредил в Харькове и стал самостоятельно редактировать газету «Мир».

После принятия закона о выборах в Государственную думу (11 декабря 1905 г.) Гредескул был избран одним из выборщиков. Однако в том же месяце газета «Мир» была закрыта, а Гредескул арестован и в 1906 г. в административном порядке выслан на три года в Архангельскую губернию¹⁰.

Совет Харьковского университета дважды принимал решения в поддержку Гредескула, но эти ходатайства ни к чему не приводили.

Если верить фельетону с подписью «Наблюдатель» (1906 г.), оказавшемуся в распоряжении полиции, во время ареста, когда Гредескул еще оставался в Харькове, он был назначен председателем государственной испытательной комиссии по Юридическому факультету в Казанском университете, но по очевидным причинам не смог приступить к выполнению своих обязанностей¹¹.

В судьбе Гредескула участвовал известный юрист М.М. Ковалевский, ходатайствуя перед председателем Совета министров С.Ю. Витте об освобождении харьковского профессора. Сам Ковалевский так описывал встречу с Витте: «Я высказал ему недоумение по поводу того, что за несколько дней до выборов удаляют в административном порядке одного из намеченных кандидатов, и предсказал, что это обстоятельство побудит г. Харьков послать в Думу именно профессора Гредескула. «Какая польза правительству, – заметил я, – создавать “дешевых мучеников”»¹².

Предсказания Ковалевского сбылись. Несмотря на то, что после ареста имя Гредескула из списка выборщиков было исключено, собрание выборщиков единогласно внесло его в списки для голосования, и профессор Гредескул был заочно выбран депутатом от Харькова, после чего получил разрешение вернуться из места высылки и ехать в Санкт-Петербург¹³.

История с арестом и высылкой сделали Гредескула популярной фигурой. Не исключено, что в том числе благодаря этому он стал рядовым депутатом Государственной думы, а вошел в ее президиум и был избран товарищем (заместителем) председателя Думы¹⁴.

О короткой истории I Думы хорошо известно. После ее роспуска Гредескул был среди 180 депутатов, подписавших Выборгское воззвание, содержащее призыв к ненасильственному сопротивлению властям. На этом основании он был арестован, заключен на три месяца в тюрьму и лишен избирательных прав, что поставило точку на его карьере парламентария.

Выйдя из заключения, Гредескул отчасти вернулся к пре-

подаванию, правда, не в Харьковском университете, а в Санкт-Петербургском политехническом институте. При этом, обосновавшись в столице, он больше времени стал уделять общественно-политической и публицистической деятельности.

В 1909 г. Гредескул занимался подготовкой сборника статей «Интеллигенция в России». В письме к П.Н. Милюкову от 31 мая 1909 г. он сообщал лидеру кадетов, что получил согласие на участие в подготовке сборника от К.К. Арсеньева, А.В. Карташева, М.М. Ковалевского, И.И. Петрункевича, Ф.И. Родичева, М.И. Туган-Барановского, А.А. Шахматова и Д.И. Шаховского. «Отказа ни от кого еще не получал. Все выражают большое сочувствие этому делу. Иван Ильич [Петрункевич] отнесся к нему даже с некоторым энтузиазмом»¹⁵.

«Мне кажется, – продолжал Н.А. Гредескул – что наш “сборник” должен быть не только не партийным... но, если хотите, “коалиционным” ответом на вопрос о [месте интеллигенции в современной России]». Именно этими соображениями Гредескул объяснял Милюкову необходимость приглашения М.И. Туган-Барановского как «левого» и А.А. Шахматова как «чистого ученого академика». Помимо этого, речь шла о приглашении В.О. Ключевского как «наиболее авторитетного русского историка»¹⁶.

Сборник статей «Интеллигенция в России» вышел в 1910 г. Правда, без статей А.В. Карташева, Ф.И. Родичева, А.А. Шахматова, Д.И. Шаховского, но со статьей М.А. Славинского «Русская интеллигенция и национальный вопрос».

Сборник в известном смысле можно назвать ответом на вышедший в марте 1909 г. широко известный сборник статей о русской интеллигенции «Вехи». По нашим подсчетам, на 258 страницах сборника «Интеллигенция в России» «Вехи» упоминаются 285 раз. Особенно часто – в статьях Петрункевича «Интеллигенция и “Вехи”: (Вместо предисловия)» (36 раз), Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция» (135 раз) и самого Гредескула «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл» (84 раз).

Эта статья представляет собой критику Гредескулом той оценки роли интеллигенции в Первой русской революции, которая была дана авторами «Вех».

С точки зрения анализа эволюции воззрений Гредескула важно отметить, что в статье 1910 г. он подчеркивал элитарный характер интеллигенции, которая, по его словам, «всегда и всюду “верхний слой” социального духа, его “сливки”, его “цвет”».

Гредескул отмечает, что со времен Новикова и Радищева основное содержание духовных исканий интеллигенции заключалось в мысли о народе как подчиненной массе – в противоположность господствующим классам общества. Миросозерцание русской интеллигенции XVIII–XIX вв. Гредескул сводит к «народолюбию» и даже «народопоклонству».

Пишет он об этом для того, чтобы подойти к критике авторов

«Вех»; полемизирует Гредескул в первую очередь с С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком и П.Б. Струве.

В своей статье Гредескул постарался опровергнуть следующие тезисы авторов «Вех»: русская революция была «интеллигентской»; русская революция ничего не дала; вина за неудачу революции – на интеллигенции.

По убеждению Гредескула, революция (он чаще пользуется понятием «русское освободительное движение») была настолько народной, «что большего в этом отношении и желать не приходится». Это движение «“проникло” всюду, до последней крестьянской избы, и оно “захватило” всех, решительно всех в России».

Рассуждая о поражении революции, он отмечает, что авторы «Вех» провозглашают неудачу русского освободительного движения 1905–1907 гг. только с точки зрения ожиданий, которым свойственно быть завышенными.

Резюмируя, он пишет, что «[народ] создал и поддерживает на своих плечах тысячелетнее Русское государство, и это он своим великим освободительным движением взялся за спасение русской государственности от тех опасностей, в которые вовлек ее чрезмерно зажившийся у нас абсолютизм», и эту задачу в союзе с русской интеллигенцией он решил, уничтожив абсолютизм в 1905 г.¹⁷

Подчеркивая роль «широких народных масс» в историческом процессе, Гредескул занял несколько более левую позицию, чем это было типично для представителей либеральных кругов, к которым он принадлежал.

Тема интеллигенции продолжала занимать Гредескула и в следующие годы.

Так, в марте 1912 г. Гредескул читал в Либаве (Курляндская губерния) официально разрешенную ему публичную лекцию о роли интеллигенции в общественной жизни. В своей речи он, по донесению полиции, в числе прочего, «указал интеллигенции на необходимость “довершения” незаконченного в России государственного строя, чтобы сравнить этот строй с западно-европейским». По этому случаю помощником начальника Курляндского губернского жандармского управления было возбуждено дознание по признакам преступления, предусмотренного статьей 129 Уголовного Уложения (произнесение речи, составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти). Однако, в мае 1912 г. дознание о лекции Гредескула было прекращено за недоказанностью обвинения¹⁸.

В 1910-х гг. позиции Гредескула стали смещаться вправо. Он оказался ближе к октябристам, чем к кадетам. Особенно отчетливо поправление взглядов Гредескула заметно по его трактовке национального вопроса в России, представленной в написанной во время мировой войны брошюре «Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России»¹⁹.

С одной стороны, в брошюре содержатся типичные для либеральной системы взглядов критические замечания о политике русификации народов Российской империи, о притеснении властями национальных движений. Особенно резко Гредескул пишет о еврейском вопросе, отмечая, что его разрешение стоит в России на «примитивной средневековой ступени»²⁰.

С другой стороны, Гредескул признавал роль Российской империи в обретении рядом народов своей государственности. Речь в частности шла о Румынии, Сербии и Болгарии, которые «с помощью России получили свое бытие»²¹.

В брошюре обнаруживается своего рода оправдание Гредескулом антинемецкой кампании, характерной для военного времени: «Мы не можем... не питать сомнений по адресу наших подданных немецкой национальности и даже не принимать против них известных мер предосторожности»²².

Рассуждая о западных окраинах империи, Гредескул утверждал, что гораздо большую опасность для «национальных стремлений» поляков, литовцев, латышей, эстонцев представляет не Россия, а Германия, в случае ее победы и распространения германского влияния на эти территории²³.

Гредескул полагал, что прибалтийским народам бессмысленно претендовать на образование национальных государств. Полякам же он рекомендовал «соединиться всем вместе с обеспечением всех своих национальных прав в пределах... большего и могущественного государства, под общей верховной властью, с общей дипломатией и военной защитой, с общей таможенной чертой и монетной системой». И к этому добавлял, что «наилучшим для поляков решением польского вопроса должно было бы послужить воссоединение Польши на началах государственной автономии в пределах России»²⁴.

Гредескул пришел к выводу: война показала, что «народы, живущие в России, вовсе не ищут выхода из нашего государства» и, что «главное русло современной государственной жизни идет в сторону образования больших государств»²⁵.

На подобные суждения Гредескула, безусловно, оказали влияние события мировой («Великой») войны. Но недалекость его рассуждений 1916 г. не может не броситься в глаза: всего через год с небольшим распадутся три империи – Российская, Австро-Венгерская и Османская, – на месте которых возникнет десяток национальных государств.

После Октябрьской революции Гредескул принял решение остаться в Советской России, несмотря на то, что его супруга, Татьяна Владимировна, вместе с дочерьми эмигрировала и обосновалась в Бессарабии, находившейся под контролем Румынии.

Гредескул принял Советскую власть, которая, по его мнению, встала на защиту национальных интересов России. В этом отноше-

нии он оказался близок «сменовеховцам», но важно подчеркнуть, что соответствующие идеи Гредескул высказал в 1920 г.²⁶, за несколько месяцев до издания в Праге сборника статей «Смена вех».

Наиболее цельно взгляды Гредескула 1920-х гг. на исторический путь России представлены в его книге «Россия прежде и теперь»²⁷.

Эта книга – любопытный документ эпохи. Во введении, подписанном В.А. Десницким (большевистский партийный деятель с дореволюционным стажем, профессор Ленинградского университета), и призванном представить автора широкой аудитории, особо подчеркнуто, что «Н.А. Гредескул решил вопрос о своем “завтра”, об отношении к рабоче-крестьянской власти, можно сказать, на другой день после Октябрьской революции».

Сама книга производит впечатление отречения Гредескула от прежних воззрений и прежнего окружения. Например, вспоминая относительно недавние события августа 1917 г., он с иронией пишет: «Я тогда был правоверным “демократом” и “конституционалистом”»²⁸. Кроме того, он с презрением высказывается о бывшем однопартийце Милюкове, о «Прогрессивном блоке» в Думе²⁹.

С другой стороны, книга изобилует панегириками в адрес вождя большевиков В.И. Ленина: «То, что Ленин является не только одним из великих, но именно одним из величайших, а может быть и самым великим гением всего человечества, это теперь настолько очевидно, что это признают не только его друзья, но и его враги»³⁰. О К. Марксе Гредескул пишет так: «Гений Маркса дал нам разгадку исторического процесса и вручил нам ключ к предстоящему историческому действию»³¹.

В исключительно одобрительных тонах, без грамма критики или сомнений, трактуются Гредескулом переход к нэпу, организация пионерского движения и прочие направления политики партии большевиков.

Главным коллективным антигероем произведения Гредескула выступает старая русская интеллигенция. Гредескул признавал, что многие представители интеллигенции не приняли Октябрь искренне, в силу убеждений, а не по корыстным соображениям³². Но, характеризуя это явление, он неизменно переходит на язвительный, уничижительный тон: «Когда большевики провозгласили: борьба, диктатура, – ни свободы, ни равенства, ни братства, ни демократии, ни всеобщего голосования, до тех пор, пока не одержана полная и окончательная победа над эксплуататорами, – то вся интеллигенция встала на дыбы и неистово завывала: варвары, насильники!»³³. Гредескул пишет о «саботаже», устроенном интеллигенцией, которая «радовалась неудачам Советской власти». При этом эмиграцию он оценивает не иначе, как дезертирство.

В профессиональном отношении Гредескул в 1920-е гг. вернулся к общественной и педагогической деятельности, читал лекции в ленинградских вузах.

После 1930 г. Гредескул отошел от активной деятельности, что, вероятно, было вызвано болезнью. Скончается он в возрасте 76 лет в Ленинграде, перед самым установлением немецкими войсками блокады города.

* * *

Н.А. Гредескул принадлежал к поколению, на время жизни которого выпала необычайная концентрация переломных событий как национального, так и общеисторического значения – революции, войны внешние и гражданская, падения правительств и правителей, распад огромных империй.

Такое время всегда богато на необычные, с крутыми переломами и поворотами, человеческие судьбы. Однако в массовом сознании давно успели сложиться представления о «типичных» жизненных путях людей эпохи революции. Это, например, «судьба революционера», «судьба офицера», «судьба эмигранта», «судьба репрессированного».

Жизненный путь Гредескула к «типичным» отнести сложно. Сложившись к Первой русской революции как общественный деятель либерального толка, в межреволюционный период он то имел тенденцию к полевению, то – к поправению. В свете последнего несколько нелогичным выглядит принятие им без видимых колебаний Октябрьской революции и большевистской власти в России, а затем – уже неизбежное радикальное полевение его публично излагавшихся взглядов.

Следует ли объяснять частую перемену его идейных позиций конъюнктурой? Или идейными исканиями? За неимением серьезных оснований обвинять его в первом, сделаем допущение, что эволюция Гредескула как общественного деятеля была отражением тех мировоззренческих трансформаций, которые переживала Россия на стадии перехода от имперской цивилизации к советской. И именно в этом отношении его жизнь Гредескула представляет значительный интерес для исследователей бурного и противоречивого XX в. в истории России.

Примечания Notes

¹ Пчелов Е.В. Российские дворяне молдавского происхождения // Русин. 2006. № 3 (5). С. 45.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1902 г. Оп. 100. Д. 2087. Л. 1об.

³ Гредескул Н.А. Революционный захват университета в Харькове // Пути революции. 1925. № 3. С. 38.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 297. Л. 2–2об.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1902 г. Оп. 100. Д. 2087. Л. 14.

⁷ ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 612. Л. 1–1 об.

⁸ Гредескул Н.А. Революционный захват университета в Харькове // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 2. Харків, 2010. С. 324–333.

⁹ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Москва, 2007. С. 272.

¹⁰ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 3. Оп. 290. Д. 6. Л. 10об.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1333. Л. 3.

¹² Ковалевский М.М. Моя жизнь // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы). Москва, 2008. С. 87.

¹³ Там же. С. 88.

¹⁴ Члены Государственной Думы (портреты и биографии): Первый созыв: 1906 – 1911 г. Москва, 1906. С. IV.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4146. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2об.–3.

¹⁷ Арсеньев К., Гредескул Н., Ковалевский М., Миллюков П., Овсяннико-Куликовский Д., Петрункевич И., Славинский М., Туган-Барановский М. Интеллигенция в России: Сборник статей. Санкт-Петербург, 1910. С. 8–58.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 209. Д. 498. Л. 3–4.

¹⁹ Гредескул Н.А. Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916.

²⁰ Гредескул Н.А. Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916. С. 51.

²¹ Гредескул Н.А. Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916. С. 26.

²² Гредескул Н.А. Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916. С. 68.

²³ Гредескул Н.А. Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916. С. 58–59.

²⁴ Гредескул Н.А. Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916. С. 27–28.

²⁵ Гредескул Н.А. Россия и ее народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916. С. 28, 68.

²⁶ Гредескул Н. Интеллигенция на переломе // Известия. 1920. 12 июля.

²⁷ Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. Москва; Ленинград, 1926.

²⁸ Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. Москва; Ленинград, 1926. С. 125.

²⁹ Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. Москва; Ленинград, 1926. С. 118.

³⁰ Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. Москва; Ленинград, 1926. С. 141.

³¹ Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. Москва; Ленинград, 1926. С. 144.

³² Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. Москва; Ленинград, 1926. С. 177.

³³ Гредескул Н.А. Россия прежде и теперь. Москва; Ленинград, 1926. С. 174–175.

Автор, аннотация, ключевые слова

Грибовский Михаил Викторович – докт. ист. наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

mgrib@mail2000.ru

В статье рассматривается эволюция общественно-политических взглядов Николая Андреевича Гредескула (1864 – 1941), представителя дворянского рода молдавского происхождения. В России времен революционного кризиса он был известен как профессор университета, юрист, общественный деятель, публицист, депутат I Государственной Думы. Эволюция его общественно-политических воззрений рассматривается во взаимосвязи с его судьбой, а также в контексте политических, революционных и военных событий в России. Главное внимание уделяется критическому анализу его самых важных публицистических работ.

К рубежу XIX–XX вв. Н.А. Гредескул сложился как общественный деятель либерального толка. После Первой русской революции он менял свои общественно-политические взгляды то на более левые, революционные, то на более правые, консервативные. Особенно ярко эти колебания проявились в его трактовках национального вопроса. Новое, более радикальное, полевение взглядов Н.А. Гредескула было вызвано падением самодержавия, поражением Белого движения и окончательным установлением в России власти большевиков. Советскую власть он принял без видимых колебаний, и уже в работах 1920-х гг. высказывал идеи, близкие к большевизму, далекие от тех идей, что были ему присущи накануне и во время Первой русской революции.

Жизнь и публицистика Н.А. Гредескула служат яркой иллюстрацией общественно-политических процессов, протекавших в России в революционную эпоху. Эволюция его общественно-политических взглядов, его публицистические работы отразили те мировоззренческие трансформации, которые переживала русская интеллигенция, особенно университетская профессура, в эпоху революционного перехода от имперской цивилизации к советской.

Первая русская революция, Первая мировая война, Государственная дума, интеллигенция, профессура, общественное движение, публицистика, либерализм, национальный вопрос, еврейский вопрос, Н.А. Гредескул.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Российские дворяне молдавского происхождения
Pchelov, E.V. Rossiyskie dvoryane moldavskogo proiskhozhdeniya [Russian Nobles of Moldavian Origin.]. *Rusin*, 2006, no. 3 (5), pp. 35–47. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Mikhail V. Gribovskiy – Doctor of History, Associate Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

mgrib@mail2000.ru

The article examines the evolution of political views held by Nikolay A. Gredeskul (1864 – 1941), a nobleman of Moldavian (Moldovan) origin. During the crisis of the 1905 Russian revolution he was known as a university professor, a lawyer, a public figure, a political journalist, and a member of State Duma. The evolution of his political views is analyzed in connection with his biography as well as in the context of political, revolutionary and military developments in Russia. The article focuses on the critical analysis of his major journalistic writings.

By the beginning of the 20th century N.A. Gredeskul had been formed as a liberal public figure. After the 1905 Russian revolution he would make his political views either more leftist and revolutionary or more extreme right and conservatory. These oscillations were most vividly seen in how he treated the national question. N.A. Gredeskul's more radical leftist views were triggered by the collapse of the autocracy, the defeat of the White movement and the final establishment of the Bolsheviks' power in Russia. He accepted the Soviet rule without visible hesitation, with his ideas expressed in his works as early as in the 1920s being close to Bolshevism, far from the views he had held on the eve of and during the 1905 revolution.

N.A. Gredeskul's life and journalism are a vivid illustration of social and political processes undergoing in Russia's revolutionary epoch. The development of his social and political views, his publicist works reflect those transformations in outlook that Russian intelligentsia, particularly, professoriate went through during revolutionary transition from imperial civilization to the soviet one.

1905 Russian Revolution, World War I, State Duma, intelligentsia, professoriate, social movement, political journalism, liberalism, national question, Jewish question, Professor Nikolay A. Gredeskul.

Научное издание

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 25.01.2000
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru